

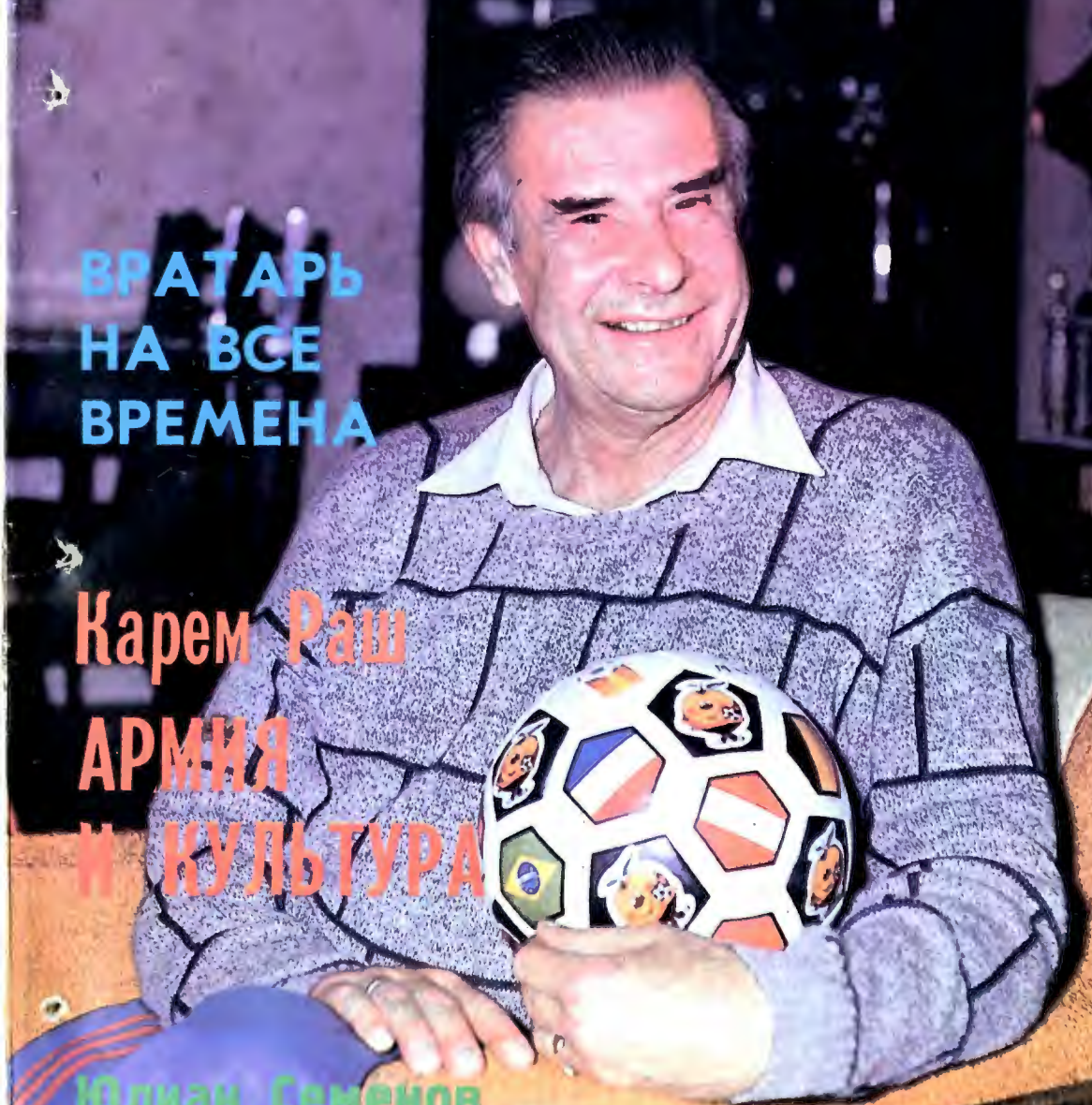
НА БОЕВОМ ПОСТУ

8.1989

ВРАТАРЬ
НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Карем Раш
АРМИЯ
И КУЛЬТУРА

Юлиан Семенов
НЕНАПИСАННЫЕ
РОМАНЫ

Летняя боевая учеба в разгаре. Атака. Оборона. Разведка. Короткие и емкие слова, за которыми трудные дни и ночи, километры маршей, пролитый солдатский пот... Так приходит мужание. Так растет ратное мастерство.

НА Боевом Посту

Издается с 1958 г.

8·1989

В НОМЕРЕ:

В третий раз, когда мы пролетали над площадью, толпа надвинулась и угрожающе нависла над тоненькими солдатскими цепочками. И тут позади нас что-то засветилось; словно полыхнула молния...

с. 8.

В так называемых дембельских альбомах появились кальки — солдат в обнимку с осужденным, содержащимся на особом режиме, пьют водку — бутылка на двоих. И хохочут над офицером. Изображен тот неказистым, расхристанным, согнувшимся под тяжестью бытия. Откуда картинка! Из зоны, вестимо.

с. 36.

И тут мы с лейтенантом Кашириным занялись несерьезным делом: начали мечтать. Не всем в городах служить, это ясно и понятно, но что нужно сделать, чтобы и в глубинке уклад жизни офицера изменить!

с. 48.

■ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ: ПРОГРАММА НАШЕЙ ЖИЗНИ

Овчаренко Г. Шаг к народовластию (интервью с делегатом съезда)	3
Потапов В. Рабочая помощь милиции	14

■ МЕСТО СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

Фергана, лето 89-го (фоторепортаж)	6
Студеникин П. Запах горя и гари	8

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: ПИШУТ ВЕТЕРАНЫ, ЕСТЬ ВОПРОС, НАМ ОТВЕЧАЮТ

	18
--	----

■ БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В караулах и войсковых нарядах. На постах и маршрутах	22
Лосев В. Минуты над зоной (хроника одного побега)	44

■ ПУБЛИЦИСТИКА

Раш К. Поклонимся памяти нашей	26
Козлов И. В чести ли нынче честь	48

■ СЛУЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, ОБЕРЕГАТЬ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

Шошин В. Избирательное милосердие, или Ночные дела «дневной роты»	33
Шевцов С. За правдой в «Правду»	36
Матушкин О. Очень серьезный спектакль	40
Кудряшов В. Посмотри в глаза герою	41

...После этого коварства, потрясшего Серго, он начал готовить свое выступление на февральском Пленуме ЦК: он теперь до конца понял, что если не сказать всей правды, то делу Ленина будет нанесен такой удар, который поставит вопрос о жизни и смерти самой идеи социализма.

с. 71.

На первой странице обложки: ветеран внутренних войск полковник в отставке Лев Иванович Яшин, легендарный страж ворот московского «Динамо» и сборной СССР, готовится отметить 60-летний юбилей. Рассказ о нем — в этом номере.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА

■ ЧЕМПИОНЫ С ЭМБЛЕМОЙ «ДИНАМО»

Карпов Б. Вратарь на все времена 54

■ КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

Афанасьев В. «Банальный» конфликт, или Является ли соблюдение буквы уставов бюрократизмом? 60

Гавриков Ф. Летопись боевого опыта («Военно-историческому журналу» — 50 лет) 62

■ КУЛЬТУРА. БЫТ

Хомяков И. «Здравствуй, мама!» 65

Гондусов В. Авто, кино и не только 66

■ ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

Петров А. «Частник» или автолюбитель? 69

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Халтурин Ф. По азимуту жизни (стихи) 24

Семенов Ю. Ненаписанные романы 71

Болдин И. Волчата (рассказ) 92

■ НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Ерхов Е. Цвет огня 91

■ В ЧАСЫ ДОСУГА

Кроссворд 95

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, В. Ф. Кузьменко, Г. А. Малюшкин, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Соки, П. А. Студеникин, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250. Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: боевой службы — 361-85-23, пропаганды — 361-82-87, обучения и воинского воспитания — 361-86-27, партийно-политической работы — 361-81-54, литературы, культуры и быта — 361-85-28, писем и информации — 361-89-39, издательства и подписки — 361-80-97.

Сдано в набор 5.06.89 г.
Формат бумаги 70×108^{1/16}
Уч.-изд. л. 11,5 Г-25921

Подписано к печати 28.07.89 г.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4, п. л.
Зак № 1159 Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

ШАГ К НАРОДОВЛАСТИЮ

307

С Юрием Сычевым мы встретились накануне завершения работы Первого Съезда народных депутатов СССР. Он один из 2250 посланцев народа, которые теперь представляют высшую власть в государстве. Юрию 36 лет, он подполковник, преподаватель кафедры научного коммунизма Ленинградского высшего военно-политического училища противовоздушной обороны имени Ю. В. Андропова. Разговор наш завязался с вопроса, который, думаю, и сегодня продолжает волновать каждого:

— Оправдал ли Съезд ваши надежды, ожидания!

— Однозначно ответить трудно. Я по своей натуре реалист. Каких-то больших, кардинальных изменений, принятия массы законов, изменения Конституции, как предлагали некоторые, я не ждал. Цель у Съезда была немножко другая. Как я считал, она в том, чтобы он действительно стал высшим органом государственной власти. Думаю, в этой части народные депутаты приблизились к решению задачи. Съезд — это и есть власть. Теперь дело за тем, чтобы умело, в интересах народа ее использовать. Правда, я надеялся, что на Съезде будет принят новый статус народного депутата. Потому что, если останется старый статус, мы, народные депутаты СССР, будем по-прежнему просителями у местных органов власти, различного ранга руководителей хозяйственных и других органов. Но решение этого вопроса перенесено на осень, когда соберется Второй Съезд. Возможно, это и верно. Будет время поразмышлять над проектом о статусе народного депутата, который разработает соответствующая комиссия Верховного Совета.

— Очевидно, новый статус как-то повлияет и на поведение депутатов не только в повседневной работе, но и на съездах, сессиях Верховного Совета.

— Совершенно верно. У нас пока нет школы парламентской этики. Мы учимся на ходу. Поэтому в первые дни Съезда много времени теряли, скажу так, на обсуждение не основных вопросов. Отдельные депутаты выходили на трибуну, чтобы только показать себя избирателям: недаром, мол, меня избрали. И зачастую поднимали проблему, не связанную с обсуждаемым вопросом. То есть уводили Съезд в сторону. В первые дни было очень много таких моментов.

— Очевидно, здесь сказались и недоработки при подготовке Съезда!

— Разумеется. До Съезда, на мой взгляд, депутатам должны были раздать пакет документов по вопросам, которые предстоит обсудить. И на Съезд мы уже приехали бы со своим, выверенным вместе с избирателями мнением. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что было сделано это умышленно: депутаты оказались практически без документов, а в этом случае аппарату легче направлять сам Съезд. Хотя, с другой стороны, знаю, что многие депутаты просили не заорганизовывать Съезд, чтобы он шел живо и естественно. Но в любом случае все это — школа. Думаю, следующий Съезд, который готовить будут уже сами депутаты, пройдет в более деловой и конструктивной обстановке. Но не нужно думать, что первый наш форум ничего не дал. Это не так. Во-первых, определены многие процедурные вопросы, образованы комитеты и комиссии, избраны руководители важнейших органов государственного управления. Кроме того, многие депутаты решили ряд вопросов, с которыми приехали в Москву.

— Какие, например!

— Еще 13 апреля мне было вручено воззвание народного комитета по спасению военнопленных в Афганистане. Выступить на Съезде мне не удалось. Тогда я это воззвание передал в секретариат Съезда, где его быстро размножили, передали депутатам. И вопрос уже решен — в Пакистан выезжает группа представителей этого комитета, в состав которой входят и родители военнопленных, пропавших без вести. Переговоры будут, конечно, вестись долго, напряженно: вопрос идет о выкупе. Но это начало народной дипломатии — вот что меня обрадовало.

— Какое главное впечатление от Съезда!

СЛОВО НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР

— Главное? Главное — по демократичности, гласности такого Съезда у нас еще не было. Я счастлив, что принимал участие в его работе. И думаю, что депутаты этого созыва еще сделают много для демократизации нашей жизни.

— **А раньше вы избирались в Советы!**

— Нет. Если бы не перестройка, не демократизация, которая началась, я бы сегодня в Кремле не был. В этом точно уверен.

— **Скажите, что сегодня изменилось во взаимоотношениях депутатов с избирателями!**

— Все. Простой пример. Вы знаете, когда меня только выдвинули кандидатом в депутаты, сразу пошли письма от избирателей, ходочки. Говорю: почему вы раньше не обращались к депутату Верховного Совета республики, в вашем же районе живет? А мы, отвечаю, его и не знаем. Теперь ситуация иная. В ходе предвыборной кампании только за полтора месяца я провел 85 встреч. То есть меня, мою программу знает практически каждый избиратель. Знают и моих доверенных лиц — команду единомышленников, которые помогают провести программу в жизнь.

— **Что-то удалось сделать по наказам избирателей!**

— Не буду говорить о тех небольших победах, которых удалось добиться. Скажу об одном лишь серьезном вопросе. Много лет, так скажем, вневедомственная охрана Красносельского района Ленинграда обращалась во все инстанции, чтобы ее перевели на хозрасчет. Хотя бы в качестве эксперимента. Проблема не решалась. Я встретился во время Съезда с Министром внутренних дел В. Бакайным, договорились с ним такой эксперимент провести. А сейчас я вот документы передал Министру обороны по поводу увольнения одного из офицеров. Он майор, ему 50 лет, но у него нет нужной выслуги для того, чтобы получить полную пенсию. Министр обороны пообещал разобраться и дать ответ.

— **На Съезде много говорилось об армии. Какие перемены могут произойти в ней после Съезда!**

— Думаю, особых перемен все-таки не произойдет, видимо, до тех пор, пока не будет разработан и принят Закон об армии. Я лично на этот закон возлагаю очень большие надежды. В первую очередь в вопросах социальной защищенности военнослужащих как срочной службы, так и сверхсрочной, вольнонаемных. Они сегодня в социальном плане очень сильно ущемлены, особенно в вопросах жилищных. Могу привести в пример и себя. Двенадцать лет офицерской службы жил на частных квартирах и в общежитиях. И только в Ленинграде, после того как там несколько лет прожил на частной квартире, получил свою первую квартиру. Правда, не очень хорошую, на первом этаже, но тем не менее впервые получил свой угол. Есть и другие вопросы. Например, у нас вместо паспортов удостоверения личности офицера. А по этому удостоверению даже в прокат обратиться порой не можем. Или взять в кредит мебель. Еще лейтенантом столкнул-

ся с этой проблемой, и у меня это останется, видимо, на всю жизнь. В городе, где начинал службу лейтенантом, захожу в магазин и читаю объявление: «Цыганам и офицерам мебель в кредит не продаем». Обидно до слез... Еще в своей программе выдвигал такой тезис: предоставление обязательного отпуска военнослужащим срочной службы. Все-таки мы говорим о создании правового государства. У нас есть Основной Закон — Конституция, где оговорено право каждого гражданина нашей страны на отдых. Солдатский труд, матросский труд — тяжелейший труд. Порой двадцать четыре часа в сутки. Поэтому считаю необходимым, кстати, это и в Законе об армии надо отразить, обязательный отпуск для военнослужащих срочной службы. А дополнительный — как поощрение. Появится еще один стимул для хорошей службы. Меньше будет всякой нечистоплотности в армии. Я имею в виду неуставные отношения.

— **Кстати, откуда это явление в армии — «дедовщина»!**

— Проблема такая есть. Но начало ее не в армейских буднях. Могу много примеров привести, когда «дедовщина» начинается в школах, ПТУ. А потом переносится в армию. Тем более там бывает иногда и благоприятная почва для этого: недорабатывают командиры, недорабатывают политработники. Иногда офицеры свои обязанности перекалдывают на плечи сержантов, старослужащих, а те, чувствуя безнаказанность, дисциплину поддерживают кулаком.

— **Мне называли еще одну причину неуставных отношений: если командир вынесет из подразделения эти негативные явления, то в первую очередь наказывают его.**

— Правильно. Поэтому я и другие депутаты во время Съезда были на приеме у Министра обороны и начальника Главного политуправления, обратили внимание и на этот вопрос. Нам ответили, что положение здесь коренным образом сейчас меняется. Теперь командира, который открыто, гласно борется с «дедовщиной», будут не наказывать, а поощрять. Еще что меня волнует: проблема курсантов. Если, допустим, офицер учится в академии, он и его жена получают временную прописку и все вытекающие отсюда блага. Жена имеет право работать, пользоваться медицинским обслуживанием, есть возможность устроить ребенка в ясли, детсад. А жены курсантов не имеют права на прописку, даже временную. Необходимо разрешить эту проблему. И надо подумать об улучшении качества подготовки офицерских кадров. Думаю, что мы рано или поздно придем к созданию крупных военно-учебных заведений, где бы, допустим, первый курс или два шла общевоинская подготовка, а затем начиналась факультетная система. Это позволит юноше лучше выявить свое призвание.

И раз я уже затронул вопросы качественного улучшения Вооруженных Сил, то хочу сказать, что часть средств от сокращения военного бюджета должна оставаться для армии. Они остро необходимы на

368

развитие социальной сферы, на новую, более качественную технику. Количество нужно компенсировать качеством.

— В связи с трагическими событиями в Тбилиси на Съезде много говорилось о роли армии в обществе...

— Я категорический противник того, чтобы армия применялась для выполнения функций внутренних войск. Однако возникают нештатные ситуации, когда одних сил МВД недостаточно. Тогда Съезд или Вер-

ховный Совет должны принять решение о применении армии. Но решение должно быть не келейным, а гласным. Считаю, что если бы в самом начале событий в Ферганской долине туда были бы введены регулярные части армии, жертв было бы меньше.

Беседу вел Г. ОВЧАРЕНКО,
корреспондент «Правды»,
специально для журнала
«На боевом посту».

С КОЛЛЕГИИ МВД СССР

ОБЕСПЕЧИТЬ ПОРЯДОК И БЕЗОПАСНОСТЬ

Фергана, июнь 1989 года — это трагедия для тех, кто проживает на территории Узбекистана. Спровоцированные экстремистскими элементами, подогретые алкоголем и наркотиками, толпы молодых — от 16 до 30 лет — людей устроили массовые беспорядки во многих районах области. Они потребовали изгнания отсюда турок-месхетинцев. В результате погибло 103 человека, 584 получили различной степени увечья, сотни пропали без вести. Хулиганствующие элементы совершили 782 погрома и поджога домов, принадлежащих туркам-месхетинцам, государственных объектов. Тысячи людей, спасаясь от расправы националистов, покинули обжитые места, лишились крова.

Жестокостью, переходящей в садизм, экстремистам удалось посеять среди людей страх и ненависть. По существу, здесь имело место проявление массового террора против мирного населения, в том числе женщины, детей, стариков, единственная вина которых — принадлежность к другой национальности.

Из 18 районов Ферганской области в 14 были допущены поджоги домов. Наблюдались случаи захвата советских и партийных руководителей в качестве заложников, 90 процентов трупов было сожжено.

В это же время нагнеталась обстановка в соседних областях. Произошли также выступления в Новом Узене Казахской ССР.

В сложных условиях пришлось наводить порядок прибывшим сюда частям и подразделениям внутренних войск. Совместно с партийными и советскими органами, подразделениями милиции военнослужащие войск сумели в короткий срок пресечь антиконституционные выступления экстремистов и взять под защиту попавших в беду людей.

Впервые комендантский час, введенный на территории Ферганской области, осуществлен войсками и органами МВД СССР. Впервые военным комендантом был

назначен министр внутренних дел республики.

Обо всем этом шел обстоятельный разговор на состоявшемся 23 июня 1989 года заседании коллегии МВД СССР. Выступивший с информацией по данному вопросу начальник Главного управления — начальник внутренних войск МВД СССР генерал-полковник Ю. В. Шаталин обстоятельно доложил о действиях войск в Ферганской области по пресечению антиобщественных деяний националистических сил. Военнослужащие действовали четко и слаженно, соблюдая социалистическую законность.

Как в информации т. Шаталина, так и в выступлениях других ответственных работников центрального аппарата МВД СССР высказывалась тревога за то, что в некоторых средствах массовой информации искажается сложившаяся обстановка в Фергане. Не соответствуют действительности факты о якобы полученном войсками в Фергане приказе на применение оружия против хулиганствующих элементов.

За все время участия войск в обеспечении общественного порядка подобных распоряжений и приказов ни от кого не поступало. Были факты единичного применения оружия самими военнослужащими в обстоятельствах, когда другими средствами обеспечить конституционные права и личную безопасность граждан не представлялось возможным. Во всех случаях оружие было применено в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР при охране общественного порядка».

Коллегия приняла по обсуждаемому вопросу решение, в котором определены конкретные меры по поддержанию органами и войсками общественного порядка в Фергане и некоторых других районах, где имели место массовые беспорядки.

Веп заседание коллегии и выступил на нем Министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакатин.

ФЕРГАНА,

ЛЕТО 89-ГО

Фоторепортаж
А. АЛЕКСАНДРОВА

На этих снимках запечатлены события одного дня. Утром солдаты увидели разгромленный дом, хозяина которого, Юнуса Отарова, бандиты сожгли; днем участвовали в спасении трех турок-месхетинцев, укрывшихся от экстремистов на русском кладбище (оно по эту сторону канала). Вечером приютили у себя турко-узбекскую семью Хадии Нахимовой с тремя дочерьми, внучкой и внуком Кахрамоном. Его мы и видим на руках у прапорщика Алексея Куликова.

На фото внизу слева: их уже ждут в России.

События в Фергане — это подлый, жестокий удар врагов перестройки. И не случайно, что они, спровоцировав варварское гонение на турок-месхетинцев, выселенных сюда по приказу И. В. Сталина в 1944 году с Кавказа, нанесли его в тот момент, когда работал Первый Съезд народных депутатов СССР.

«В конце мая с. г. в Ферганской области обострились отношения между лицами узбекской и турецкой национальности. Несколько столкновений и конфликтных ситуаций произошло в г. Куvasae. С 23 по 25 мая в различных регионах области произошли групповые драки. В ходе столкновений пострадало 58 человек.

С 10.00 3 июня группы агрессивного настроения молодых людей, преимущественно узбекской национальности, в гор. Фергана и Маргилан, поселках городского типа Ташлак и Комсомольский завязывали ссоры и драки с турками-месхетинцами. К вечеру толпы хулиганов численностью 300—400 человек, большинство в состоянии опьянения, учинили погромы и поджоги домов турок в г. Маргилане.

С утра 4 июня многочисленные группы экстремистов, вооруженные ножами, топорами, металлческими прутьями и др. предметами, буквально штурмовали места проживания турок, административные помещения, где они укрылись от расправы. Вновь были учинены погромы и поджоги. Резко ухудшилась обстановка в Фергане, Ташлаке и Ахун-Бабаевском...

Для организации мероприятий по пресечению массовых беспорядков на место вылетел начальник Главного управления — начальник внутренних войск МВД СССР генерал-полковник Шаталин Ю. В. с группой офицеров главка.

В ходе пресечения противоправных действий пострадало 83 военнослужащих, из них 20 человек госпитализировано, в т. ч. получил огнестрельное ранение командир войсковой части подполковник Аголец В. С. Свыше 100 военнослужащих получили различные травмы и ушибы, но остались в строю.

Применялись специальные средства типа «Черемуха», о чем уведомлены органы прокуратуры.

В связи с введением с 22.00 4 июня с. г. комендантского часа организуется служба по плану коменданта гарнизона — министра внутренних дел Узбекской ССР генерал-майора внутренней службы Рахимова У. С.»

(Из вечерней справки Главного управления внутренних войск МВД СССР от 5 июня с. г.).

И сейчас, через несколько дней, еще невозможно оправиться полностью от пе-

режитого в те первые дни в городах и поселках Ферганской области, по которым волной прокатилось безумие вандалов XX века с погромами и пожарами. От жестокости и насилия их и сейчас еще кровь стынет в жилах. Перебираю фотографии — убийственные свидетельства вакханалии безумия и садизма: сожженный труп — невозможно опознать, мужчина это или женщина; убитые мужчина и подросток — видимо, отец с сыном — и рядом дубинка, которой они были убиты; сброшенный в канаву труп женщины — изуродованный, с разбитыми до кости пятками; сожженный дома с зияющими ранами погромов, с запахом гари и страшного горя — будто Чингисхан ворвался со своей ордой в наш просвещенный XX век...

Мне немало за свою жизнь довелось видеть людского горя и страданий: Ташкент, поверженный землетрясением, разбитые кишлаки в Афганистане, умирающих прямо на дороге, подорвавшихся на минах наших ребят... И совсем недавно, в Ленинкане, сотни и сотни погибших от удара грозной стихии людей — женщин, детей, стариков... Было больно, очень больно, но тут, в Фергане, — боль особая. Там ты знал: идет война, хотя и необъявленная, понимал, что человек еще порой беззащитен от стихии. А здесь? Брат поднял топор, да — топор, но брата. Люди, прожившие жизнь рядом друг с другом, еще вчера собиравшиеся за одним праздничным столом, играли свадьбы, сидели за одной партией в школе, трудились плечом к плечу в поле, оказались врагами: одни — насильниками, другие — потерпевшими. Почему? Что случилось? Вопросов много, и на них необходимо найти ответ. Сегодня, сейчас, ибо завтра — так может случиться — искать ответы будет уже поздно.

Почему, например, на несколько дней люди были отданы во власть погромщиков?

Народным депутатам Верховного Совета СССР В. Иванову и В. Символокову, которых направили сюда, чтобы досконально разобраться в случившемся, показали видеозапись, сделанную в те дни в Комсомольском, Маргилане и Ташлаке — местах, где события носили наиболее ожесточенный характер.

Камера бесстрастно зафиксировала, как безнаказанно, не получая никакого противодействия, собирались для погромов чем только ни вооруженные молодчики, как пылали жилища, зафиксировала мародеров, грабящих разгромленные дома, и... сожженные трупы — их немало попало в объектив кинокамеры. И на всем протяжении видеозаписи — а она, наверное, длится около часа — невольно задаешься вопросом: как могло такое случиться среди бела

горя и гари

дня? Где же были партийные и государственные руководители, которые, пусть даже не имея воинских частей в своем распоряжении (а такие части были), обязаны были рабочих, весь честной народ поднять на отпор не таким уж многочисленным бандам? Они этого не сделали. И этим в полной мере воспользовались экстремисты: нагнетая слухи, используя шантаж и подкуп, водку и наркотики, они подняли на погром подростков, безработных, бывших уголовников. Создается впечатление, будто «мощная рука» специально оберегала погромщиков — создавала все условия для безнаказанного произвола (ведь даже первые воинские подразделения прибыли сюда не только без автоматов, но даже без палок и щитов — их потом пришлось доставлять на самолетах). Вот эти первые дни до прибытия подразделений и частей внутренних войск и обеспечили на начальном этапе победу экстремистских сил.

Да, с болью и горечью, но надо признать: цели своей экстремистские силы достигли — турки-месхетинцы, лишившись крова, имущества, потеряв многих родных и близких, покинули Узбекистан.

И главное: сколько сил теперь надо приложить, чтобы возродить у пострадавших поправную веру в то, что в своем доме они могут жить спокойно, что жизнь детей их и собственная надежно защищены государством.

Что же послужило причиной этого трагического, из ряда вон выходящего события?

Мы еще не забыли, когда узбекская делегация на Съезде единогласно проголосовала против введения в Ферганской области комендантского часа, когда депутат Р. Нишанов объяснял происходящее ссорой из-за горсти клубники. Это было тогда, когда тысячи людей уже покидали свои дома, опасаясь погромов и расправы, когда над окрестностями сел и городов поднимались к небу клубы черного дыма, когда раздавался плач вдов и сирот, потерявших своих близких.

Теперь в качестве одной из версий выдвигаются события, происшедшие в Куvasae в двадцатых числах мая текущего года. Здесь рядовую драку, возникшую в пивном баре между узбеками и турками-месхетинцами, если она не была организована преднамеренно, кто-то исказил, придал ей характер межнационального конфликта.

Так что же на самом деле произошло в Куvasae? На одной из встреч с журналистами полковнику милиции Правосудову — сотруднику Ферганского УВД был задан вопрос: «События в Куvasae можно было решительными действиями пресечь. Почему местные органы не приняли для этого никаких мер?»

— Мы прибыли в Куvasae 24 мая, — рассказал он, — на следующий день после того, как произошла стычка между узбеками и турками, в которой с обеих сторон участвовало примерно 200 человек. К полуночи усилиями партийных, советских органов города и области эту стычку удалось прекратить. Однако на следующий день стычки возобновились. Ночью произошла большая драка, в которой пострадало 58 человек, 8 из них были госпитализированы. Пострадавший Икрам Абдурахманов — таджик по национальности, в больнице скончался. К этому времени сюда было стянуто из Ферганы и соседних областей около трехсот сотрудников милиции. Была проведена большая разъяснительная работа, в результате положение стабилизировалось. Все последующие дни в городе было спокойно, и вдруг — 3 июня — взрыв в Ташлаке, совсем в другой стороне, который затем перекинулся на Фергану, Маргилан, Коканд...

Сотрудник милиции не сказал о том, что еще 28 мая на базарах открыто говорили о том, что 3 июня будут резать турок в Ташлаке. Что уже в те первые дни легко можно было заметить четкое взаимодействие, казалось бы, разрозненных бандитских групп, действующих вдали друг от друга. Многие факты говорят о том, что события в Фергане не «стихийный бунт», возникший на национальной почве, а тщательно и давно разработанная, хорошо спланированная, крупномасштабная и умело осуществляемая политическая акция, точнее — борьба, которую развернули враждебные силы, угрожающие целостности нашего государства.

Но об этом разговор впереди.

...В штабе руководства, расположенном в здании управления внутренних дел Ферганской области, обстановка напоминала фронтную: во дворе была развернута радиостанция, стояли несколько бронетранспортеров, охрана, часовые — с автоматами, в касках и бронежилетах. В небольшом садике в две шеренги лицом друг к другу сидели под охраной часового несколько десятков молодых — от 17 до 25 лет — людей, задержанных во время беспорядков.

Представитель штаба внутренних войск полковник В. Чурсалов сообщил:

— Обстановка остается сложной и чрезвычайно напряженной. Пожар волнений разгорается. Сейчас самое опасное положение в Маргилане и Коканде, где бесчинствуют толпы экстремистов, идут погромы.

В Коканде сил для наведения общественного порядка оказалось мало — первый удар здесь приняли на себя курсанты

(Продолжение на с. 12)

ФЕРГАНА, ЛЕТО 89-го

■ Сергей Назаров, курсант Пермского высшего командного училища МВД СССР, тяжелое огнестрельное ранение получил не в бою — от подлой руки террориста.

■ Так спят после тяжелой работы. Их работа — защита жителей от бандитских погромов. Нелегкой она оказалась в Коканде.

■ Нередко оружием наших воинов было слово.

■ Материнская скорбь.

Запах горя и гари

(Продолжение. Начало на с. 8)

Пермского высшего военного командного училища МВД СССР. На помощь им выдвигался еще один батальон, в штабе с минуты на минуту ждали подтверждения о его прибытии, но поступило сообщение, что в 20 километрах от города военную колонну остановила бесчинствующая толпа. Напряжение в Коканде возрастало с каждой минутой. И тогда с разрешения прокурора было принято решение применить с вертолета спецсредство «Черемуха».

Вечерело. Город совсем опустел — лишь во дворах некоторых многоэтажек играли детишки, но их было мало.

Даже в кошмарном сне не могло приниться такое, чтобы в Фергане — городе, с которым у меня связано так много хорошего из офицерской молодости, доведется добираться до аэропорта на бронетранспортере в сопровождении солдат в касках и бронезилетах, совсем так, как это приходилось делать в Кандагаре — на афганской земле.

Взлетели, взяли курс на Коканд. С высоты полета опять больно резануло безлюдье — на дорогах, в населенных пунктах. И это в области, где в сельских семьях по 10—15 детей. Поражала также чистота возделанных хлопковых полей. Красивая земля. Не хотелось, просто невозможно было поверить, что и безлюдье, и эта мирная красота земли обманчивы.

Однако в блокноте у меня хранились записи политдонесений, которые врывались в душу резким диссонансом увиденному сейчас. Вот некоторые из них:

«Рядовой Акимов Максим при нападении экстремистов предотвратил поджог автобуса, позволив тем самым отойти товарищам в безопасное место»; «Младший сержант Сергей Пархоменко предотвратил поджог радиостанции»; «Рядовой Дудин Константин оказал решительную помощь в отражении нападения на Ташлакский РОВД»; «Рядовой Сафиуллин Авзал мужественно действовал в горящем автобусе, спасал товарищей, сам получил ожоги разной степени»; «Подполковник Валентин Степанович Аголец при отражении нападения экстремистов на районный отдел внутренних дел Ташлакского райисполкома проявил мужество, умело руководил личным составом. Получил огнестрельное ранение, продолжал руководить операцией и, только когда потерял сознание, был перенесен в безопасное место»; «Группа

экстремистов напала на автобус, в котором находились военнослужащие. Остановив автобус, экстремисты подожгли его. Майор Тураназаров Дехкан вывел личный состав из автобуса. Начал переговоры с экстремистами, но они результатов не дали. Тогда он стал выводить людей в безопасное место, получил при этом колотую рану левой руки, сотрясение мозга, ушиб спины и кисти правой руки»; «Капитан Виктор Назаров получил резаную рану правой щеки, но оставался в строю — отбивал со своими солдатами яростные нападки экстремистов».

Вот такие выдержки из политдонесений. Их не единицы, даже не десятки, их — сотни.

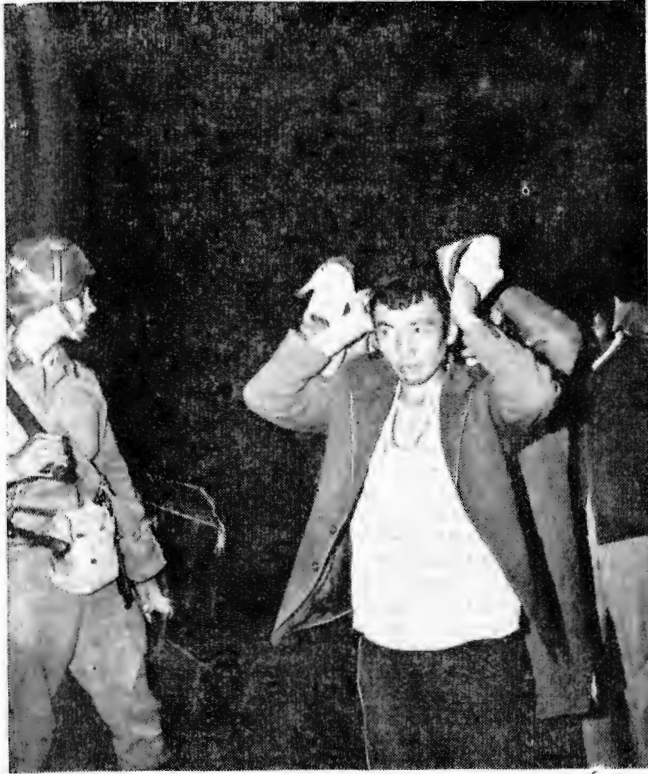
Подлетая к Коканду, еще издали увидели десятки столбов черного дыма, а потом — яркие факелы пылающих внизу домов. Казалось, город подвергся бомбардировке или на него обрушилось стихийное бедствие. Вертолет кружил над городом, и вдруг внизу открылась странная для непосвященного картина: с двух сторон центральной площади перекрыли цепочки солдат — тоненькие и такие отсюда беззащитные, перед которыми собрались две огромные толпы, а рядом пылал дом, горели перевернутые машины. И солдаты, и толпа замерли друг перед другом в каком-то странном оцепенении, но уже во второй заход, когда вертолет снизился, можно было различить, что в толпе и с той и с другой стороны площади бушевали страсти, даже можно было различить отдельные лица, палки в руках. Солдаты стояли тесно, плечом к плечу. Стояли неподвижно — были ли у них в руках хотя бы щиты, не знаю, по крайней мере, в глаза это не бросилось, и они не зафиксировались в памяти. В третий раз, когда мы пролетали над площадью, толпа надвинулась и угрожающе нависла над тоненькими солдатскими цепочками. И тут позади нас что-то ярко засветилось, словно польхнула молния, заглушая рокот двигателей, громынуло. Но толпа дрогнула и стала таять на глазах лишь на пятом заходе, когда пришлось применить «Черемуху». Вертолет еще снизился, мы летели на высоте 70—80 метров, и теперь можно было хорошо различить бегущих людей — да, это были молодчики не старше 25—30 лет, и не было среди них ни женщин, ни пожилых людей. С яростью грозили они нам кулаками и дубинками, а некоторые не выдерживали — швыряли в бессильной злобе в вертолет камнями...

Мы еще не знали, что завтра к вечеру тоже окажемся там внизу, на улицах Коканда, такой огромной толпы уже не увидим, но станем свидетелями того, как прибывшие на помощь воины-дзержинцы будут перехватывать мечущиеся по городу, наводящие на всех страх машины с вооруженными экстремистами.

На обратный курс легли, когда совсем стемнело: в городе пылали дома. Я насчитал около тридцати горящих факелов.

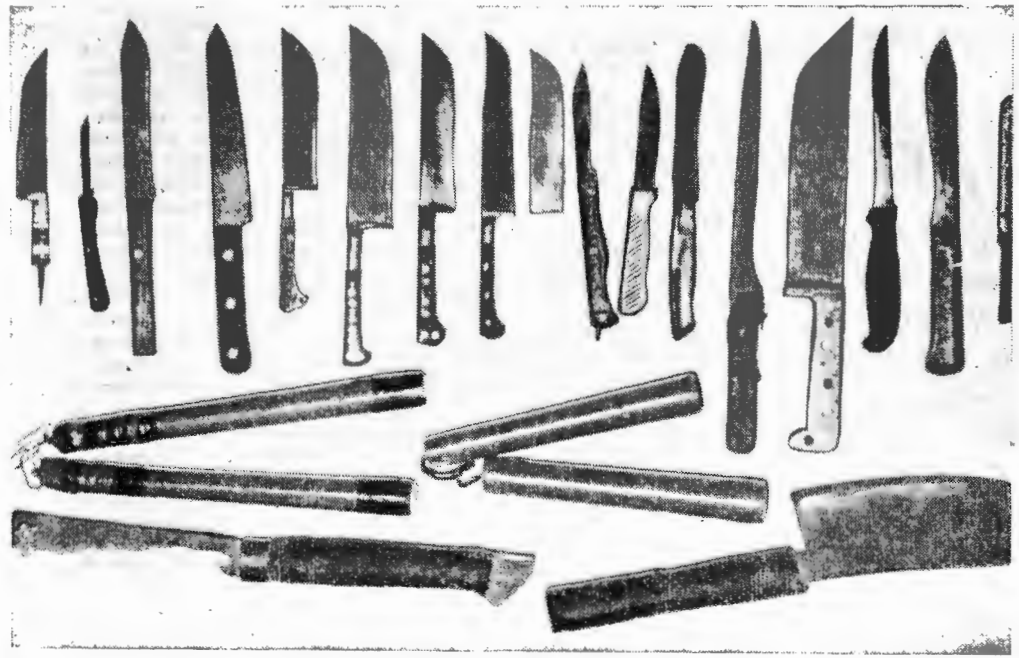
Полковник П. СТУДЕНИКИН.
(Наш спецкор).

(Окончание следует)

Они уже не смогут жечь, грабить, убивать. На рассвете, когда на машине они направлялись в поселок, где проживало несколько семей турок-месхетинцев, их задержали воины подразделения, которым командовал капитан Александр Пышев. Их было несколько десятков. Оружие — ножи, дубинки, бутылки с зажигательной смесью... Трудно представить, что они могли натворить, ясно одно — они несли горе и страдания ни в чем не повинным людям.

ФЕРГАНА, ЛЕТО 89-ГО

«...Нам надо укрепить, поддержать правоохранительные органы, но и потребовать от них эффективных мер по искоренению преступности» — эта мысль, прозвучавшая в докладе М. С. Горбачева на Съезде народных депутатов СССР, реализуется сегодня в конкретных делах. Убеждает в этом, к примеру, опыт горьковчан, где в трудовых коллективах родились рабочие отряды содействия милиции.

НА ВОПРОСЫ
НАШЕГО
КОРРЕСПОНДЕНТА
ОТВЕЧАЕТ
НАЧАЛЬНИК УВД
ГОРЬКОВСКОГО
ОБЛИСПОЛКОМА
ЧЛЕН СОВЕТА
МВД СССР
ПОЛКОВНИК
МИЛИЦИИ
В. А. ПОТАПОВ.

РАБОЧАЯ ПОМОЩЬ МИЛИЦИИ

— Все мы — свидетели большой озабоченности народных депутатов СССР ростом преступности в стране. Да и согласитесь, Виталий Антонович, 1867 223 преступления, зарегистрированных только в минувшем году, — это более чем серьезно и тревожно. Особенно настораживает, что почти полмиллиона правонарушителей остались невыявленными, а значит, преступники разгуливают на свободе. В народе, само собой, во всем винят милицию. А что по этому поводу можете сказать вы — начальник областного УВД, член Совета МВД СССР!

— Рост преступности в стране беспокоит нас всех. Сказать, что в нем повинна только милиция, проще всего.

Существует целый ряд причин как объективного, так и субъективного характера, которые к тому же тесно перепле-

тены. Действия первых я связал бы прежде всего с ослаблением наступления на пьянство; с резким увеличением криминальной категории лиц, освобожденных из мест лишения свободы по амнистии; с осложнением трудоустройства их в связи с переходом предприятий на хозрасчет. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что часть подростков и молодежи понимает процесс демократизации нашей жизни неправильно — как возможность игнорирования законов, вседозволенность. К этому подталкивает зачастую и неверный взгляд на предстоящую гуманизацию уголовной политики, который уже сейчас породил кое у кого терпимость к правонарушителям, граничащую с попустительством.

Субъективные факторы, приобретающие все большую значимость, обусловлены тем, что уровень организации правоохрани-

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР: ПРОГРАММА НАШЕЙ ЖИЗНИ

тельной работы, профилактические, оперативно-розыскные, исправительные меры в борьбе с преступностью еще не отвечают предъявляемым требованиям. Не следует забывать — решение многих проблем зависит не только от милиции, но и от комплексного подхода к ним со стороны всех заинтересованных ведомств и организаций. Наконец — от выполнения каждым своего гражданского долга.

Что меня особенно волнует? Год от года около двух третей преступлений совершается впервые. Это уже не столько наши недоработки, сколько общественные недуги, о которых подробно и открыто говорилось на Съезде народных депутатов. Вы посмотрите, какие человеческие пороки произрастают лишь на почве не уменьшающегося дефицита товара: срываются дорогие шапки, крадётся из гардеробов импортная одежда, из квартир — видео- и радиоаппаратура, угоняются и разбираются на запчасти легковые автомобили. А что, скажите, толкает тринадцатилетнего пацана красть лобовое стекло «Жигулей»?

— Этот пример, думается, вплотную подводит к вопросу: какова обстановка с преступностью в Горьком и области?

— Она сложная. Если раньше ежемесячно регистрировалось в пределах 1 200—1 300 преступлений, то в прошлом году уже 1 600—2 000. В целом преступность возросла на 15 процентов.

Один из основных, наиболее объективных критериев оценки ее состояния — количество преступлений в расчете на 10 000 жителей. В 1988 году этот уровень у нас обозначала цифра 50, а в среднем за пять лет — 53. В то же время по Российской Федерации этот показатель выше. Хотя утешительного тут мало.

— Честно говоря, я ехал к вам под впечатлением от прочитанных в центральной печати статей, затрагивающих проблемы роста преступности в городах Поволжья. Одна из них в «Труде» рассказывала о забастовке горьковских таксистов, страдающих от рэкета. В ней говорилось о совместном заседании бюро горкома КПСС и исполкома горсовета, о принятом постановлении, призванном укрепить порядок в городе. Расскажите об этом, пожалуйста, поподробнее.

— Да, действительно, была статья собкора «Труда» Долгодворова под впечатляющим заголовком «Кошелек или жизнь». Не знаю только, зачем понадобилось журналисту грубо исказить факты? Чашу терпения, пишет он, переполнил очередной случай вооруженного нападения на такси. При задержании один преступник был убит, другой ранен. Тяжелое ранение получил водитель Нарюков. Но, во-первых, никакого вооруженного нападения не было. Во-вторых, огонь по машине вели наши сотрудники после того, как чудом не побывали под колесами уходящих в отрыв правонарушителей. И, в-третьих, в ходе этой операции никто не был убит, лишь двое; в том числе и отстраненный от управления автомобилем Нарюков, легко ранены. И это еще не все. За прошлый год убито шесть таксистов, указывается в

статье, десятки покалечены. Откуда такие цифры? На самом деле погибли двое, причем за городом, куда, как отмечали сами работники автохозяйства, не всякий решится ночью везти пассажира «за плату в оба конца».

С себя ответственности мы не снимаем. Но вы меня извините, таксисты не такие уж простаки. Беспечных среди них единицы, это, как правило, народ зрелый, видящий лучше иного рентгеновского аппарата, что за человек садится к нему в салон. Да и разве только недовольство действиями милиции подтолкнули людей собраться вместе на площади Минина и Пожарского и потребовать встречи с руководителями города и области? Речь шла и о большом износе техники, хронических трудностях с бензином, отсутствии порядка в автопарках, необеспеченности жильем и услугами соцкультбыта.

Бюро горкома КПСС приняло постановление «О неотложных мерах по укреплению правопорядка в Горьком». Соответствующим документом отреагировал и горисполком. Задачи, поставленные перед правоохранительными органами, нами восприняты по-деловому. Свои проблемы мы хорошо знаем и не скрываем от трудящихся, поскольку без взаимной информации, совместных усилий, например с теми же водителями такси, нам не покончить с местным «гангстеризмом». Сегодня в Горьком, прежде всего на перекрестках самых оживленных улиц, создано двадцать четыре так называемых «поста доверия», из которых тринадцать работают круглосуточно. Каждый таксист знает их координаты. И наши сотрудники здесь всегда в повышенной готовности. Малейший сигнал водителя, и машина будет остановлена.

— Разумеется, какими бы дельными ни были постановления, все зависит от их конкретного исполнения на местах, от того, какие силы задействованы, какова их активность. Видимо, неспроста те же таксисты, требуя от органов внутренних дел решительности, выразили готовность оказать помощь милиции, создавая свои рабочие отряды! Не об этой ли незадействованной силе в борьбе с преступностью говорили вы, выступая на Совете МВД!

— Да, и такие отряды сегодня реальность. Они создаются по территориально-производственному принципу решением трудовых коллективов. Численность их зависит от возможностей предприятия или учреждения, оперативной обстановки на подведомственной территории, включая и жилые массивы. Вот и советы трудовых коллективов обоих таксомоторных парков создали по отряду. Когда советовались с горисполкомом, обговорили численность: в двадцать человек каждый. Но, к слову, в таксопарке номер один отрядили 37 человек. Зато администрация отмечает уже сегодня, что повысилась дисциплина труда, улучшилась профилактическая работа в семьях, поутихли любители «расслабиться» за бутылкой, перестали крутиться у гаражей, мастерских и автостоянок сомнительные личности, повывели несунув и т. д.

В какую копеечку выливается семья,

предприятию, государству каждая загубленная или покаянная судьба? Никто пока не делал экономического «обсчета» преступления. А пора настала. Тогда бы все воочию убедились в рентабельности службы порядка.

— Цели и задачи рабочих отрядов действия милиции, думается, понятны каждому. А вот организационные моменты хотелось бы прояснить.

— При создании отрядов во многом учтен опыт ДНД и действовавших на ряде предприятий специализированных дружин по различным направлениям правоохранительной деятельности: охране правопорядка; использованию антиалкогольного законодательства; по линии Госавтоинспекции; сохранности социалистической собственности.

Коллективы Горьковского автозавода, авиационного и станко-строительного объединений и некоторые другие предприятия предложили освобождать на определенный срок рабочих из числа добровольцев в помощь милиции: нести патрульно-постовую службу, дежурить в пунктах общественного порядка, выезжать на происшествия. Словом, не от случая к случаю, не после работы помогать органам внутренних дел оздоравливать обстановку в городе, а, допустим, полгода целиком отдаваться этому серьезному делу, отчитываясь перед своим трудовым коллективом. Ну а в том, насколько реально рабочая помощь, мы убеждаемся постоянно. Наладчик Сормовской кондитерской фабрики С. Суворов, находясь в составе экипажа патрульно-постовой службы, задержал преступников, совершивших разбойное нападение. Вполне профессионально действуют С. Малкин с Горьковского железной дороги, Г. Красавкин — рабочий завода «Эталон», Н. Барбосов с завода им. Фрунзе, М. Панихин — электрик ТЭЦ ГАЗ и многие другие.

— Сравнивая в одном из своих интервью уровень преступности в СССР и США, министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакатин заметил, что явное неблагополучие в Америке не должно нас приводить к примитивному самодовольству. Рост преступности — такое же глобальное явление, как и загрязнение окружающей среды. Нам надо не повторять чужих ошибок, а учиться лучшему, перенимать полезное. В тех же Соединенных Штатах сегодня действуют сотни многообразных «гибких» программ приобщения. К объединениям, оказывающим помощь правоохранительным органам, относится «Национальный совет по преступности». Сходные цели у «Национальной лиги предупреждения преступности силами населения». В эту общественную организацию входят сотрудники органов юстиции, полиции и шерифской службы, руководители ряда общественных организаций. На местном уровне широкое распространение получили создаваемые при полицейских управлениях «Совещательные комитеты граждан». Для предупреждения преступности горожане патрулируют территории по месту жительства, а в некоторых районах США созда-

ются специальные отряды, действующие совместно с полицией под контролем органа местного самоуправления. Руководит таким отрядом обычно шеф местного полицейского управления. Здесь есть что-то схожее с вашими инициативами!

— Преступность сегодня интернациональна и экстерриториальна. Поэтому все, что помогает с ней бороться, конечно же, нужно брать на вооружение. Я не знаком глубоко с американским опытом, чтобы в полной мере вести сопоставление. Но вот, например, «Совещательный комитет граждан» очень напоминает нашу «Рабочую группу», созданную из сотрудников РОВД и таксопарков. В ней и водители, и участковый инспектор, и начальник районного ГАИ, и представители администрации. Тут оперативно решаются проблемы, доводится обстановка, рассеиваются слухи и домыслы. Это приносит немалую пользу.

— И все же, Виталий Антонович, возвращаясь к рабочим отрядам содействия милиции, хочется спросить вот о чем. Все больше предприятий переходит на хозрасчет и самофинансирование. Не сочтут ли производственники непримлемым отрыв своих товарищей на продолжительный срок от станка! Ведь что ни говори, а, например, незаинтересованность в предоставлении дружинникам в качестве поощрения дополнительных дней привела к тому, что все реже встречаются на улицах люди с повязками «ДНД».

— Я бы не стал связывать падение численности и снижение эффективности работы дружин лишь с отменой ранее предоставлявшихся трех дополнительных дней к отпуску. Корень зла, думаю, кроется в сложившемся за долгие годы зastoя на предприятиях, в учреждении формального подхода к формированию самих дружин. Ведь прежде всего нужно желание человека навести порядок в своем городе, микрорайоне. А чтобы это желание пробудить, требуется кропотливая разъяснительная работа, усилия партийного, комсомольского актива. Нужен личный пример руководителей производства. Вот этого всего как раз и не хватало. Как результат — в ДНД или люди случайные, или преимущественно женщины.

Надо отдать должное, женщины неплохо работают с несовершеннолетними, налаживают контакты с неблагополучными семьями. Но при задержании правонарушителя, пресечении противоправных действий, как вы сами понимаете, требуется мужская сила, сноровка.

Мы знаем, что хорошего производственника предприятию невыгодно направлять в рабочий отряд милиции. Но, чтобы не дискредитировать дело, мы тоже не согласны на помощь лентяя или морально неустойчивого человека, ранее судимого или по состоянию здоровья не способного вести борьбу с хулиганом. Рабочим отрядам требуются люди, проверенные в той же народной дружине, оперативных комсомольских отрядах. Словом, отбор нужен двусторонний.

Теперь о «незаинтересованности», как вы выразились, трудового коллектива. Вопрос

374

тут есть. Для небольшого учреждения отсутствие и одного сотрудника ощутимо. Но нельзя забывать, что мы живем в полуторамиллионном городе, и не эти трудовые коллективы делают погоду. «За!» — говорит рабочий класс многотысячных предприятий. Там родилась идея, там созданы первые отряды, состав которых к концу года, думается, достигнет пятисот человек. Ну а учреждения, где не под силу сформировать свой отряд, могут выделить одного или нескольких человек с соответствующим фондом заработной платы в бюджет исполкома местного Совета народных депутатов для формирования сводного отряда. К тому же иные из них будут создаваться лишь на время обострения оперативной обстановки. Говорю так, потому что верю: преступность мы одолеем, ибо нет никакой силы сильнее союза рабочих и милиции.

— Вы коснулись финансовой стороны дела. Она, как и система моральных стимулов, ныне совсем не второстепенна. Недаром и товарищ Бакатин прямо указывал: «Чтобы к нам шли лучшие люди, надо больше платить». Вместе с воспитательной работой, спросом, контролем соответствующая зарплата делает невыгодным и укрытие преступлений, а в ряде случаев и сращивание с преступным элементом.

— Разумеется! Советы трудовых коллективов вправе предоставить наиболее добросовестным членам отрядов дополнительный — до пяти суток — отпуск. Решение, что каждый из них будет получать свой среднемесячный заработок. В Горьком рабочие в среднем получают 219 рублей. Миллионер об этом может только мечтать. Это я к тому, что со временем, когда Советы народных депутатов наконец-то почувствуют себя хозяевами города, района и т. д., окрепнут материально, они, безусловно, сами определят и необходимую численность милиции, и размер зарплаты рядового сотрудника, учитывая психические затраты людей, нахождение в экстремальных условиях и многое другое. Пока же сплошь и рядом наше штатное расписание не меняется десятилетиями, хотя протяженность городских улиц удвоилась, а численность проживающих в иных районах Горького превышает 300 тысяч.

— А как в правовом отношении будут защищены члены рабочих отрядов содействия милиции!

— По своему статусу они приравниваются к внештатным работникам милиции и членам ДНД. В УК РСФСР есть статьи, предусматривающие наказания за противоправные действия в отношении представителей власти или общественности, выполняющих обязанности по охране общественного порядка.

Думаем мы и об экипировке рабочих отрядов. Что же касается их вооружения, то разговор об этом преждевременен и вызван скорее эмоциями, чем необходимостью.

— Нельзя не видеть, что на волне перестройки происходит не только возрождение национального самосознания, повышение общественной сознательности гражд-

дан, и об этом тоже немало говорилось на Съезде. В ряде мест к позитивному примешиваются националистические, сепаратистские, антисоциалистические течения. Наверное, обстановка в Горьком была бы лучше, если бы местные подразделения внутренних войск не были отвлечены выполнением непростых задач в Закавказье!

— Без сомнения. И я называл это в числе объективных факторов, повлиявших на рост преступности в городе. С возвращением подразделений из Закавказья, уверен, обстановка заметно оздоровится.

— На коллегии МВД отмечалось, что в ряде УВД не продуманы организационно-тактические схемы объединения сил милиции и внутренних войск. Что вы можете сказать по этому поводу! В полной ли мере используются возможности для совместных действий!

— За последнее время сама жизнь трижды проверила нас в серьезных операциях. И каждый раз взаимодействие было на должной высоте. Во многом это заслуга начальника Приволжского управления внутренних войск генерал-майора В. А. Пономарева и его штаба.

— Великий пролетарский писатель, чье имя носит ваш город, очень точно заметил: «Когда природа лишила человека его способности ходить на четвереньках, она дала ему в виде посоха — идеал!». Сегодня нередко, сводя разговор к показу негативного, мы невольно выбиваем из нетвердой руки тот посох. Я не спрашиваю, какие идеалы отстаивают молодые силы горьковской милиции, они изложены в лисяге. А вот на кого они равняются в повседневных буднях? Есть ли среди этих людей бывшие воины внутренних войск! Это, мне кажется, было бы интересно услышать нашим читателям.

— В горьковской милиции служило и служит немало замечательных патриотов. В минувшем году создан документальный фильм о наших ветеранах, фронтовиках, их наказах молодому поколению.

Что же касается бывших солдат внутренних войск, десятки из них, можно сказать, шагнули из строя в строй. И мы очень рады таким ребятам, знающим не понаслышке, что такое служба. Они приходят в милицию сознательно, по призыванию, а это главное. Перечисление их заняло бы много места, назову хотя бы некоторых. Сергей Мухин — ныне лейтенант милиции, инспектор по кадрам и профессиональной подготовке. Недавно принят кандидатом в члены КПСС. Десять лет служит у нас старший лейтенант Семен Лещ, инспектор дознания Нижегородского РОВД. Уволившись из войск, молодой коммунист старшина Владимир Копалкин, уже будучи в милицейском строю, выполнял интернациональный долг в Афганистане. Да что там говорить, моя правая рука — начальник управления охраны общественного порядка УВД облисполкома подполковник милиции Павел Клементьевич Сухомуть срочную тоже служил во внутренних.

Вел беседу майор Е. АРТУХОВ.

Фото Р. РЯЗАНОВА.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

- ВСТРЕЧАЕТ ПОЛЬША
- МНЕНИЯ РАЗОШЛИСЬ
- ПРИГЛАШАЕМ К РАЗГОВОРУ
- ПОЛУЧЕН ОТВЕТ

ПИШУТ ВЕТЕРАНЫ

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ

В связи с 45-й годовщиной освобождения Польши от немецко-фашистских захватчиков Катовицкая воеводская организация Общества польско-советской дружбы пригласила группу ветеранов Вооруженных Сил СССР побывать на местах бывших сражений, познакомиться с сегодняшней жизнью польского народа. В состав делегации вошел и ветеран внутренних войск полковник в отставке К. Оглоблин, в те далекие годы — гвардии старший лейтенант, командир батареи САУ-152.

За четыре дня пребывания в Польше гости встретились с представителями рабочих коллективов, организаций, учебных заведений в городах Катовице, Гливице, Рыбник, Сосновец, посетили памятные места революционной и боевой славы, кладбища советских воинов, возложили цветы на могилы однополчан.

Большое впечатление на К. Оглоблина и других членов делегации произвело знакомство с воинами Силезской именной Гвардии Людовой части внутренних войск МВД ПНР, размещенной в Катовицах, где они присутствовали на торжественном заседании.

На нем были оглашены выдержки из приказа Министра обороны СССР о награж-

дении поляков, бывших солдат Советской Армии, орденом Отечественной войны I и II степени и медалью «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Эти и другие награды вручали консул генерального консульства СССР в Кракове Ю. Павленко и председатель воеводского правления Союза ветеранов войны ПНР полковник В. Лалин.

Праздник завершился концертом и товарищеским ужином воинов части с советскими и польскими ветеранами войны. С концертной программой «Вела их песня» выступил эстрадный ансамбль части «Синие фуражки». В празднике приняли участие член ЦК ПОРП Ю. Гвоздь и председатель общества ветеранов, бывший солдат Советской Армии полковник Д. Плискин.

Советские ветераны войны посетили музей воинской славы части, где состоялись дружеские беседы с молодыми офицерами и солдатами. Фронтовики оставили запись в Книге почетных гостей.

За заслуги при освобождении Рыбника Г. Воронков и К. Оглоблин удостоены звания почетного гражданина города и золотого знака.

И гости, и хозяева единодушно решили поддерживать зародившиеся связи, расширять военно-патриотическую работу с молодежью, не жалеть усилий для дальнейшего укрепления братской дружбы польского и советского народов.

Полковник в отставке В. НЕФЕДОВ, член совета ветеранов ГУВВ МВД СССР,

375

Мы, молодежь, за перестройку. И хорошо, что хоть и потихоньку, но начала перестраиваться и армия. А хочется побыстрее. Почему, например, до сих пор некоторые проблемы решаются келейно, а смысл этих решений не всегда доводят до солдат? «Нельзя — значит нельзя» — эта застойная отговорка очень часто звучит как весомый аргумент в разговоре с солдатами у некоторых офицеров. Ну неужели не ясно,

НЕЛЬЗЯ — ЗНАЧИТ НЕЛЬЗЯ!

что если человек будет знать, почему именно нельзя, то выполнять решения станет лучше? Даже в бытовых вопросах...

Откуда, например, появилось распоряжение опечатывать ленинские комнаты в ротях, когда личный состав находится в карауле? Или это только прихоть неизвестно кого в нашей части? Интересно, о чем думали те, кто издавал этот приказ (если он, конечно, существует)? Ведь в ленинской комнате нет секретной документации. У наряда по роте в свободное время была бы возможность почитать газеты, телевизор и общеобразовательный уровень (там же подшивки газет, телевизор, радиоприемники). Да и письмо спокойно написать солдату где, как не в ленинской комнате?

Вот такая проблема — не просто бытовая, не пустячная.

Рядовой С. САМАРИН.

ОТ РЕДАКЦИИ. Рядовой С. Самарин ничуть не преувеличил ситуацию. Действительно, по распоряжению начальника штаба части майора Н. Катомина ленинские комнаты подразделений на период заступления личного состава на службу закрывались. Тов. Катомину указано на недопустимость подобного рода действий. Незаконное распоряжение отменено.

«АНАТОМИЯ КОНФЛИКТА» (1989, № 3)

Честно признаться, на материал «Анатомия конфликта» [1989, № 3], в котором анализируются плюсы и минусы стиля работы командира части подполковника В. Лефлера, редакция откликов не ждала. Правда, надеялись получить официальный ответ командования войсковой части. Увы, ответа нет и поныне, а вот отклики...

Как вы могли?

Я прекрасно знаю подполковника В. Лефлера — это хороший командир. Побольше бы таких. Его работа заслуживает самых добрых отзывов. Заботлив, справедлив, требователен... Да что там говорить, семь лет я был у него в подчинении — тогда он командовал батальоном. Владимира Александровича подчиненные уважали. Это именно такой человек, который нужен сейчас, в период перестройки. Любые задачи ему по плечу. И я возмущен статьей «Анатомия конфликта». Как вы могли ее опубликовать?

Прапорщик Я. МУСТАФАЕВ.
Ордена Красной Звезды УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

До сердца не дошло

Прочитала «Анатомию конфликта» и скажу только одно: все правда. Подполковник В. Лефлер действительно грубый, невоспитанный человек, которому ничего не стоит унижить подчиненного.

Меня он уволил со службы после того, как я стала матерью. Уволил несправедливо, и это подтвердила официальный ответом на мое письмо газета «Труд».

Узнав, что я добиваюсь справедливости, Лефлер решил выместить зло на моем муже — своем подчиненном, заместителе командира роты по политической части. Понятно, «весовые категории» разные, и трудно передать, что пришлось выслушать от подполковника. Я отделалась относительно легко: меня он просто-напросто определил в «склочницы».

Два дня назад я вновь обратилась к командиру части с просьбой — нужда заставила: у нас с мужем двое детей и 15 квадратных метров жилья. Где только не приходилось жить за шесть лет службы — и в казарме, и на КПП(I), а полтора года жили даже на периметре охраняемого объекта (III).

Обо всем этом я и рассказала подполковнику В. Лефлеру, втайне надеясь, что статья, опубликованная в нашем журнале, благотворно повлияла на него.

И действительно, на этот раз Лефлер не грубил. Но помощь отказался. «Квартир у меня нет», — ответил подполковник и дал понять, что рассчитывать нам не на что. А когда я посетовала напоследок, что квартиры нам, видимо, до пенсии не видать, командир ответил: «Выйдет на пенсию, в горисполкоме встанет на льготную очередь».

Успокоил. Знать, статья «Анатомия конфликта», статья очень правильная, не дошла до сердца подполковника В. Лефлера. А жаль.

Е. АПСИТИС, жена военнослужащего.
Приволжское УВВ.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

ОТ КУРСАНТОВ ОТВЕРНУЛИСЬ

«Мы почувствовали сразу безразличное отношение со стороны командования части... Вместо того, чтобы помочь, нас ругали, унижали... Представление о службе у всех, кто проходил стажировку в этой части, изменилось, хотелось побыстрее уехать отсюда» — вот такими горькими словами выразили свои впечатления от стажировки в войсках курсанты четвертого курса Орджоникидзевого высшего военного командного Краснознаменного училища МВД СССР.

Это старейшее наше училище славится боевой историей, прочными традициями в подготовке высококвалифицированных офицерских кадров. Достаточно напомнить читателям, что офицеры и курсанты его проявили стойкость и мужество при защите столицы Северной Осетии от фашистских захватчиков. И сейчас из войск поступает много отличных отзывов о воспитанниках училища.

Мы решили переслать письмо будущих офицеров в УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР, где в одной из частей и проходила эта стажировка: уж если настолько обижены и возму-

щены люди, что обращаются в редакцию, — значит, действительно дело обстояло, как говорится, из рук вон плохо.

Как сообщил в редакцию начальник внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР генерал-лейтенант Н. Алекса, была «проведена проверка фактов, изложенных в письме, в ходе которой они подтвердились». К командиру части полковнику Ю. Чугаеву приняты меры дисциплинарного воздействия за плохую организацию стажировки курсантов и проявленную в их адрес нетактичность. Обращено внимание соответствующих должностных лиц на более тщательную подготовку и проведение войсковой стажировки курсантов.

Принимаются меры по усилению нравственного и правового воспитания офицерских кадров. О результатах проверки сообщили и авторы письма, сообщается в ответе в редакцию.

Что ж, работа проведена, судя по всему, большая, и надо думать, такой стажировки в упомянутой части больше не повторится.

И все-таки ответ не вызывает удовлетворения. Ведь курсанты писали о фактах показухи во время проверки, об унижении личного достоинства служащих там офицеров, о невнимании со стороны старших командиров к бытовому устройству молодых офицеров. Захотят ли после того, что увидели, будущие офицеры получить распределение в часть, подобную этой?

НА ПЕРВОМ ЛИ ПЛАНЕ БЫЛА СЛУЖБА?

«Помогите разобраться в нашем крайне тяжелом положении, — написала в редакцию Л. В. Балан, жена офицера. — Мой муж — внимательный, заботливый, чуткий человек. Служба для него всегда была на первом плане, а партия — это все... И тем не менее его исключили из партии только потому, что так пожелали комбат и замполит батальона. А сейчас вообще увольняют по сокращению...»

Факты, как сообщил начальник политотдела внутренних войск МВД СССР по Северо-Западу и Прибалтике, изложенные в письме жены военнослужащего, внимательно изучены с выездом на место.

Лейтенант Балан Н. И. неоднократно

допускал грубость к подчиненным, употребление спиртных напитков, за что рассматривался на товарищеском суде чести младших офицеров, был предупрежден о неполном служебном соответствии. Прежде чем принять решение о его исключении из КПСС, ему было объявлено два строгих выговора с занесением в учетную карточку, в том числе за развал первой семьи.

К выполнению служебных обязанностей относится недобросовестно, своим поведением создает нездоровую нравственную обстановку в подразделении. В ГУВВ МВД СССР представлены документы на увольнение этого офицера из войск.

Вместе с тем сообщается, что случай нарушения порядка приема в партию лейтенанта О. Ухина, о котором рассказано в письме, имел место. Политработнику капитану Н. Толмачеву объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. За фальсификацию протокола комсомольского собрания взыскание наложено и на самого Ухина.

«ШТРАФНОЙ» БАТАЛЬОН» (1988, № 12)

В ответе командира части и начальника УЛИТУ отмечается, что статья обсуждена на командовании части, совещании политического отдела, а также совместном совещании командования части и руководства УЛИТУ. Критика признана справедливой.

Офицер штаба части майор А. Иткин заслушан на собрании первичной партийной организации управления части. Ему указано на ослабление контроля за служебной нагрузкой и слабую работу по комплектованию вакантных должностей контролерского состава. В партийной организации батальона заслушаны командир роты капитан Н. Купчин и его заместитель по политической части старший прапорщик Н. Терехин.

Случаи нетактичного поведения капитана Купчина имели место. Он привлечен к ответственности.

Служебная нагрузка на личный состав контролерского подразделения действительно превышала установленные нормы. В настоящее время повышен процент укомплектованности контролерского подразделения личным составом, служебная нагрузка распределяется равномерно. Прапорщики, допустившие нарушения воинской дисциплины, в данное подразделение не переводятся.

Вопрос о совершенствовании взаимодействия ОИТК и контролерского подразделения рассмотрен на совместном совещании командования части и руководства УЛИТУ.

«ТАК ПРОДОЛЖАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ» (1989, № 3)

Узнав о том, что большая группа покупателей, возмущенных безобразиями, творящимися в торговой точке подразделения, написала письмо в редакцию, заведующая магазином самоуверенно заявила: «Можете далеко не посылать, оно вернется к комбату».

Как сообщили нам командир соединения генерал-майор А. Филистович и начальник политотдела полковник П. Карлов, критический материал «Так продолжаться не может» рассмотрен на месте на конференции покупателей. Наряду с должностными лицами части в ней приняли участие временно исполняющий обязанности начальника военторга тов. Е. Карамулин, а также работники магазина Е. Щербакова и Н. Балашова.

Выяснилось, что факты, изложенные в жалобе, имели место. Начальником военторга издан приказ, которым за нарушение правил советской торговли, грубость с покупателями заведующей магазином объявлен строгий выговор, продавцу магазина Н. Балашовой объявлен выговор.

Пересмотрен состав группы общественного контроля за работой магазина. Командиру подразделения строго указано на серьезные недостатки в контроле за работой торговой точки.

ПОГОВОРИМ?

Конечно, поговорим! По крайней мере, нам, редакции, очень это нужно. Да, судя по письмам, — и вам, дорогие читатели, тоже хочется вступить в разговор. Откровенный, нелицеприятный и главное — эффективный. Сейчас и заразительный пример тому буквально у всех на слуху — дискуссии на недавнем Съезде народных депутатов СССР.

Мы рады, что количество писем в редакцию растет. И что особенно отраднo: в ваших обращениях к редакции стало больше предложений, советов, раздумий. Раньше бывало такое: «Дайте квартиру, иначе где же ваша перестройка»; «Доплатите 400 рублей, незаконно удержанных, или напишу Горбачеву». Сейчас появились другие настроения: «Помогите устроить библиотеку»; «Когда начнем широкую пропаганду традиций войск, ведь молодежь не стыдиться, а гордиться должна службой нашей»; «Почему не учитывается мнение женсовета»...

Чувствуете разницу? Мы с вами постепенно начинаем диалог, а не жалобы в одну сторону. Многие из вас считают, что журнал меняется: стал проблемнее, острее, интереснее наконец. Спасибо, но это благодаря и вашей активнейшей поддержке. Ваши письма — горячие, заинтересованные, гневные, злые даже, благодарственные, размышляющие — помогают нам, журналистам, выходить на важные для войск проблемы.

Давайте и дальше продолжим разговор — прямой и честный.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

КТО ВИНОВАТ?

Я — за демократизацию всех сторон нашей жизни. Но не во вред интересам службы. Кто несет ее в плановых караулах, поймет меня сразу. Остальным поясню: и раньше было в спецвагоне непросто, а теперь осужденные и вовсе распоясались. Любые законные требования начальника караула или часового встречают в штыки, ссылаясь... на демократию. Под вывеской гласности оскорбляют военнослужащих. Буквально провоцируют на применение физической силы, отказываясь подчиняться. А после пишут в прокуратуру жалобы на нас. И юристы, как ни странно, почти всегда на стороне осужденных. Они охотно приговорают нас к позорному столбу: мол, мы издеваемся над бесправными людьми. Только надо еще разобраться, кто из нас бесправнее.

Недавно, к примеру, я возглавлял караул. Осужденным запрещено курение в спецвагоне (и они прекрасно знают об этом). Я предложил им, прежде чем войти в камеру, сигареты положить на полочку, а после, выходя, забрать. Так и сделали. На обменном пункте никто жалоб не заявил. А вскоре меня вызвали в прокуратуру гарнизона: пришла жалоба, что я якобы изъял в свою пользу 14 пачек сигарет. Юрист «пошел навстречу»: зачем, дескать, вся эта возня, купи сигареты и отошли этому ненормальному (в прямом смысле, ибо осужденный был признан душевнобольным). Вот так-то. У него и мыслей о том, чтобы оградить меня от бездоказательных обвинений, не возникло, лишь бы «потрафить» умалишенному осужденному.

Раньше бесосновательное оскорбление чести и достоинства офицера вряд ли сошло бы с рук любому. Ныне это в порядке вещей. И мне не верят, верят осужденному, будто не он, а я виноват перед обществом.

Старший лейтенант Н. КЛЕПОВ.

Ордена Красной Звезды

УВВ по Северному Кавказу и Закавказью.

БЕСПРАВНЫЙ ЧАСОВОЙ

Каждый караул — хуже наказания. Охраняемые ведут себя дерзко, нецензурно бранятся, угрожают письмами прокурору. Дескать, им за это (то есть за клевету) ничего не будет, а мы, часовые, побегаем, доказывая, что чисты перед законом и уставом.

И ведь это угрозы не пустые: пишут, в чем только ни обвиняя нас.

В части то там, то здесь висят лозунги, напоминая: «Гордись службой во внутренних войсках!». Ну мы гордимся, конечно. И все же гордости у нас станет больше, если будем уверены, что государство и его правовые органы на нашей стороне. Пока же мы беззащитны и кроме этой гордости ничего наглядящим на глазах осужденным противопоставить не можем.

Ефрейторы А. ФЕДОРЕНКО, И. БЕЛЕВЦОВ,
А. ГАБАБОРШЕВ.

Ордена Красной Звезды

УВВ по Северному Кавказу и Закавказью.

КОМАНДИР ОТЛИЧНОГО

Пять лет взвод контролеров, которым командует старший прапорщик И. Миколенко, удерживает звание отличного. И, похоже, не собирается сдавать позиции. Во всяком случае сам командир и слышать об этом не желает. А подчиненные знают: если Иван Леонтьевич принял решение — не отступится, пока не выполнит. Его безупречная служба — тому порукой.

Подполковник

Я. ДАНЧАК.

УВВ по Уралу.

ДАЙТЕ ДЕЛО!

Что может быть больнее, обиднее ощущения своей бесполезности! К концу служебного дня в душе ни удовлетворения, ни радости, только опустошенность да безысходность, будто повинность какую отбываю. Долускаю, что я неправильно расцениваю сложившуюся обстановку, но, мне кажется, прапорщики в нашем ЛТП не нужны.

Колонию, где мы служили, расформировали. На ее базе и обустроился ЛТП. Не секрет, что организация службы надзора требует немалых затрат. А чем занимаются те, кто ежемесячно расписывается в финансовой ведомости! Открывают и закрывают двери. И это весь надзор. Накладно для государства.

Может быть, кого-то и устраивает приличное жалование при минимуме обязанностей. Меня — нет. Я двумя руками за перестройку, но дайте же дело по деньгам. Служить так служить.

Прапорщик

В. БУХАНЕВИЧ.

Приволжское УВВ.

СЛУЖБУ НЕСТИ НЕКОМУ

Если с автомашины снять двигатель или колеса, признав их излишеством, то нужда в водителе, естественно, отпадет. Автоматически. Его можно будет смело сокращать как лишнюю штатную единицу. Правда, и транспортное средство после «освобождения» от того же мотора уже никто не назовет автомобилем. Но вообще-то — экономия и в рабочей силе, и в моторесурсах!

Примерно столь же круто, «по-хозяйски» обошлись и с нами. Только вот эта сомнительная экономия пока что дорого нам стоит. Честно признаться, и раньше контролеров, осуществляющих надзор за осужденными в лечебных учреждениях, хронически не хватало, ибо не учитывалась специфика нашей работы (например, каждый второй из охраняемых — туберкулезник; немало и опасных рецидивистов). Ко всем ИТУ подходили с единой меркой, так сказать, широкомасштабно, а надо бы — дифференцированно, ведь речь в конечном счете идет о людях, наказанных обществом, но не лишенных человеческого звания.

Теперь же, после сокращения лимита наполнения колоний и соответственно штатов контролерского состава, ситуация сложилась буквально критическая. Многие участки и вовсе оголены, контроль, конечно же, ослаблен, что в любую минуту может обернуться бедой. Даже исключительной добросовестностью военнослужащих (за что спасибо им!) невозможно компенсировать отсутствие людей на постах: одной заплатой две прорехи не прикрыть.

Да что там две! Иногда получается, что контролер в одно и то же время должен

находиться в трех местах сразу, что, понятно, нереально при всем его желании. Как следствие, не выполняются требования по проведению обысков, обеспечению изоляции между инфекционными и терапевтическими отделениями, контроля за транспортом и т. д. Или это учтенные, запланированные сокращением, закономерные недостатки? Те издержки, без которых мы обходиться не привыкли?

Спору нет, экономить надо, в том числе и урезая кое-где раздутые штаты, доводя их до разумных пределов. Но до разумных же! Ведь объем службы не уменьшился: и объект стоит, как стоял, и все, что включает он в себя, изменений не претерпело. Предвижу возражение, мол, систему надзора на каждой ИТК определяют начальник ОИД и командир части, к ним и обращайтесь. Обращались, и не раз. Но безрезультатно. И не вина это их, а беда. Связанные по рукам и ногам инструкциями и приказами, они, как и все, вынуждены «отталкиваться» от лимита наполнения колонии, то есть от общепринятых норм, а не от существующих задач и служебной нагрузки.

Система надзора — и это записано в уставе — должна отвечать характеру и особенностям охраняемого объекта, обеспечивать надежную изоляцию осужденных и установленный режим их содержания. А после сокращения штатов она и не отвечает, и не обеспечивает. Выходит, сокращение мешает выполнять важнейшие требования устава. Кому же это выгодно?

**Подполковник внутренней службы
Н. ПАВШУКОВ, начальник учреждения.**

КЕРОСИНОМ И ПЕРЦЕМ...

Досмотровая группа, возглавляемая прапорщиком Б. Колесенем, приступила к проверке поданных на КПП железнодорожных платформ. Дело двигалось споро. И Колесень, и его помощник — специалист СРС сержант Н. Тиллаев, и часовой КПП ефрейтор С. Юсупов знали, что затягивать досмотр нельзя. Но в то же время войны понимали, что проверить платформы надо так, чтобы не осталось ни одной лазейки для злоумышленников. Особенно насторожен был ефрейтор С. Юсупов. Он-то и обратил внимание на то, что входная дверь домика-балка заварена электросваркой. Зачем? Снова осмотрели балок и обнаружили еще одну подозрительную деталь — он был обработан снаружи смесью керосина и... перца. Сомнений никаких не оставалось.

Двери вскрыли. Слепленные ярким дневным светом, застигнутые врасплох, двое задумавших побег осужденных были извлечены из балки.

Подполковник В. КИШМАН.

УВВ по Уралу.

НА ПОСТАХ И МАРШРУТАХ

Генерал-майор в отставке
Ф. ХАЛТУРИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ БОГАТЫРИ

В твое окошко счастье
постучалось.

Впусти его.
Спеши ему навстречу.
Спеши, не медли.
Синий, звездный вечер
накинёт шаль на худенькие плечи.
В твое окошко счастье

постучалось.

На улице притихло все,
примолкло.

Как страстно ты ждала его,
как долго!
Летело время.
Зори пламенели.
Цвели сады.
Пшеница наливалась.
На робких кленах

листья пожелтели.

Их размели студеные метели.
А ты ждала, страдала,
волновалась.

А ты ждала.
Порой тебе казалось,
что версты между вами —
как преграда.

Он голос не подаст
из дальней дали.

Подружки иногда тебе шептали:

— Не верь солдату.

Ждать его не надо.

А ты ждала.

И вот она, награда, —
в твое окошко счастье

постучалось.

Любимый, здравствуй!
Здравствуй, звездный вечер!
Как ты мечтала,

так оно и стало.

В твое окошко счастье
постучалось.

Впусти его.
Спеши ему навстречу.

В степи
на ощупь,
наугад,
по азимуту,
без дороги
идут солдаты.
Час назад
комбат поднял их по тревоге.
Еще во власти снов ночных,
оставив теплые постели,
они идут.
Гремят на них
обледенелые шинели.
А ночь темна.
А снег глубок.
А ветер злится в испуг.
Но по приказу точно в срок
они, закончив марш-бросок,
займут рубеж для наступления.
И если надо,
в час лихой
вот так,
поднявшись по тревоге,
они пройдут сквозь шар земной
по азимуту.
Без дороги.

В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Он в сорок первом был чекистом.
Он пал в бою за край родной.
На поле русском, поле чистом
он всю страну прикрыл собой.
Его друзья похоронили,
сказали добрые слова.
А через год к его могиле
из дальних мест пришла вдова.
Она к земле сырой припала,
и день прошел, и ночь прошла,
и, говорят, березой стала,
в печали горестной светла.
Такая ей досталась доля:

АЗИМУТУ ЖИЗНИ

за юных вдов избыть беду,
 стоять березой в чистом поле,
 у всей России на виду.
 Цветут сады,
 бушуют грозы,
 и мать-земля родит хлеба.
 Под ветром клонится береза —
 легенда, песня и судьба.

СОЛДАТЫ УЛИЦЕЙ

ПРОШЛИ

Солдаты улицей прошли.
 За ними песня унеслась.
 В вечернем сумраке, в пыли
 дремать дорога улеглась.
 Подсолнух, сдвинув лепестки,
 задумался, невозмутим.
 И воробей по-воровски
 захоптал опять над ним.
 Соседка, ведрами звеня,
 прошла.
 В окошке вспыхнул свет.
 А ты стояла у плетня,
 ушедшим вдаль смотрела вслед.
 Всего-то было: беглый взгляд,
 да взмах руки,

да взлет бровей...

Весь полк прошел.
 Один солдат
 остался в памяти твоей.
 Тишь опустилась над селом,
 и вызвездило.
 А вдали,
 отсвечивая серебром,
 куда-то плыли ковыли.
 И пала на землю роса,
 и в жемчуг травы убрала,
 чиста, как первая слеза,
 что на глазах твоих была.

Перепела кричат, перепела.
 Не спится в полночь
 непутевым птицам.
 Какие-то особые дела
 Не позволяют рано им ложиться.
 Полынью тянет с сумрачных полей.
 У яблони отяжелели ветки.
 Полночный свет то ярче,
 то бледней
 Горит в окошке у моей соседки.
 Еще, должно быть, тоже не легла.
 Ей, как и мне,
 в такую ночь не спится.
 Кого-то ждет, волнуется, томится...
 Перепела кричат, перепела...

ЛВ.

ПОКЛОНИМСЯ

Карем РАШ

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

ПАМЯТИ НАШЕЙ

ОТКЛИКАЯСЬ ПЕРВОЙ НА БЕДУ

КАЖДЫЕ ПОЛГОДА в армейский строй вливаются тысячи юношей. Их надо в короткий срок обучить, воспитать и приобщить к суровому мужскому долгу, который в нашей Конституции, скупой на прилагательные, единственный сопрягается со словом «священный». Но даже если весь офицерский корпус будет состоять из богатырей, он не справится со своей педагогической задачей, если семья, общество, школа, книги, телевидение, радио не будут ежедневно создавать атмосферу созидательной любви к тому, что Пушкин называл «воинственным повиновением», не будут воспитывать добровольное стремление к самоограничению, приывать умение повелевать и подчиняться.

Человек был и остается главным фактором войны. Можем ли мы быть беспечны в том, что имеет отношение к воспитанию? Нет, партия каждый день призывает к бдительности. Моральные устои общества, на мой взгляд, можно поколебать, достаточно внедрить в неограниченном количестве рок, диско, видео, порно, алкоголь.

Сегодня в некоторых наших газетах и на киноэкране часто путают раскованность с распущенностью, доброту с потаканием, дружелюбие с заискиванием, расслабленность, бесхарактерность становятся нормой. В таких условиях юноши привыкают к вседозволенности, безответственности. Отрицательный настрой создает «брюзжание» о трудностях службы некоторых уважаемых вузовских наставников.

Вся история русской литературы со времен создания Петром I новой армии пронизана идеей миролюбия. Офицеры Державин, Хемницер, Лермонтов, генералы Денис Давыдов и Павел Катенин, инженер-поручик Федор Достоевский и поручик Лев Толстой, кавалергард Александр Фет и майор Алексей Толстой — все они даже в своих батальных творениях неустанно приветствовали «возлюбленную тишину».

Продолжение. Начало в № 7

Советская Армия сберегла эту столбовую традицию миролюбия, и когда мы произносим «военно-патриотическое воспитание», мы вкладываем в эти три слова, ставшие привычными с детства, любовь к родной армии. Ибо их противопоставление в любых странах считалось делом подстрекательским и преступным, а тем более это неприемлемо в стране с народной армией. Пропаганда войны у нас карается законом, это знает каждый. Когда отрицание войны подменяется отрицанием необходимости и важности службы в армии, когда борьбу за мир предлагается вести через «антивоенное патриотическое воспитание» — это звучит по меньшей мере двусмысленно.

Армия достойна самого глубокого почтения за то, что она всегда первой откликается на любую беду, будь то пожар, землетрясение или наводнение, за то, что офицеры, служа Отечеству, лишены порой не только театров и библиотек, но и многих радостей, которые для большинства из нас — само собой разумеющееся. У армии всегда будут недруги, не надо убаюкивать себя маниловщиной. Армия стоит на дисциплине, а для разгильдяя это невыносимо. Армия держится на труде, а бездельникам и паразитам это не по нутру.

Кто спас Польшу от хаоса, анархии и национального унижения, кто в последний час удержал ее на краю пропасти? Войско Польское! Стало быть, кого враг чернит? Разумеется, того, кто стоит на страже социалистического Отечества, — народную армию.

Есть ли в нашей армии недостатки? Конечно, есть. Должна ли она меняться? Разумеется, ибо, как говорят лингвисты, «не меняется только мертвый язык». Но надо признаться, что эти недостатки, как правило, — результат наших общих недоработок. Если мы в школе, ПТУ, институте, обладая и временем, и всеми средствами воздействия, не разбудили в душе молодого человека высоких чувств, называемых патриотизмом, если не воспитали в нем трудо-

любия, стойкости, дисциплинированности, надо иметь мужество спрашивать с себя. Нельзя думать, что, надев военную форму, парень, будто по волшебству, освобождается от всего дурного, от накипи бездуховности, безответственности...

Мы вправе предъявить к нашей армии самые высокие требования. Но всегда должны помнить и то, что армия — это мы сами, наша плоть и кровь и наши предания.

Память — фактор оборонный. Сегодняшнему воину должны быть одинаково дороги подвиги ратников Куликова поля и небывалая стойкость героев Ельнинского сражения, первых советских гвардейцев. Наша память хранит подвиги панфиловцев и защитников Сталинграда, негибаемое мужество ленинградцев...

Мы все помним. Память о подвигах дедов и отцов — наше идейное оружие.

Вернемся к Афганистану, который подверг суровому экзамену все стороны на-

шей жизни. Были ли в Афганистане случаи проявления моральной ущербности среди военнослужащих? Да. Войне любой сопутствуют преступления, коли от них не избавлена даже мирная жизнь, и даже такой войне, как «священной памяти двенадцатого года». Известен гневный приказ Кутузова, и не один, против дезертиров и мародеров русской армии. Но есть правда народная, которая совпадает с художественной, а есть правда «военкоматская», протокольная, окопная, тыловая, штабная, трибунальская и сотни других частных факторов, правд и кривотолков. Лев Толстой, ко времени написания «Войны и мира» уже убежденный антимилитарист, который не упустил даже подергивающейся мышцы наполеоновской ляжки и пухлой шеи Кутузова, и тот не писал о трусах, мародерах и дезертирах. Он понимал, что это не народная правда о войне. С такой ли взвешенной мудростью пишем мы о нашей армии в момент испытаний, выпавших на ее долю? Верны ли мы сыновней традиции?

ЗА НОВО ОСОЗНАТЬ СЕБЯ

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ с понятием культуры стало ассоциироваться в основном то, что имеет отношение к рампе, сцене, экрану, подмосткам, эстраде и т. д. То есть то, что объясняется словами «зрелище» или «развлечение». Дошло до абсурда: даже сторонники рока стали требовать признать развлечение формой мировоззрения, что, кстати, широко подхватила и печать. Массовая культура — слова бессмысленные, ибо «развлечение» и «культура» понятия взаимоисключающие. Культура вырастает только из нравственности, подлинная культура укоренена в тысячелетии народных страданий, надежд и чаяний. Культура ближе к такой категории, как «совесть». Электронные развлечения, досуг с децибелами есть порождение не культуры, а машинной цивилизации, той, что отравляет воздух, воду, почву и сознание. Она — порождение не почвы, а асфальта. Гельвеций когда-то сказал, что «глупость — порождение цивилизации». «Массовая культура» скорее массовая глупость, которая в периоды зстоя требует не только гражданского признания, но и лавров, и ореола.

На традициях, унаследованных от былинных времен, стоит и армия. Она несет в себе мысль, волю и дух Полтавы, Бородина, Чесмы, Синопа, Сталинграда... Сегодня это дух пограничных сражений на Даманском, боев в Афганистане... Армия дала народу не только полководцев суворовского закала, но и руководителей русской науки, академиков, адмиралов Литке и Врангеля, композиторов офицеров Римского-Корсакова, Мусоргского, океанолога адмирала Макарова, генералов медицинской

службы Пирогова, Боткина и Склифосовского, генералов-создателей русской стали и булата Аносова и Обухова, прибавим к ним сотни горных офицеров, таких, как братья Ползуновы, на которых держалась русская металлургия, генерала Мельникова, создателя русских железных дорог, и сотни великих и безвестных русских офицеров-топографов, исходивших, измеривших, положивших на карту все уголки нашего Отечества.

Вся страна летает на воздушных лайнерах «Ту» и «Илах», созданных генералами Туполевым и Ильюшиным. Лучшим в мире духовым оркестром руководит генерал-майор Михайлов, а генерал Александров со своим ансамблем завоевал уже не одну столицу мира.

Ни одна литература в мире не дала такого числа офицеров, как ни одна армия не породила столько литераторов. Лучшая русская проза началась с записок адмирала Головина. В военной шинели мы увидим офицера-волонтера Гаршина, капитана Куприна, прапорщика Литовского полка Сергеева-Ценского, сапера-поручика и композитора Мясковского, замечательного ученого и боевого моряка, героя 1812 года и автора «Рассуждений о любви к Отечеству» адмирала Шишкова. Из этого перечня имен и событий, охватывающих самые священные страницы нашей истории, выявляется естественная и органическая связь армии с народом и его судьбой, армии, которая есть сила не только вооруженная, но прежде всего духовная.

Пришла пора замечательной эпохи перестройки и обновления. В этом потоке армия призвана заново осознать себя, осмыслить свое место в обновляющемся об-

шестве и в истории, ощутить себя становым хребтом и священным институтом тысячелетней государственности и понять со всей ответственностью, что чем более углубляется общество в мирную созидательную перестройку, тем более возрастает боевая готовность Вооруженных Сил как гаранта мирного труда.

Афганистан поставил перед нами ряд кардинальных проблем, требующих коренной перестройки воспитания и обучения воинов. В боевых буднях весь груз заскоружной схоластики, старых форм и методов воспитания, вся казенная, догматическая, оторванная от жизни наглядная агитация, сухая плакатность лозунгов, отрезанная ровно на тысячелетие память, бюрократический метод, еще более одеревеневший от уставной буквальности, стал вредным, тяжелым и просто опасным. Многочисленные встречи с воинами говорят о том, что только политическое воспитание за долгие девять лет проявило неспособность к саморазвитию, самосовершенствованию и обновлению. Солдаты-юноши, жертвуя жизнью вдали от Родины, оказались, по сути, духовными сиротами. Природная русская тяга к песенному творчеству осталась, а учителей, наставников не было. Духовную песенную традицию перерезала за десятилетие какофония запад-

ных чужеродных музыкальных помоев. Впрочем, наркотический, примитивный, блудливый ритм новой дискомузыки чужероден и враждебен Западу так же, как и нам. Рок сегодня уже вчерашний день. Но завтра будет новая музыкально-наркотическая мания.

Тягостно смотреть на некоторых наших боевых прекрасных воинов из Афганистана, когда они берут гитары. Зажатость, скрыченность, рваность ритма, полублатной налет почти на каждой песенной строчке. Не верится, что это дети России, страны с самой сильной и глубокой песенной культурой, знаменитой своими распевами, искренностью, лиризмом и силой. Чувствуется, что Высоцкий для них единственный и последний эталон. Им невдомек, что Высоцкий, этот замечательный поющий актер, почти все свои песни строит на скрытой разрушительной иронии. Но ирония никогда не созидает и не выражает правду и душу. Посмотрите на лучшие образцы в сборнике самостоятельных песен наших бойцов из Афганистана. И вы ужаснетесь этому сиротству и полной оторванности от родной традиции. А все потому, что культурой личного состава Вооруженных Сил озабочены актрисы-старушки и военные ансамбли казенных песен и придуманных плясок.

ОДНОЙ ЖИЗНЬЮ С НАРОДОМ

МЫ ВСЕ В ДОЛГУ перед армией. Мы виноваты перед ней. Ни один институт государства за тысячу лет не принес на алтарь Отечества столько жертв, сколько наше воинство. Путь наших войск всегда был жертвенным, возвышенным и скромным. Какая категория женщин может быть сегодня по тяготам, переездам, одиночеству, неудобствам поставлена рядом с женами наших офицеров? Никакая. Мы в долгу и перед ними. Мы в долгу и перед матерями погибших в Афганистане, ибо не смогли им объяснить, что их сыновья погибли не зря, что они стали в один ряд с великими сынами Родины, павшими на рубежах Отечества.

Мы страдаем хроническими провалами памяти. У афганцев-интернационалистов были героические недавние предшественники. В канун фашистской агрессии против СССР в небе Китая с японскими захватчиками сражались две тысячи только летчиков-добровольцев. По тем временам это огромная цифра. К 1940 году было уничтожено на земле и в воздухе 986 японских самолетов. Тогда по Синьцзянскому тракту ходило 5200 советских грузовиков ЗИС-5 для снабжения Китая. Думаете, в те годы мы не смогли бы у себя дома использовать эти пять тысяч машин?

За девять лет войны в Афганистане читали мы хоть одну статью публициста или

писателя, который внес бы грамотно эти события в контекст истории нашего Отечества и его усилий на границе? Тысячи матерей не дождались своих сынов. Русские бойцы продолжали жертвенную традицию русского воинства — не щадить жизни за други своя. Пусть не всегда это было оценено по достоинству, пусть иногда нам отвечали черной неблагодарностью, но мы помогали не в надежде на обмен любезностями, а для того, чтобы по-прежнему высоко держать честь русского имени в мире. Будем же хранителями огня этой тысячелетней традиции русской ратной славы. Но армия и внутренние войска не смогут выполнить своего предназначения, если и впредь на экранах телевизоров вместо курсантов будут дрыгаться неряшливые «лабухи», вместо голубых беретов — «голубые» мужчины с женскими манерами, вместо жен офицеров из отдаленных гарнизонов — развязные эмансипированные особы из породы тех, что отдают своих детей в приюты.

Почему, когда на Западе отрывка, когда Англия беспощадно вырезает все сцены секса и насилия, мы с опозданием, с нелепой суетливостью решили стать европейцами и показать, что и мы в блюде разбираемся. Влияет ли это на моральный облик личного состава? Непосредственно. Дисциплина в армии прямо зависит от дисциплины в обществе. «Дедовщина» привнесена в армию извне — на ней, несом-

ненно, пятно полублатных отношений и полуголовной «этики», когда «нет человека, есть только двуногое животное с брюхом», которое хочет подмять под себя других.

Моральный фактор является главной ударной силой армии.

Исследователи давно поняли, что сила солдата, его воля и дух зиждутся на его гордости за свой народ и страну. Пусть буржуазные военные теоретики полагают, что в основе морали лежит «расовая гордость» и что солдата необходимо воспитывать в духе гордости тем, что он является представителем «победоносной нации». Будем ли мы шарахаться от этого только потому, что это буржуазные ученые? Нет, всегда мы найдем в себе силы одухотворить любовь к Родине. Девять лет Афганистана породили много проблем. Здесь неуместно касаться их. Но один итог для нас имеет наиважнейшее значение. По свидетельству даже наших противников, русский солдат остается сегодня лучшим в мире. И заслуживает он культуры, достойной его самоотверженности, упорства и отваги.

Наша отечественная традиция — это ког-

да армия живет одной жизнью с народом. Почему, когда общественность стонет, призывает, заклинает беречь и обновлять памятники воинской славы, в этом хоре голосов есть все, кроме армии? Казанский храм был поставлен на Красной площади не кем-либо, а национальным героем — Дмитрием Пожарским, руководителем русских войск, и сооружен в честь изгнания интервентов из пределов страны в 1612 году.

В начале 20-х этот храм по указанию В. И. Ленина, несмотря на разруху и голод, был реставрирован, а в 1935-м снесен. Теперь его решено восстановить на народные пожертвования. Участвовала ли в этом движении армия? Нет. Почему она сама не охраняет и не восстанавливает те памятники, которые имеют к ней прямое отношение? Все, кто носит погоны, вплоть до милиции и гражданского воздушного флота, должны повернуться лицом к родным памятникам, ибо армия без исторической памяти — это битая армия. Нам не преодолеть неуставных уродств, пока мы имеем разрушенные памятники, пока солдаты не одухотворены высокой идеей охраны родного наследия.

ВЫХОД ИЗ ЗАСТОЯ СОВЕСТИ

СЛОВО «ИНТЕЛЛИГЕНТ» в России раньше было сродни слову «подвижник» — тот, кто отдает людям всего себя и оттого богаче всех. Нет у человека ничего более ценного, чем жизнь. По природе своей, по внутренней готовности к опасности и самопожертвованию из всех родов службы наиболее требует суровой готовности к подвигу (отсюда и слово «подвижничество») ратная служба, то есть те, кто присягает и носит погоны. По замыслу, идее и нередкой практике эта же участь выпадает и на долю милиции. Из тех, кто не носит погон, ближе всех к ежедневному подвижничеству — врачи.

Наиболее культурен и интеллигентен тот, кто верен этой заповеди и не в военную годину, когда призваны почти все, а в мирное время, когда сограждане собирают грибы, отдыхают на пляжах, ходят в турпоходы, поют, проводят время на дискотеках или после трудового дня собираются за семейным столом. Вот почему из всех категорий граждан нашего Отечества наиболее культурен и интеллигентен воин. Когда общество это понимает, значит, оно еще молодо, свежо и необоримо. А вот когда армия становится наемной, купленной, то это верный признак, судя по истории, заката и деградации общества, ибо всеобщая воинская обязанность делает общество цельным и органичным, несмотря на все видимые издержки. В России самые пылкие и благородные силы наши соби-

рались в армии. Так было и на Куликовом поле, и в петровские, и в суворовские времена. Это ведется от Святослава и Мономаха.

В. И. Ленин говорил, что всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Это верно и для общества.

Армия — защитница, а не обуза народа. Она неразрывна с народом. Мощь армии — в мужественном идеализме офицерского корпуса. Знатоки, особенно из другого стана, оценивают армию не по окладам и технике, а прежде всего по чести офицера, его презрению ко всему наносному, негативному.

Только хитрым пацифистам грезится мир без армии и службы, когда с развязанным пупком и издерганными нервами вкушаешь тонкие радости, при этом незаметно гребешь к себе, а от себя — все, что имеет отношение к ответственности, лямке, поту и молчаливому служению. В свете изложенного мы можем, пожалуй, взять на себя смелость сказать, что в здоровом социалистическом обществе или в том, которое, перестраиваясь, стремится быть таковым, армия — это и есть культура.

Речь здесь идет не об идеальном войске, нет. Речь о нашей, о родной армии со всеми достоинствами и недугами и вместе со справедливо проклятыми уродливыми неуставными отношениями. Но чтобы картина не была преднамеренно искаженной, достоинство и правда призывают нас всегда помнить о волнующих и возвышен-

ных неуставных отношениях, родившихся среди нашей военной молодежи в горах Афганистана, когда старослужащие, которым оставался месяц-другой до увольнения в запас, шли на мины и под пули душманов, не позволяя необстрелянным новичкам следовать за ними, пока те не приобретут опыт ведения боевых действий с хитрым, хорошо вооруженным противником. Во время событий в Закавказье, когда солдаты оказались лицом к лицу с озверевшими, готовыми на все националистами, именно опытные воины взяли на свои плечи основную ношу. Воистину — первыми в бой шли «старики».

Знаете ли вы что-либо более отеческое, трогательное и просветленное в нашей жизни, полной сообщений о «бухарских», «казахских» и «сумгаитских» делах, в обществе, полном трусливо семенящих «несунов» и сыто икающих и поучающих нас жить остепененных и премированных брюзг после своих заграничных вояжей, в обще-

стве, где почтенные люди, тяжело дыша, бегают за импортом, где «пайконосцы» разгружают втихомолку багажники у своих подъездов, а миллион сирот тоскует по материнской ласке при живых матерях...

В этот застойный период — вдруг как чудо! — забытые «русские мальчики» показывают на чужбине в огне примеры высочайшей культуры и интеллигентности. Армия, дающая таких солдат, необорима, народ, воспитавший их, первым в истории создавший новое сообщество наций и принеший на алтарь этого братства невиданные жертвы, может со спокойной уверенностью считать, что он достоин этого благородного жребия. Вот почему офицеры, прошедшие боевую школу духовности, стали золотым фондом армии, а солдаты, вернувшиеся домой после Афганистана, бесспорно, сейчас лучшая часть нашей молодежи. Ее присутствие среди нас дает нам всем нравственный шанс на выход из застоя совести. Она должна бы стать опорой перестройки, созидания и обновления.

ВАЖЕН ПРИОРИТЕТ ДУХА

ЛУЧАШАЯ ЧАСТЬ русского и советского офицерского корпуса всегда была верна суворовской заповеди: «Не тщишься на блистание, но на постоянство!»

Это необходимо помнить каждому в период перестройки, чтобы не шархаться и не потерять из виду горизонт, и не забывать, что Франция, несмотря на хорошо оснащенные, технически вооруженные силы, была разгромлена Германией за сорок дней. А все потому, что между двумя мировыми войнами, судя по мемуарам де Голля и отзывам современников, армия подвергалась массивному высмеиванию, критике и просто шельмованию со стороны своей же печати, причем в тысячах разных форм.

Народ и армия были расслаблены и обезоружены этой психологической атакой. Произошло то, о чем предупреждает генерал-полковник Д. А. Волкогонов. В книге «Психологическая война» он цитирует американского специалиста-психолога, который заявляет со знанием дела, что с помощью дезориентации и дезинформации человека «можно сделать беспомощным, как грудного ребенка: он будет не в состоянии применять свои силы».

Память обладает мощью духовной и есть главный оборонный фактор державы. Судите сами. Историческая Москва занимает только два процента площади столицы. Но то, что знает весь мир и что свято для нас, вмещают именно эти два процента в пределах бывшего Садового кольца, теперь, правда, оно уже скорее угарное, чем садовое. Девяносто восемь процентов современности уступают двум процентам стари-

ны миллионкратно — вот что значит духовный потенциал памятников, вот почему память считается самой могучей творческой силой, вот почему воспоминание способно сплотить народ и сдвинуть горы. Каждому школьнику о многом говорят такие символы, как Музей В. И. Ленина... Красная площадь... Храм Василия Блаженного... Мавзолей... Исторический музей... Могила Неизвестного солдата... Манеж... Бассейн «Москва» на месте храма Христа Спасителя, против него Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина...

Храм Христа Спасителя, посвященный победе русского народа в Отечественной войне 1812 года... Поставлен он после долгих обсуждений на самой священной в Москве земле; здесь, на месте захоронения воинов, павших в Куликовской битве, был построен Александровский девичий монастырь. То была древняя традиция — ставить храмы на уже освященной земле. Расписывал храм Суриков. Храм Христа Спасителя, крест которого был выше колокольни Ивана Великого, стал самым грандиозным воинским памятником за всю историю России. Современники так это и воспринимали. В мае 1883 года он был освящен. Специально к открытию Чайковский написал увертюру «1812 год», он же и дирижировал сводным оркестром при открытии величественного собора. Рассказывают, что, когда деньги народные вез в Москву из Петербурга специальный поезд, на него напали грабители. Они перевязали охрану. У одного из стражей выпал клып изо рта. Он сказал грабителям: «Что вы делаете? Это же деньги на Храм Спасителя в Москве. Душу губите свою». Разбойники оставили деньги нетронутыми. А рядом с кожаными мешками, хрюкающими народными

пожертвования, положили свои деньги и скрылись.

Далее по пути—Военная академия имени М. В. Фрунзе, потом два медицинских института... Лужники... Новодевичий монастырь, за рекой—МГУ.

Все, что мы перечислили, идет по двум разрядам: военному, как твердыни, и духовному, как культовые памятники. Москва прежде всего город военной и воинской славы. Потому нигде военный не должен бы себя чувствовать так естественно, как в Москве. Иностранцам это должно не нравиться. Стало быть, это хорошо для нас. Иностранцу лучше, чтобы вместо твердынь и храмов стояли кабаки, рестораны, магазины, снова кабаки, театры с «шоу», чтобы он весь день чувствовал подрыгивание в теле и было как можно больше «порно», но желательнее с «куполаз» и «балалайка».

Провалы в исторической памяти, а тем более ее атрофия — страшное бедствие для всего народа. Из-за них нация, сколь бы могущественна она ни была, духовно беззащитна перед внешними влияниями, подчас враждебными, теряет свое лицо, не дорожит своей культурой и самобытностью и в конечном счете обречена на исчезновение.

Когда речь идет о «страшном бедствии», то наступает, как сказал Мономах в поучении детям, «мужское дело», стало быть, в первую очередь тех, кто носит погоня. Память всегда была мужской добродетелью. Мы же предали забвению завет Ломоносова, который всю сумму своих размышлений как завещание потомкам оставил в письме Шувалову. Четыре основных раздела этого программно-пророческого завещания не прозвучали ни разу в нашей печати. Что это за разделы? Вот они.

Первый — «о размножении и сохранении русского народа».

Второй — «о истреблении праздности».

Третий — «о исправлении нравов на большем народе просвещении».

Четвертый — «о сохранении военного искусства во время долговременного мира».

Философия, семья, дисциплина забыты потому, что не три четверти приходится на дух и четверть на блага, а наоборот. Победа перестройки будет зависеть от того, сможем ли мы перестроить эти соотношения в пользу совести, дисциплины, чести, духа.

Ни один политический деятель, офицер, философ, учитель, вождь да и просто честный человек никогда не рискнет сказать, что в человеке нечто важнее духа. Видимо, и удовлетворять надо при желаемой гармонии и согласованности прежде всего то, что регулирует и созидает остальное, т. е. достоинство личности. Так, если пере-

страивать, то надо с головы поставить на ноги этот абсолютный принцип. Вряд ли, стоя на голове, мы даже с гласностью и ускорением перестроимся. Иначе странный разрыв. Армия может выполнить задачу только при приоритете духа. Армия и народ едины тогда, когда у них и задачи едины, и пропорции духовных и материальных ресурсов едины. Приоритет духа есть общенародная доктрина, а значит, на этой же базе попробуем созидать. Как вы думаете, может гражданин, который живет по балансу: четверть — на мораль, а три четверти — на потребление, во время войны или иной национальной беды вдруг стать собранным, отважным, неприхотливым и готовым к самоотречению воином?

Маршалы Наполеона со вздохом вспоминали солдат своей революционной юности. Тогда разутые, раздетые, плохо вооруженные и голодные инсургенты били вышколенные части врага. У революционных батальонов на материальную часть приходилась даже не четверть, а десятая. Они после изнурительных переходов, голодные, став биваком во фруктовых садах, не срывали ни одного плода, чтобы не запятнать честь освободительной армии. Эти солдаты и до битв не были потребителями. Жизнь не ласкала их. Мы же думаем лишь о досуге для дитины, который не устает на работе, чем бы еще «пощекотать» его.

* * *

П ОЧЕМУ в перестройке кадровой проблема стала главной? Партии нужны люди сейчас трезвые и духовно собранные.

Один из глубинных смыслов обновления в том и заключается, чтобы не видеть за каждой газетной публикацией директивного перста, не расшибать от усердия лба и не впадать в противоположную крайность — безвольную апатию. Перестройка есть перегруппировка сил нашего общества перед решительным и длительным наступлением. Имеется в виду отвести в тыл с исторического переднего края силы, ослабленные делячеством, ложью и уступками совести, и выдвинуть на направление главного удара здоровые, патриотические, честные и верные партии и коренным основам Отечества кадры, то есть людей, обладающих характером, умом и честью.

Может ли перестройка быть успешной без учета здоровых народных традиций и одухотворенности исторической памятью? Разумеется, нет. Не надо терять здравый смысл, или, как говорил бывалый солдат Сухов в «Белом солнце пустыни»: «Только без паники!».

(Окончание следует)

ПОДДЕРЖИВАТЬ ИНИЦИАТИВУ МОЛОДЕЖИ

На очередном совещании Политуправления разговор шел о повышении активности и боевитости комсомольских организаций войск.

О новых формах работы и планах комсомольских организаций частей и подразделений региона рассказал в своем сообщении помощник начальника политотдела войск по Северному Кавказу и Закавказью капитан С. Демиденко. Так, комсомольскими активистами организованы и проведены конкурс профессионального мастерства, действует творческое объединение «Поиск», ширятся плодотворные контакты военнослужащих с областными и республиканскими средствами массовой информации.

В то же время комсомольский работник остановился и на нерешенных проблемах, таких, например, как «дедовщина».

Выступившие в прениях офицеры высказали ряд критических замечаний в адрес комсомольских активистов войск по Северному Кавказу и Закавказью, внесли конкретные предложения по улучшению дел.

В частности, отмечалось, что комсомольская работа порой ведется «сама по себе» — в отрыве от конкретной обстановки. Много времени и сил уходит иногда на изобретение новых форм работы с молодежью, но эффект от их внедрения никем

не анализируется. Упор в своей деятельности комсомольские активисты часто делают лишь на культурно-массовые мероприятия. Очевидны изъяны в воспитании воинов в духе дружбы и войскового товарищества.

Было выражено убеждение, что в нынешней непростой политической обстановке нужно сформулировать четкую концепцию деятельности комсомольских организаций войск.

Итоги совещания подвел член Военного совета — начальник Политического управления войск генерал-майор А. Гриенко. Он обратил особое внимание на неукоснительное выполнение политорганами, партийными организациями, всеми коммунистами решений XIX Всесоюзной конференции КПСС, XXVII съезда КПСС по партийному руководству комсомолом. Важно всемерно поддерживать и использовать возрастающую инициативу молодежи, указал начальник Политического управления, направляя ее на решение ключевых проблем войск, достижение высоких конечных результатов в деятельности воинских коллективов.

Необходимо также, подчеркнул генерал-майор А. Гриенко, повысить идеологическое обеспечение перестройки комсомольской работы; основные усилия сосредоточить на обновлении содержания и форм идейно-политического воспитания комсомольцев и молодежи, формирования у них идейной убежденности, ясного понимания сути и значения происходящих в стране демократических преобразований, роли войск в охране конституционных интересов советских людей.

Политорганам в третьем квартале с. г. рекомендовано проанализировать состояние работы по организационно-политическому укреплению организаций ВЛКСМ, росту комсомольских рядов, отбору в партию из числа членов ВЛКСМ.

ПОРТРЕТ НА ЦВЕТНОЙ ВКЛЕЙКЕ

СЕРЖАНТ ВЯЧЕСЛАВ СТАРУХИН

Руины Ленинанкана сочались кровью, над ними висела гарь пожарищ, когда на израненную землю Армении прибыли подразделения внутренних войск. Среди первых был и Вячеслав Старухин со своим отделением.

Наряду со спасательными работами нужно было предпринимать экстренные меры для обеспечения общественного порядка. Хаос царил в городе, в окрестностях, на дорогах. Нет-нет да и появлялись негодяи, позарившиеся на оставшееся без присмотра добро.

Пришлось и сержанту В. Старухину со своими солдатами задерживать воров. Воинов было трое, преступников — шестеро. Верх взяли солдатская выучка, отвага, верность долгу.

Комсомолец сержант В. Старухин был награжден знаком «За отличие в службе» II степени.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

**20 АВГУСТА —
ДЕНЬ
ВОЗДУШНОГО ФЛОТА
СССР**

НА

■ Техническое обслуживание вертолета проводят старший прапорщик И. Агриков и ефрейтор В. Бриерис.

■ Летчик-штурман старший лейтенант С. Глухин и бортинженер майор А. Андренков к полету готовы (снимок слева внизу).

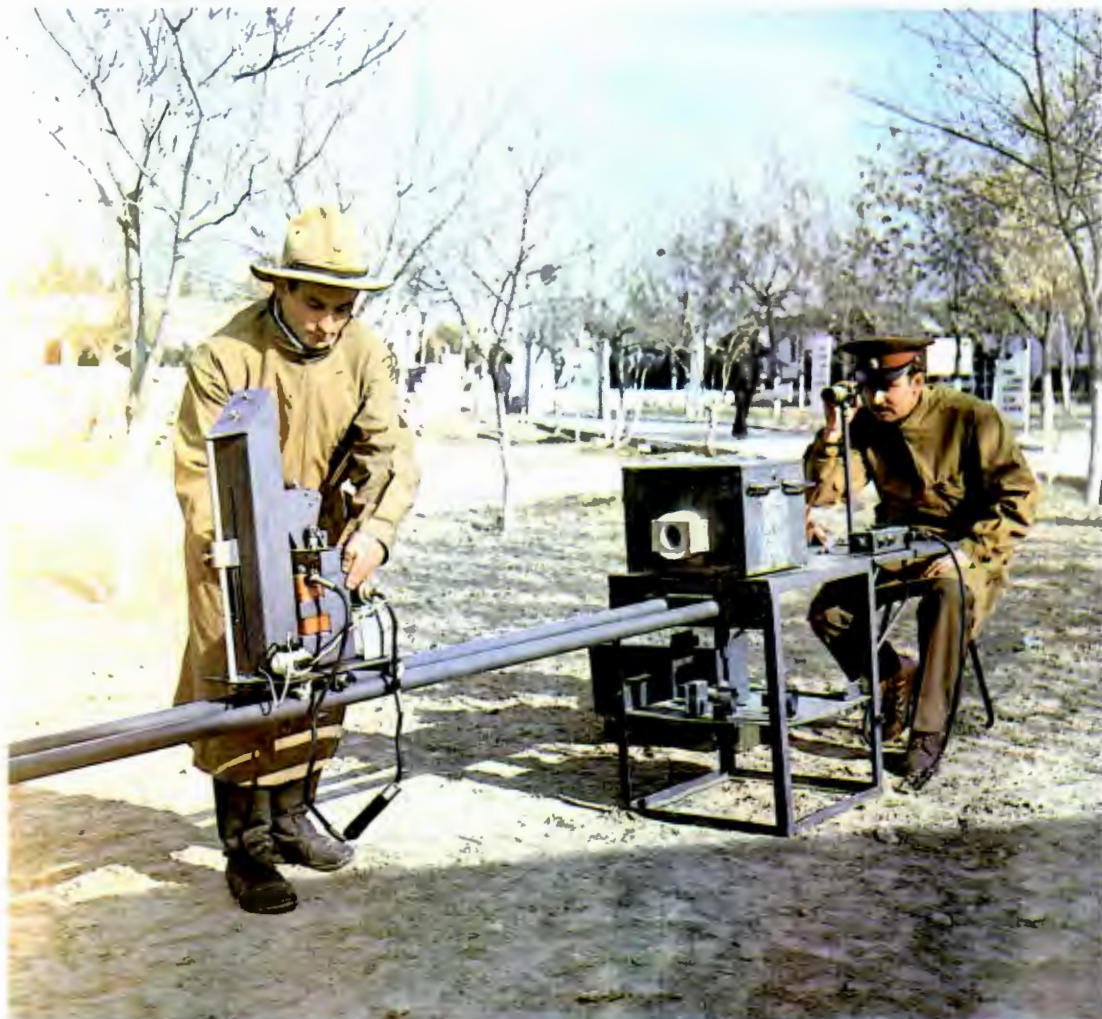
ВЗЛЕТ!

■ Уточняется маршрут.

■ Экипаж, который возглавляет летчик 1-го класса майор Л. Горохов (на правом нижнем снимке), принимал участие в помощи пострадавшей Армении.

Фото Р. РЯЗАНОВА.

■ ■ ■

Уроки, полученные нашими воинами при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, научили строже относиться к сбережению средств химической и радиационной разведки, уметь грамотно ими пользоваться.

■ Начальник мастерской прапорщик М. Однорог прибыл в подразделение для профилактических работ.

■ Дозиметры проверяет рядовой В. Попадинец.

«НАМ НЕ ДОСТИЧЬ
УСПЕХА В ВЫПОЛНЕНИИ
СТОЯЩИХ ПЕРЕД
ВОЙСКАМИ ЗАДАЧ,
ЕСЛИ В АРМЕЙСКОЙ
СРЕДЕ НЕ УТВЕРДИТСЯ
ПОДЛИННАЯ, РЕАЛЬНАЯ
ДЕМОКРАТИЯ.

ПОМНИТЕ:

ОНА НЕ МОЖЕТ
ВОПЛОТИТЬСЯ В ЖИЗНЬ
ДО ТЕХ ПОР,
ПОКА БУДУТ
УЩЕМЛЯТЬСЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА
И ДОСТОИНСТВО
ГЛАВНОГО ТРУЖЕНИКА
ВОЙСК —
СОЛДАТА...»

ТРЕВОГА,
ОЗАБОЧЕННОСТЬ
ПРОБЛЕМОЙ НЕУСТАВНЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ,
ПРОЗВУЧАВШИЕ

В ПИСЬМЕ
ВОЕННОГО СОВЕТА
И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК,
ВЫЗВАЛИ

ШИРОКИЙ ОТКЛИК
У ЛИЧНОГО СОСТАВА.
НАСТУПЛЕНИЕ
НА КАЗАРМЕННОЕ ЗЛО
ВЕДЕТСЯ КАК СВЕРХУ,
ТАК И СНИЗУ.

ПРОБЛЕМЫ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ,
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК —
ПРОБЛЕМЫ ВСЕЙ СТРАНЫ,
ВСЕГО
СОВЕТСКОГО НАРОДА.

ЭТО ЕЩЕ РАЗ
ПОДТВЕРДИЛ СЪЕЗД
НАРОДНЫХ
ДЕПУТАТОВ СССР.
ОБ ЭТОМ ИДЕТ РЕЧЬ
В ПУБЛИКУЕМЫХ
НИЖЕ МАТЕРИАЛАХ.

ТЕЛЕГРАММА

«Начальнику Политуправления внутренних войск.

Получено письмо военнослужащего Туреханова Полата...

В связи постоянным издевательством старослужащих готовится расправиться обидчиками огнестрельным оружием. Письмо шлем на ваш адрес. Прошу принять меры. Военком Туркестанского ГВК подполковник Крючков».

* * *

РЯДОВОЙ П. Туреханов призван во внутренние войска в конце прошлого года. В январе прибыл в роту, где ему предстояло нести боевую службу по охране ИТУ. И он, и его земляки не могли свыкнуться с холодом, адаптация южан к северу шла со скрипом. Одновременно их пугали и «старики», которые смотрели на них косо. Вскоре, однако, они заявили о себе. Сначала Туреханова оскорбили словесно. Затем, убедившись, что он не слишком-то реагирует на это, так как знание им русского языка оставляло желать лучшего, пустили в ход кулаки. Рядовой Р. Пашаев, а через два дня рядовой А. Джамалов, заприметив тихого, покорного новобранца, немало покуражились над ним. Обещали, если пикнет, если не будет безропотно повиноваться, — еще и добавят.

Туреханов не внял их совету. Когда всех молодых солдат привезли на стрельбище, он отозвал рядового Б. Кобыланова в сторону на пару слов. Поминутно оглядываясь, вполголоса сказал, что дальше терпеть издевательства «стариков» не желает. А что же делать, их много, они сильнее, заметил Кобыланов. Туреханов возразил: они-то сильнее, но когда у всех будет оружие, то шансы уравняются, можно покончить с обидчиками раз и навсегда. Кобыланову от этих слов стало не по себе. Он тут же начал уговаривать земляка отбросить навсегда кошмарную затею: опомнись, у тебя есть мать, отец, они тебя в армию проводили, а не в тюрьму.

Туреханов задумался: не написать ли обо всем домой? Что отец посоветует — он мудр, рассудителен, с его мнением считаются даже старшие. Однако когда взялся за перо и стал изливать душу, само собой вышло так, что он опять пообещал расправиться с обидчиками при помощи оружия.

Прочитав письмо сына, не на шутку взволнованный отец отправился в военкомат. Там он и передал военкому злополучное письмо с просьбой сделать все возможное, чтобы предупредить беду. Надо успеть, надо торопиться, повторял Туреханов-старший. И телеграмма пошла в Политуправление...

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ МИЛОСЕРДИЕ,

ИЛИ

НОЧНЫЕ ДЕЛА

“ДНЕВНОЙ РОТЫ”

ПРОШЕЛ в тревоге день, а потом и ночь, прежде чем мы добрались до северного поселка, затеявшегося в огромных снежных сугробах. Первое, о чем спросили заместителя командира роты: где молодые солдаты? Выяснилось, все тут, в классе на занятии. На стрельбище не собирается? Нет. Только после этого мы рассказали о цели приезда.

Реакция офицеров роты на содержание уникальной в своем роде телеграммы была однозначной: ничего такого не могло быть.

Начальник политотдела части майор А. Жук в беседе несколько прояснил позицию. Оказалось, что в данном подразделении в прошлом году привлекли к уголовной ответственности за физическое оскорбление сослуживцев двух солдат — Г. Хотиашили и Г. Абдулаева. На суде Хотиашили присутствовали многие солдаты и сержанты. До этого в течение трех месяцев в части работал заместитель военного прокурора гарнизона. В роте прошло собрание, на котором избирали общественного обвинителя на суд, выступали военнослужащие активно. Провели целый комплекс профилактических мероприятий. Потому ни у кого и мысли не было, что опять в том же подразделении может вспыхнуть рецидив неуставных.

Выходило: карающий меч правосудия не оказал ожидаемого воздействия. Вот ведь как. А на него так понадеялись, что даже прекратили всякие разговоры вокруг «дедовщины», не обращая внимания на четкие рекомендации Политуправления войск. Эти советы сверху подменили доморощенными. Ну вот, к примеру, узнал лейтенант Д. Агафонов, что Джамалов издевается над рядовым С. Тарасовым. Докладывает замполиту. Тот, поразмыслив, дает следующую рекомендацию молодому офицеру: ты поручи Джамалову шефствовать над Тарасовым (!). Если заметишь синяки у Тарасова — спроси строго с Джамалова, почему допустил, почему не защитил слабого?

На подобном уровне и осуществлялась борьба с неуставными взаимоотношениями. Не мудрено, что молодые ощутили себя один на один с законом джунглей: вокруг столько начальников, а до них дела никому нет. Они притихли, чувствуя неопределенность положения. Они упрямо молчали, когда их просили рассказать о житье-бытье, о фактах махровой «стариковщины».

Неопределенность, однако, длилась недолго. Заручившись обещанием, что слушать в данной роте не будут, новички тихо, ненадолго замолкая, словно для того, чтобы воскресить во всех подробностях «картинки» общения с обидчиками, стали рассказывать, кто, когда и как над ними издевался. Не раз возникало впечатление, будто в щелочках узких от природы темных глаз Туреханова застыли слезы и, если он моргнет, то они упадут на жилистые

сухие руки, бережно держащие головной убор.

Еще одна жертва пресловутой «дедовщины», еще одна покалеченная душа, и неизвестно, когда она теперь оттаает, когда этот юноша поймет, что таких, как Пашаев и Джамалов, единицы, не они определяют лицо внутренних войск. Но даже если те двое, что били Туреханова, — подонки, исключение, разве кому-то дано право самочинно распоряжаться их жизнями, уstrarивать самосуды? Неужели эхо выстрелов в спецагоне кому-то дало надежду на оправдание любых расправ над сослуживцами? Неужели так никто не объяснил рядовому Туреханову, что необходимая оборона имеет четкие границы? Неужели никто не сказал, что можно обратиться к командиру, в политотдел части, в партийную и комсомольскую организации, к прокурору — вплоть до Министра внутренних дел СССР с просьбой защитить от посягательств на честь и достоинство?

Нет, оказывается, за повседневной текучкой, за общей говорильней до живого человека никому не было и нет дела. Сержанты занимают пассивную позицию, воспитание подчиненных сводят к окрику. К прибывшим молодым солдатам никакого отношения не имели, так как последние жили и занимались особнячком, вроде и в штатах роты, но и не с ротой. Сами по себе.

У прапорщиков тоже свои заботы. Одни живут далеко от роты и являются только за «получкой» и на занятия. Другие имеют «уголок» рядом с подразделением, зато пьют беспробудно и свои интересы выше бутылки бормотухи не поднимают.

Офицеры? О них разговор особый. Начнем его с капитана А. Беловинского, командира подразделения. В свое время он принял не лучшую роту, сменил не лучшего командира. Правда, и сам Александр Михайлович к тому моменту не являлся образцовым во всех отношениях офицером. Его сняли с должности секретаря парткома части «за моральную распушенность».

В обстановке бесконтрольности офицеры роты запустили работу с людьми. Да и когда было этим заниматься, если на попойки требовалось столько времени, сил и денег?

Зам допился до такой степени, что его вынуждены были срочно уволить из войск. Заместитель по службе контролеров чуть подзадержался в должности, хотя его загулы, бывало, длились по трое суток. Опытный командир взвода старший лейтенант А. Новоселов стал в позу обиженного из-за того, что ротный его обманул. Молодые командиры взводов пытались было что-то сделать, да быстро поостыли, видя, что вокруг творится. А творилось следующее: ночью в карауле рядовой Джамалов избил рядовых С. Тарасова и Ж. Алимова. Рядовой Р. Ибрагимов после отбоя нанес побои рядовому З. Абубакирову.

НА ТЕМЫ МОРАЛИ

385

Опять место действия — караульное помещение: рядовой О. Саипов бросает в сержанта И. Руденко амбарным замком. Немного погодя старший сержант К. Уртаев в казарме избивает рядовых И. Резника и Н. Турутина. Этого ему показалось мало, тогда ночью он поднимает роту и начинает тренировать личный состав в выполнении команды «К бою». Так сказать, в назидание, чтобы впредь все и всегда беспрекословно повиновались.

Как правило, ночью же солдаты отрабатывали наряды, щедро раздаваемые налево и направо.

В роте существовали микрогруппы отрицательной направленности. Если тебя не коснулись наряды, если не тронул сержант, то все равно нет уверенности, что ночью не станет «качать права» кто-то из них.

Волком завоеешь от такой жизни.

А тут еще командир роты крохоборствует. Приходят солдатам посылки, он в них запускает руку, все лучшее — ему. Из теплицы тащит домой огурцы, на солдатский стол они почти не попадают. Заодно берет и зеленый лук, и молоко... Умыкнул и ножовку, и лыжные палки, и отвертки, да не простые, а комплектами по 17 руб. за каждый. И бензопилу, благо, она вроде бесхозной считалась в роте.

Распозавшившись окончательно, капитан Беловинский начал торги: кто достанет финскую плитку и обои — поедет в отпуск. Сержант И. Руденко попробовал — не вышло. По мнению старшего лейтенанта Новоселова и сержанта Руденко, в данном деле преуспел рядовой А. Аракелян — их подчиненный, который неожиданно для всей роты поехал в отпуск, хотя накануне был наказан. Сержант А. Ходаковский и рядовой С. Чистяков тем временем крадут полы на квартире командира. Здесь же в поте лица трудится и осужденный...

С наступлением ягодной поры группа солдат во главе с сержантом В. Кушаком отправляется в лес. Оно и понятно: командиру и его семье нужны витамины. А прапорщик А. Долгополов и рядовой А. Абдурахменов дважды возят «хозяину» продовольственные пайки. Что примечательно: сам Беловинский двумя часами позже приезжает домой на машине. Даже жена удивилась такому барству.

И все это происходит на глазах личного состава роты, становится предметом разговоров. Партийная организация наконец решилась призвать к порядку коммуниста Беловинского. В персональном деле фигурируют приведенные выше факты. Учитывая всю тяжесть их отрицательного воздействия на коллектив, старшина роты прапорщик В. Мацулявичус предложил исключить Беловинского из рядов КПСС. Выступивший на собрании начальник политотдела части майор А. Жук, судя по протоколу, не увидел полного морального разложения командира роты. Он до конца выдержал роль милосердного руководителя. Так же повела себя и парткомиссия. Объявили строгий выговор «с занесением».

Кто же против милосердия? Только почему оно должно быть избирательным? Для Беловинского — да, для его детей —

да, для солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров роты — нет. Это ж ведь насколько черствыми и безответственными надо быть командиру части полковнику В. Цинделиани, офицерам управления части, которые за пятьдесят с лишним суток пребывания в роте так и не смогли разобраться в происходящих здесь процессах, не удосужились откровенно, заинтересованно поговорить с людьми, узнать, что у них на душе и на уме.

Не смогли выявить или не захотели? Вот вопрос. И он не случаен. Майор А. Путилов — помощник начальника штаба части по службе, прибыв в караул через несколько минут после конфликта между Саиповым и Руденко, в суть происшедшего (на боевой службе, заметил) не вник, о нем никому не доложил. Скрыл. Старались ничего не видеть и все остальные. В их числе и молодые взводные. В атмосфере круговой поруки и равнодушия затаились, озлобившись, солдаты.

СТИЛЬ «работы» офицеров штаба в подразделении можно проследить на таком примере. Майор О. Коровев прибыл сюда с предписанием произвести штатную расстановку личного состава. Три дня они с командиром роты «морочили». Затем вышел приказ по части, из которого явствовало, что расформируются все взводы, все отделения и создаются заново, во главе с другими командирами. Больше того: вдруг в последний момент выяснилось, что во взводе лейтенанта Д. Агафонова оказалось тринадцать солдат одной национальности, из той самой группы отрицательной направленности. Таков итог усердия двух офицеров. Не потому ли мнение о наезжающих сюда офицерах штаба части и соединения не очень лестное:

— Все ищут недостатки. Находят те, что и нам видны. Затем наорут и уедут. Вот и помощь, и учеба. Работают днем, а наночь уезжают в город, ближе к цивилизации.

Оттого данную роту и называют в обиходе дневной, что здесь офицеры управления части бывают неездами. Офицеры и прапорщики роты также живут в городе, за 15 километров от поселка. Добираются автобусом, на который надо вовремя поспеть... Иначе и не попадешь вечером домой: транспорт никакой не ходит.

Но именно вечером, как известно, прибывают солдаты и сержанты из караулов. Тут бы с ними и заниматься, да некому. Кроме «стариков», конечно.

— Мы офицерам роты создали все условия для нормальной работы. Столько квартир в городе выбили, а дело не выиграло, — посетовал полковник Н. Картамышев.

«Дело не выиграло», как не трудно было заметить, совсем по другой причине. А потому нет гарантии, что завтра-послезавтра откуда-то не поступит новая тревожная телеграмма.

На этот раз беду успели предотвратить...
Майор В. ШОШИН.

Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.

ЗА ПРАВДОЙ В «ПРАВДУ»

«Вот уже который день подряд в «Правду» заявляются «беглые» солдаты. Один — младший сержант внутренних войск — аж из Перми добирался, избегая в поездах и на вокзалах встреч с патрулями, с милицией: без документов, «самовольщик». (Правда, 1989, 19 марта).

ДУМАЮ, понятны мотивы моего вопроса к младшему сержанту С. Левченко:

— Почему обратились не в ГУВВ, не в редакцию нашего журнала? Неужели не верили, что здесь помогут?

— Верил, — отвечает, — но, разыскивая вас, мог встретить патрулей. В поезде одна женщина посоветовала ехать прямо в «Правду» и рассказала, как добрался.

Что ж, может, не кривит душой младший сержант. Очень хотелось бы, чтобы наши солдаты нам верили, чтобы, читая журнал ли «На боевом посту», войсковые ли газеты, а главное, наблюдая за работой офицеров и генералов, по делам конкретным убеждались: в войсках идет перестройка.

А вот сомнения младшего сержанта Левченко в том, что командование и политотдел части способны прекратить произвол «стариков», как оказалось, имели под собой немалые основания. Более того, Левченко ушел из части, когда там работала комплексная группа во главе с самим командиром соединения! Не верил...

Сослуживцы Левченко рядовые С. Перепекин и В. Васильев, подвергавшиеся унижениям, накануне также уехали отсюда за правдой, но на вокзале в Москве были остановлены патрулем и отправлены обратно в часть. Достаточно сказать, что того же рядового Васильева до его побега неоднократно, чтобы защитить от «стариков», переводили из роты в роту (одна от другой — на расстоянии заасфальтированного плаца), а ему вслед летели угрозы знакомых «дедов» и встречали его «деды» новые...

Обращались ли к командирам, политработникам обиженные солдаты? Конечно, и не раз. Но заканчивалось это, как правило, формальными беседами, обещаниями разобраться, а ночью жалобщиков, «стукачей», как окрещивали их «деды», в казарме ожидали другие «разговоры». Из чувства стыда и досады я не привожу здесь дословно «дежурный» грубый ответ начальника политического отдела части подполковника А. Соловьева офицером, докладывавшим ему о случаях неуставных взаимоотношений в своих подразделениях.

Сами догадываетесь, что рядовых Ва-

сильева, Перепекина, а позже и Левченко встречали в части не как искавших защиты и справедливости. Клеили ярлыки «хлюпиков», тех же «стукачей», «маменькиных сыночков»... Знаете, как капитан Н. Кабашов — командир роты, из которой бежал Левченко, — ответил на мой вопрос: «Как вы оцениваете поступок младшего сержанта?»

— Я Левченко презираю! — кричал капитан Кабашов, размахивая руками. — Меня тоже когда-то били, но я никогда никуда не бегал и не жаловался!

Мне показалось, что передо мной не офицер, не воспитатель, а кто-то другой, случайный, с улыбки... После окончания работы комиссии ГУВВ мое первое впечатление о капитане Кабашове лишь укрепилось.

«Круговая порука мажет, как копать...» Эта строка из песни не раз вспоминалась мне, когда шаг за шагом, день за днем мы вместе с членами комиссии «проживали» часы и дни младшего сержанта Левченко в роте капитана Кабашова, в части подполковника Ч. Мерквиладзе.

Парню, пришедшему в войска выполнять конституционный долг, те дни, возможно, будут вспоминаться, как мрачные страницы молодости, как кошмарный сон. И это ужасно, потому что вера молодого человека в добро и справедливость хотя и тверда, — не беспредельна. Нам всем надо спешить защитить эту веру...

Итак, «маменькин сыночек» младший сержант Левченко, (кстати, мать Сергея умерла, когда ему исполнилось 4 года), зная, чем может ему грозить самовольный уход из части, все же решил пробить глухую стену круговой поруки. Вопрос этот щекотлив и деликатен, и давать однозначные оценки происшедшему очень непросто, да и вряд ли следует. Но то, как встречали Левченко в части, та кампания против него, проводившаяся с благословения некоторых офицеров-руководителей (с определениями «тяготился службой», «уваливал»... и т. п.), не могли не вызвать чувства протеста. Вместо того, чтобы «обратить глаза зрачками внутрь», отдельные офицеры-воспитатели направили свой гнев против затравленного сержанта. Даже большой начальник из соединения, приехавший разобраться по данному случаю, отозвался о Левченко с раздражением: «Он слишком грамотный...»

Так вот, этот «слишком грамотный» младший сержант был внимательно обсле-

УСТАВ И МЫ

дован в центральном госпитале войск. Диагноз: «Множественные посттравматические ушибы, ссадины мягких тканей поверхности груди, спины. Миопия правого глаза».

В ДЕНЬ, когда Левченко и еще трое новичков прибыли в роту, с ними не побеседовали ни ее командир, ни его заместитель по политчасти капитан Б. Никитин, ни командир взвода. Зато ночью их подняли для «беседы» рядовые А. Орлов (бывший сержант, бывший комсомольский активист), Н. Гудзь и ефрейтор И. Маринец. Троица из четверых — младшим сержантам — они уделили «особое внимание», чтобы враз убедить их: в роте правят не сержанты, не уставы, а «деды».

— Я хотел сразу же пойти к командиру части и попросить, чтобы меня разжаловали, — сказал мне Сергей Левченко. — Какой же я сержант, если меня бьют подчиненные?

Не пошел. Струсил? Кто знает, ведь «деды» предупредили: кто пожалуется — ничего не добьется, но будет иметь бледный вид. Довлело и неверие в офицеров. Печальный опыт Перелекина, Васильева, других остановили младшего сержанта на пути к командиру части.

«Каждый вечер для старослужащих проходил с радостью, — писал в объяснительной младший сержант Левченко. — После отбоя они всех строили на центральном проходе, гасили свет и били кулаками и ногами по почкам, шее, в грудь... В лицо старались не бить, чтобы не было видно следов. Перед офицерами вели себя спокойно, но только те уйдут — все начиналось снова...»

Своими переживаниями поделился и рядовой Б. Дукуев, прослуживший здесь уже год: «После отбоя свет в спальном помещении был потушен. Построили нас и начали объяснять, как они выражаются, «политику партии». Объясняли кулаками. После этого отпустили нас спать».

Широкое распространение получил в части своеобразный казарменный рэкет, а проще — наглое вымогательство. Причем «деды» стремились загрести жар чужими руками — посылали «на дело» солдат последнего призыва.

«Я был дежурным по кухне. На ужине кое-кому не понравилось, что плохо вымыты ложки, — рассказывает младший сержант Д. Каганис. — Меня вывели из столовой и избили. Одним из избивавших был рядовой В. Гилетин. Затем меня отпустили, но сказали, чтобы я принес на завтрак 15 рублей...»

А вот как описывает действия доморощенных вымогателей младший сержант Э. Косарев: «Я был дежурным по роте. Примерно в 4.30 утра в казарму учебных сборов вошел рядовой из другой роты и спросил, есть ли у меня деньги. Я отве-

тил, что у меня нет и у других тоже. Он попытался искать деньги в карманах солдат. Я поднял сержантов, после чего он ушел. В 5.10 пришли еще несколько человек, и тогда пришлось поднять роту... Через несколько дней я заступил дежурным по кухне. Ко мне подошли трое из другой роты — рядовой Юсупов, ефрейтор (его запомнил в лицо) и еще один, которого не знаю, и, ничего не говоря, стали меня бить...»

ПОМОЩНИКА начальника политического отдела части по комсомольской работе старшего лейтенанта Ю. Панкратова я не переставал раздражать вопросами по каждому случаю: «А где же был комсомол?...»

— Нельзя сказать, что мы ничего не делаем, — отвечал Панкратов. — Не все, правда, получается...

На представительном собрании комсомольский работник об этом упомянул отдаленно: «Повсеместно... комсомольцы единодушно поддерживают мероприятия, проводимые для наведения твердого уставного порядка. Но, к глубокому сожалению, слова так и остаются висеть в воздухе...» И далее: «Именно при попустительстве комсомольских активистов мы вынуждены чуть ли не ежемесячно разбираться по грубостям, синякам, когда наши всеннослужащие непонятным образом падают с кроватей, и по другим очень неприятным фактам».

Что же это за единодушная поддержка, позвольте спросить, если ни одного факта неуставных взаимоотношений комсомольские активисты сами не вскрыли, а «разбирались» лишь по указке свыше?

Как говорится, все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Я поинтересовался, как, например, реагировала комсомольская организация роты капитана Кабашова на один из случаев неуставных взаимоотношений.

Рядового О. Мустафаева ударил в туалете и обобрал рядовой Б. Дукуев. Да-да, тот самый, который был прежде бит, а нынче отправлен «стариками» на сбор дани. В роте, по словам секретаря комсомольской организации рядового О. Алексева, новость вызвала буквально бурю негодования. Решили даже комсомольское собрание организовать. «Выговор по комсомольской линии Дукуеву тогда объявили», — рассказывает комсомольский вожак. И сам Дукуев соглашается: все так и было. Припоминает даже, что Алексеев выступал. Только вот командир роты не соглашается: Алексеева вообще не было на том собрании, он болел, да и собрание выглядело не совсем комсомольским...

Выяснилось в конце концов, что рядовой Дукуев не комсомолец вовсе и никогда им не был. Какого?!

Если у помощника начальника политдела по комсомольской работе до молодежных забот руки не доходили — это, конечно, беда. Но кто с ним мог сравниться в умении выпить и подебоширить? Сначала у ресторана «под газом» хулиганил, на учебных сборах подрался с офицерами, потом — в офицерском общежитии...

Но и старший лейтенант Ю. Панкратов мог бы заявить о своем «моральном праве». Ведь сам начальник политотдела всячески замазывал, скрывал его пьяные потехи.

И потом, тот же капитан Кабашов: раньше был наказан за рукоприкладство к подчиненным (вот где собака зарыта!), нынче — ротой командует. Капитан Никитин, обманывавший солдат, отбиравший у них деньги, у Кабашова в заместителях ходит. Начальник физподготовки и спорта части, временно исполнявший обязанности командира учебной роты, майор Н. Васильев регулярно принимал дорогие подарки от родителей своего подчиненного (отец которого, к слову, трижды судим). В подразделении об этом прознали, посмеивались над командиром, были случаи — даже шантажировали его. Отец солдата в очередной приезд к сыну похвастал: «Твой майор куплен с потрохами».

Прозвела в части еще одна опасная «игра», которую я бы сравнил с печально известным «наперстком». У каждого должностного лица по «наперстку», а у самых проворных по несколько. Вот он «шарик» — дисциплинарный проступок — есть, а вот накрыл его — как и не было.

Простор необыкновенный: хочешь сам играй, хочешь — с начальниками вместе. Опять же коллектив «сплачивается». Попытался я проследить: где же, под чьим «наперстком» спрятался «шарик»? О, как это просто, когда дело имеешь с виртуозами!

Доходили «шарики» и до начальника политотдела части подполковника Соловьева. Те же пьяные загулы старшего лейтенанта Панкратова. Были и другие, не менее впечатляющие, осевшие под «наперстком» начальника политотдела.

А что командир части подполковник Мерквилладзе? И у него «наперсток»?

Рядовой Т. Юсупов ударом кулака травмировал повара рядового С. Бойко. За то, что тот отказался выдать ему мясо сверх нормы. Вроде бы сломанную челюсть «под наперсток» не спрячешь. Но мы-то с профессионалом имеем дело. Назначается расследование, как и полагается. Затем оформляется постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении рядового Юсупова. На каком основании? Читаем: «Произошло примирение между солдатами... Юсупов намерений причинить телесные повреждения не имел». Нечаянно, стало быть, врезал. И далее: «Копию постановления направить военному прокурору». Все правильно, так и положено. Может, прокурор решит по-другому? Для убедительности переворачиваем страницу и читаем: «Отпечатано в 1 экз.». Подполковник Мерквилладзе разводит руками, дескать, что поделаешь, таковы правила «игры».

ПОЧЕМУ же командиры и политработники столь бессовестно-равнодушно взирали на насилие, творящееся в части, скрывали его? Тому есть несколько причин.

Первая, естественно, дефицит совести. Далее, кое-кто из командования и политработников ожидал близкую звезду на погоны — не хотелось возможных неприятностей.

У младших есть свои причины прятать случаи неуставных взаимоотношений. Хотя уже немало сделано для того, чтобы над офицерами не довлела пресловутая «цифра», все же проблему реальной оценки их труда решить пока не удалось. Об этом с болью говорил мне офицеры в части подполковника Мерквилладзе, об этом искренне высказывается наш активный читатель командир роты другой части капитан Н. Домнышев: «Мы стали уходить от гласности, хотя время активно зовет к ней. У нас нет заинтересованности докладывать начальнику о вскрытых нарушениях, хотя знаем, что долг, устав обязывают это делать и что сокрытие, обман сильно вредят делу, могут привести к серьезным последствиям».

Кто-то может спросить, а где твоя принципиальность и смелость? Мужества набраться легко, но с принципиальностью оказаться в глупом положении не хочется. Возможные последствия сокрытия проступков меньше пугают, чем неминуемая ответственность за обнаруженные нарушения, и не хочется быть оцененным по одной цифре, когда старший начальник, не углубляясь в суть дела и всех обстоятельств, дает скоропалительную оценку работе командира и общему состоянию дисциплины в подразделении».

Что еще бросается в глаза в части подполковника Мерквилладзе?

Военнослужащие здесь все больше пропитываются особым видом романтики — так называемой «зарешеточной». В повседневном общении с осужденными солдаты перенимают элементы зековской психологии, язык и даже традиции осужденных и затем все это вольно или невольно применяют в повседневной жизни.

Сей сложный и очень, на мой взгляд, тревожный процесс можно было бы назвать «перетягиванием солдат»: с одной стороны за него ухватились осужденные, с другой... (хорошо, если бы боролись) командиры с политработниками, партийный и комсомольский актив. Однако совершенно очевидно, что последние борьбы не ведут.

В так называемых дембельских альбомах появились калки — солдат в обнимку с осужденными, содержащимися на особом режиме, пьют водку — бутылка на двоих. И хохочут над офицером: избра-

387

жен тот неказистым, расхристанным, согнувшимся под тяжестью бытия.

Откуда картинки? Из зоны, вестимо.

Солдат рассказал, как осужденный убеждал его: «Мы с тобой здесь подневольные. Ты вместе со мной отбываешь срок. А офицеры добровольно работают, значит, менты».

Осужденные ищут индивидуальные подходы к солдатам — дарят «ширпотреб» — всякие блестящие безделушки. Скажем, солдатам, призванным из Среднеазиатских республик, предлагают мусульманские знаки на цепочках.

Матерщина стала здесь нормой общения. Политработник рассказал, как встретил на плацу солдата без ремня. На вопрос, где ремень, тот, опустив глаза и переминаясь с ноги на ногу, ответил... матом. Офицер остолбенел от неожиданности. А солдат оправдывался: «Я не знаю, как это слово будет по-русски».

НЕКОТОРЫЕ офицеры сетовали: «Ничего невозможно подделать с этими «дедами», наказываем жестоко — все равно они за свое».

Что наказывали — это точно. Взыскания порою раздавались направо-налево. Гауптвахта части редко пустовала. Но вот условия содержания здесь капоминали те, что в доме отдыха. Отсутствовал серьезный контроль, охраняли арестованных сослуживцы — добрые знакомые и даже друзья. Майор А. Панченко вспоминает: «Из столовой вышли два арестованных солдата с выводным. Они только что пообедали и возвращались на гауптвахту. В руках у арестованных были тарелки, доверху наполненные мясом. Я приказал вернуть это мясо поварам».

Надо заметить, что было это случайное вмешательство неравнодушного лица. В общем же, арестованные как сыр в масле катались.

НЕЛЬЗЯ не видеть и колоссальной служебной загруженности офицеров и солдат, и отсутствия (особенно в семьях офицеров) нормальных жилищных и бытовых условий, я уже не говорю о нереализованных возможностях содержательного досуга. Над многими офицерами и прапорщиками по-прежнему довлеет и служебная бесперспективность.

Несомненно, для того чтобы враз решить жилищную проблему, нужны огромные капитальные вложения, а с ними, как говорится, в стране напряженка. Но ведь многое, очень многое можно сделать для людей на местах, проявив элементарную чуткость и заботу.

Выступая два года назад на комсомольском собрании, рядовой А. Айрапетян сказал: «У нас выходных нет совсем. Предлагаю, чтобы нам, как и осужденным, давали выходной день».

Если бы сейчас кто-нибудь из комсомольцев выступил с тем же предложением, он выглядел бы не оригинальным: сколько можно об одном и том же, все равно ничего не меняется!

И каково же было мое удивление, когда в войсковой газете я прочитал статью офицера политотдела внутренних войск по Уралу, в которой тот одной из главных причин безобразий в подразделении капитана Кабашова считает недостаточную служебную загруженность солдат. Дескать, если от темна до темна солдат на службе и при деле, ему и в голову не приходит создавать себе более выгодные условия за счет «молодых»... Это — аксиома, безапелляционно утверждает автор. Странно: политработнику в звании полковника необходимо напоминать, что солдат тоже человек.

Именно потому, что он человек, он ищет справедливости и правовой защиты. И мы должны его защитить, а не наваливать на него побольше, чтобы не имел времени для «глупостей»...

Командир части подполковник Мерквиладзе, его заместитель полковник Назаренко, начальник политотдела подполковник Соловьев перемещены на низшие должности с меньшим объемом работы. Командир роты капитан Кабашов и его заместитель по политчасти капитан Никитин, некоторые другие офицеры ротного звена уволены в запас. Ряд офицеров получили строгие дисциплинарные и партийные взыскания. В отношении майора Васильева (за злоупотребление служебным положением), а также нескольких казарменных хулиганов возбуждены уголовные дела...

После такого «хирургического» вмешательства можно было бы, наверное, вздохнуть с облегчением и надеяться на непреходящий благополучный поворот в судьбе этого изнемогавшего от «дедовщины» большого воинского коллектива.

Хочется верить, да сомнения грызут: дойдут ли здоровые перемены до каждой конкретной роты, взвода, до каждого «старика» — хулигана, потревоженного или даже не вспугнутого, до еще робкого, неокрепшего новичка?.. Поверят ли солдаты новым командирам и политработникам, доверят ли им свои боли и надежды?

А капитан Кабашов, дитя лени и дурного воспитания, в беседе со мной горячо ругал «гражданку» за то, что там «разболтали молодежь». Да, с ней недоработывают, и корни, истоки «дедовщины» начинаются там... Ну и что? Не довольно ли кивать на «дядю», когда у самих рыльце в пушку?

Чтобы иметь моральное право упрекнуть школу, ПТУ, техникумы, надо по-настоящему работать с парнями ЗДЕСЬ, чтобы, сделав ВСЕ, мы и сказать могли: «Сделали все, что могли...» А пока... Тревожно. И стыдно. Именно стыд ощутил я, когда, покидая часть, оглянулся и на казарме учебных сборов еще раз увидел плакат: «Добро пожаловать, молодые воины!»

Майор С. ШЕВЦОВ.

...Голос в динамике рассказывал, на мой взгляд, типичную для всех нас историю, которая началась с того памятного дня, когда солдатская служба повесткой поступала в наш дом, а затем продолжилась первыми словами «дедушки»: «Эй, чекист, вставай! Дембельскую сказку знаешь?..» Да, действительно, история эта была знакома большинству воинов, присутствовавших в этот вечер в клубе части. «Правильно говорит. Все так и было», — признался сержант, сидевший рядом со мной.

ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Сколько уже сказано и написано о «дедовщине»! Сколько судеб она сломала! Глубокие корни пустила она в ряде воинских коллективов, медленно, очень медленно отступают порочные традиции.

Наши комсомольские активисты решили устроить суд над казарменным злом. Такое мероприятие однажды уже состоялось. Но на этот раз организаторы сумели придать ему особую выразительность, посадив на позорную скамью самых отъявленных хулиганов — «дедов». И прокурор был самый что ни на есть настоящий. Впрочем, все по порядку.

Итак, суд начался. В президиуме подполковник А. Серегин, старший лейтенант Р. Закиров, ефрейтор М. Рулев, общественный обвинитель ефрейтор А. Антонченко и представитель военной прокуратуры лейтенант юстиции З. Ахметов. Возле них, понурив головы, сидят рядовые Э. Зарипов, В. Калинин, А. Прима, С. Шамин, И. Маламужев, другие. После того, как выступил общественный обвинитель, председатель предоставил слово первому свидетелю.

— Да, я видел, как Зарипов и Маламужев издевались над своим сослуживцем, причем знали об этом и сержанты, но, как и я, они не вмешались. Конечно, я был не прав, но на моем месте так поступили бы многие. Больше мне нечего сказать...
— Потерпевший, вам слово.

— Вот уже полгода я в этой роте... «Деды» что хотят, то творят. Недавно двое старослужащих устроили вот что.

Удобно расположившись в разных концах казармы, они по очереди подзывали меня к себе. А затем позвали оба одновременно. Пойду к одному — другой пнет, к другому — лупит первый...

Затем выступили остальные свидетели и потерпевшие. Их показания были схожи между собой: они буквально кричали о бездушии и безразличии так называемого мужского коллектива, где никого не волнует то, что делается рядом, где у каждого, как говорится, своя хата с краю...

— Вам слово, подсудимый, — обратился председатель к рядовому С. Шамину.

Солдат долго стоял молча, затем что-то промямлил и уселся на место. Таким ли он был день тому назад, таким ли будет завтра? Какими выйдут после заседания те, кому грозным предостережением прозвучало обвинительное заключение: «...Своим поведением они подрывают боевую готовность, разлагают коллектив, создают обстановку нервозности в подразделениях. Люди перестают верить в справедливость. Пострадавшие получают не только моральные, но и физические травмы...» В зале в тот момент стало тихо-тихо.

К собравшимся обратился представитель военной прокуратуры лейтенант Ахметов: «Сегодня нарушителей судят их товарищи, но, чтобы переступить черту закона, казарменным хулиганам потребуется совсем немного, полшага. И случится непоправимое... Думаю, с этого дня нарушений в вашей части будет меньше».

Суд закончил свою работу. Зрители медленно выходили из солдатского клуба. «Подсудимые» по очереди расписывались в настоящем прокурорском предостережении. Двое из них, рядовые Калинин и Шамин, прямо со спектакля были отправлены на гауптвахту. Я же поспешил за кулисы. Первый, кто мне встретился, был председатель суда подполковник Серегин.

Вопрос: — Как вы считаете, будет ли достаточно эффективен этот театрализованный суд?

Серегин: — Думаю, что да. Этот суд чести, как никакое другое мероприятие, проведенное комсомольской организацией, оголил наши болячки. Считаю, именно такими серьезными, возможно, жесткими мерами мы сможем вылечиться от неуставщины.

Затем я подошел к рядовому Калинин, который собирался на гауптвахту, — расстроенному, подавленному. Мне Валерий сказал буквально следующее: «Я отслужил полтора года... Был группкомсоргом в отличном взводе. И тут... Сам не знаю, как это могло произойти... Случайность... Состояние, конечно, мое сейчас хуже некуда, врагу не пожелаешь...»

К этим словам мне остается добавить лишь несколько своих. Если и был это спектакль, а не настоящий суд, получился он жизненным, очень серьезным. Правда, какой бы горькой она ни была, заставила в тот вечер многих задуматься: до конца ли честно выполняем наказ матерей, отцов, клятву, которую дали Родине.

Прапорщик О. МАТУШКИН.

УВВ по Уралу.

34

Поддержать инициативу делегатов XX съезда ВЛКСМ о взятии шефства над подразделениями, в списки которых навечно зачислены выдающиеся революционеры и герои войск, вывести эти воинские коллективы в передовые по состоянию воинской дисциплины и уставного порядка.

(Из директивы начальника внутренних войск и Политического управления внутренних войск МВД СССР).

ПОСМОТРИ В ГЛАЗА— ГЕРОЮ

НАШЕЙ семье, считай, повезло, что Женя попал служить в эту роту. Старший сын проходил службу, если это можно назвать службой, в Подмоскovie, в военно-строительной части. Вот уж горяшка с ним хлебнули! Ждали каждое письмо. Разные мысли в голову лезли. А за младшего душа не болит, — Надежда Антоновна Глушкова, ткачиха Кемеровского комбината шелковых тканей, в ожидании сына, поспешившего в кладовую за «парадкой» для увольнения, рассказывала о его доармейской жизни.

Лейтенант А. Джугастранский, командир роты, где в списки личного состава навечно зачислен Герой Советского Союза старший лейтенант Иван Семенович Забобонов, внимательно слушал мать молодого солдата, иногда задавал ей вопросы и делал пометки в блокноте.

— Женя до армии закончил кулинарное училище, — продолжала разговор Надежда Антоновна. — Специальность ему пригодилась. В письмах сообщал, что в карауле выполняет обязанности повара. Ребята, в том числе и старшие по призыву, довольны им. Писал, что рота его именная, он гордится службой в ней...

— Мой отец погиб в Венгрии первого января сорок пятого, — дочь Героя Советского Союза старшего лейтенанта И. Забобонова Вера Ивановна кончиком носового платка смахнула набежавшую слезу и вновь стала раскладывать на столе фотокарточки из семейного альбома. — Регулярно бываю в окрестностях Будапешта на кладбище, где вместе с воинами 3-го Украинского фронта покоится его прах. Раньше в поездках сопровождала мзму, после ее смерти сначала ездила одна. Когда подросла дочка, стали навещать могилу вдвоем. На днях собираемся с Оксаной вновь в дорогу к отцу и деду.

Была я недавно в его роте. Рассказала об отце, его службе во внутренних войсках, участии в Великой Отечественной войне. Верите, на душе становится теплее от таких встреч...

Мне повезло, что в один день командировки встретился с этими женщинами: дочерью Героя Советского Союза, выросшей без отца, и матерью рядового Е. Глушкова, проходящего службу в подразделении, носящем его имя. Разные они по возрасту, как разные у них судьбы и взгляды на жизнь. Но объединяет, роднит их одно — чувство гордости за подвиг отца, чувство гордости за сегодняшнюю службу сына. И, думается, это чувство было бы еще выше и чище, если бы...

— Когда я знакомилась с жизнью и бытом личного состава, беседовала с солдатами, то узнала, что в этой роте не все благополучно с воинской дисциплиной, — с нескрываемой горечью сказала Н. Глушкова. — Как же так: служить в коллективе, где на тебя каждый день смотрит с фотокарточки герой войны, отдавший жизнь за свободу Родины, и нарушать дисциплину?! У меня все это просто не укладывается в голове.

Вера Ивановна в беседе также высказала слова неудовлетворенности:

— Поймите правильно, в последнее время меня все реже и реже приглашают на встречи с воинами роты. Казалось бы, чем дальше от нас уходит время минувшей войны, тем активнее должна вестись работа по воспитанию молодежи на героическом прошлом. Ведь до сорокапятилетия Великой Победы советского народа над фашистской Германией остается меньше года. Мне есть что рассказать вчерашним парням, недавно надевшим военную форму. Но, повторяюсь, без охоты идут на это руководители. Стыдно им, наверное,

ЛЮДИ. ПОДВИГИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

приглашать в роту, где дела-то складываются не ахти как хорошо...

Да, что верно, то верно. Этим женщинам, умудренным житейским опытом, не стоило большого труда разобраться что к чему. Вот уже два года, как подразделение не значится в числе передовых. А ведь было время, когда о воинах-забобоновцах в части шла добрая слава. Было-то было, да прошло, как поется в одной песне.

ИЗ БЕСЕД с политработником батальона старшим лейтенантом В. Игнатьевым, секретарем партийной организации роты лейтенантом А. Литвиновым, комсомольскими активистами узнаю, что все условия для выполнения на отлично социалистических обязательств в восемьдесят восьмом году у коллектива были. Почему же подразделение никак не займет подобающее место в строю правофланговых?

Ответ не пришлось долго ждать.

— Коллектив вот уже третий год лихорадит, — откровенно сказал лейтенант А. Джугастранский. — Стоит роте выбраться на твердую дорожку, как очередное нарушение воинской дисциплины отбрасывает ее назад.

Мнения высказывались разные. Одни ссылались на личную недисциплинированность воинов, другие с оглядкой говорили об изъянах в работе сержантов и офицеров по сплочению многонационального коллектива, третьи винили комсомольскую организацию за низкий спрос с нарушителей воинской дисциплины... Конечно, суждения эти верные. Но, думается, основная причина заключается все же в том, что здесь слабо заботятся о воспитании у воинов обостренного чувства ответственности за честь родного коллектива, за то, чтобы люди в своих делах и поступках равнялись на подвиг героя. В этой важной работе много формализма, скуден выбор форм пропаганды традиций. Вот лишь некоторые факты.

В планах партийно-политической работы с личным составом роты за последние месяцы было записано три мероприятия по пропаганде подвига И. Забобонова. Беседу «Навечно зачислен в списки роты» должен был провести лейтенант В. Дубачев, но по каким-то причинам командир взвода с людьми не встретился. Через месяц с почти аналогичными названиями были запланированы выступления лейтенантов А. Васильева и А. Джугастранского. В общем, получается так, что вся работа по воспитанию воинов на боевых традициях здесь отдана на откуп лейтенантам. А где же политический отдел? Где опытные пропагандисты? Их не видно. Не потому ли и КПД бесед низок? Буквально через несколько дней после их проведения я спросил у солдат, допустивших дисциплинарные проступки, как знают они биографию однополчанина, обстоятельства боя за Будапешт. Услышал следующее:

— Мне кажется, старший лейтенант Забобонов родился в... — ефрейтор Б. Жумамуратов напрягает память, но, чувствуя, что это напрасное дело, признается: — Нет, не знаю.

А рядовой С. Красильников на вопрос, в каком году отличился в бою Герой Советского Союза, ничтоже сумняшеся, заявил:

— Это произошло в сорок третьем...

Сами офицеры располагают скудными сведениями о жизни и подвиге старшего лейтенанта И. Забобонова. Поинтересовался, используют ли они при подготовке к беседам с подчиненными материалы очерка И. Шарко «Спасибо, русский товарищ!» из книги «Страна назвала их Героями», выпущенной в свет издательством ДОСААФ? Оказывается, нет. Да и не знают офицеры, где можно найти ее. Признаюсь, нам с новой заведующей библиотекой части потребовалось немало времени, чтобы отыскать книгу на одной из запыленных полок. Нашли еще около десятка экземпляров, лежащих мертвым грузом, а в роте нет ни одного. Разве это дело?

А сколько интересных мероприятий можно было бы провести в библиотеке вокруг этого очерка! Даже одна читательская конференция принесла бы большую пользу в пропаганде боевых традиций наших Вооруженных Сил и внутренних войск.

НЕ ЛУЧШЕ положение дел с воспитанием на боевых традициях и в другой роте, в списки которой в январе 1971 года приказом Министра внутренних дел СССР навечно зачислен рядовой Юрий Михайлович Прохоров, героически погибший на боевом посту. Часто в этом коллективе на разного рода мероприятиях повторяют слова «Служить так, как рядовой Прохоров!». Но каждый ли из воинов сегодняшнего поколения слышит этот призыв?

По итогам прошлого года подразделение не достигло намеченных рубежей в соревновании. На этот учебный год личный состав вновь (в который уже раз подряд!) обязался добиться звания отличной роты. Желание похвально, но...

— Контрольные занятия по предметам обучения, — сказал командир батальона майор Я. Липин, — показали очень слабое знание воинами пройденных тем по уставам Вооруженных Сил, тактике внутренних войск. Самого серьезного внимания требует огневая и физическая подготовка.

Нет, не дошли здесь до отдельных воинских традиций родного коллектива, хотя о подвиге однополчанина им напоминает в спальном помещении уголок героя, обелен с плацу, у которого молодым солдатам в торжественной обстановке вручается боевое оружие, слова девиза, призывающего гордиться службой в роте. Нет, не стали традиции нравственным ориентиром в их повседневной службе, так как эти воины изучают биографию бесстрашного часового, обстоятельства его подвига в мирное время лишь для ответа на политических занятиях, да еще для того, чтобы козырнуть перед земляками из соседних подразделений тем, что служат в такой роте.

Верность традициям, гордость за службу в роте должны воспитываться у солдат и сержантов с первых дней службы. И здесь большую помощь командирам, политра-

ботникам призвана оказать комната истории и боевой славы части. Ведь прикосновение к подвигу вооруженных защитников старших поколений рождает у воинов решимость и волю в преодолении трудностей, готовность равняться в ратном деле на однополчан. Поинтересовался у солдат: многие ли из них были в комнате? Оказалось, в отличие от воинов-забобоновцев далеко не все. Офицеры при разговоре сделали ссылку на то, что подразделение, дескать, дислоцируется далеко от штаба части. Раз так, то почему бы им или активистам ВЛКСМ после предварительной договоренности с политическим отделом, клубом части не провести организованный выход личного состава в комнату истории и боевой славы?

Вопрос? Безусловно! И он требует решения. Как и вопрос с именным оружием. Поясню читателям.

Хорошая традиция была в этом подразделении — заступать на боевой пост с автоматом рядового Ю. Прохорова, с которым до конца своей жизни отважный воин нес караульную службу. Одним из последних, кто удостоивался чести заступать на пост с оружием однополчанина, был сегодняшний старшина роты прапорщик А. Музыченко.

— Получить автомат рядового Ю. Прохорова, — вспоминает Александр Иванович, — было мечтой каждого воина. Мы с первых дней службы соревновались за это почетное право. Для того, чтобы получить боевое оружие, нужно было быть первым в службе и учебе, в дисциплине и общественной работе. Ведь вместе с автоматом из рук в руки как бы передавалась эстафета мужества и служебного мастерства.

Утрачена сегодня эта добрая и нужная для воспитания людей традиция. Командир роты капитан А. Картошкин ссылается на то, что в связи со сменой стрелкового оружия автомат за номером 5555 (четыре пятерки, так солдаты называли его в коллективе) сдали на склад. Сдать легче всего. А вот о том, как бы его оставить, следовало побеспокоиться.

К СКАЗАННОМУ старшиной роты добавлю совсем немного — в качестве информации к размышлению. В подразделении, где на вечерней поверке первым выкликается имя Героя Советского Союза полковника М. Борисова, в одной из ячеек пирамиды с оружием стоит автомат. Самый обычный, с каким воины несут боевую службу в карауле. Но на его цевье есть пластинка с надписью: «Автомат Михаила Семеновича Борисова». Нет, это не простой автомат, это Почетное боевое оружие. Так почему же такого оружия нет в ротах, где навечно зачислены старший лейтенант И. Забобонов и рядовой Ю. Прохоров? Неужели это неразрешимая проблема?

— Никакой проблемы здесь нет, — говорит офицер ГУВВ полковник В. Литвин. — Нужно, чтобы командир части в приказе о закреплении вооружения за подразделениями отдельно выделил два автомата для этих рот. Вручение именного оружия победителям соревнования и закрепление его за ними производить один раз в полугодие установленным порядком.

Комментарии к сказанному Владимиром Михайловичем, думается, излишни.

Наше время, время демократизации и гласности, политической и социальной активности людей, настоятельно требует стряхнуть душевную лень и хандру, лицом повернуться к воспитанию молодежи на героическом прошлом. Правильно сказано, что человек живет не только сегодняшним, будущим, но и прошлым. Ведь в прошлом, в делах и свершениях своего народа он черпает силы. А прошлое — наша память. Всегда ли мы являемся зоркими часовыми у памяти? Всегда ли правильно в воспитании потомков опираемся на мощный источник прошлого, бьющий через толщу лет?

Майор В. КУДРЯШОВ.

УВВ по Западной Сибири.

ОТ ДУШИ

ИСКУССТВО ОБЪЕДИНЯЕТ

Воины этой части поддерживают шефские связи со школами и промышленными предприятиями Риги, проводят работу по военно-патриотическому воспитанию учащихся, выступают с лекциями и докладами перед трудящимися города, показывают свое искусство на сцене заводских и фабричных клубов.

На днях коллектив художественной самодеятельности фабрики «Аврора» побывал у военных друзей с ответным визитом. Первым выступил хор, которым уже несколько лет руководит Борис Гузьяев. Понравилось солдатам и выступление танцевальной группы, возглавляемой выпуск-

ницей Ленинградского хореографического училища балетмейстером Ниной Лукиной.

Но особенно большой успех выпал на долю солистки ансамбля — швеи Евдокии Еременко. Под аккомпанемент заслуженного артиста Латвийской ССР баяниста Геннадия Крылова она исполнила несколько популярных песен. Воины благодарили самодеятельный коллектив долгими горячими аплодисментами.

Шефские связи солдат внутренних войск с рабочими Латвии должны крепнуть. В этом надежное подспорье — искусство.

И. БУХТИЯРОВ.

МИНУТЫ НАД ЗОНОЙ

ХРОНИКА ОДНОГО ПОБЕГА

ПОБЕГ. Это слово в подразделениях, занятых охраной объектов ИТУ, звучит так же грозно, как пожар, наводнение, катастрофа. Потому что после него начинается для подразделения и части иная, необычная жизнь, в которой отодвигается на неопределенное время повседневное, нормальное и наступает особый период деятельности. Этот период, носящий название розыск, втягивает в себя, как смерч, все новых и новых людей, охватывает все новые и новые пространства, расширяясь до тех пор, пока бежавший не будет задержан и не последует короткая долгожданная команда «отбой».

Всякий побег неожидан, в деталях непредсказуем и зачастую непоправим по последствиям. Это время повышенной опасности для тех, кто в розыске, вдали от подразделений на постах, в заслонах и засадах, время риска и самоотверженных поступков — неизбежной дани за небдительность, расхлябанность на посту тех, кто не задержал преступников в пределах запретной зоны. Даже быстро и эффективно пресеченный побег не вызывает удовлетворения: никакой хорошей, высокопрофессиональной работой в розыске не заглаживаются этой вины. Побег всегда расценивается как провал в службе и побуждает к тщательному анализу всех обстоятельств, ему сопутствующих, к жесткой оценке деятельности воинских коллективов и конкретных должностных лиц. Цель одна: выявить слабые места в охране и выработать меры, гарантирующие надежность охраны впредь.

Каждый побег поучителен, но всегда ли извлекаются правильные уроки! Особенно сейчас, когда принят закон, утвердивший права внутренних войск, важно оценить: так ли мы строим свою работу? Попытаемся проследить это на одном из таких событий.

* * *

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. Сергей Иванов (фамилия изменена), осужденный за драку с поножовщиной, бежать не собирался: срок — четыре года — подходил к концу. И хотя с каждым днем все тяжелее давалось ожидание свободы, все больше и чаще думалось о том, что ждет его там, за этим пределом, он намеревался досидеть, как говорят, до звонка. И потому работал истово, забываясь в деле и торопя дни, отвлекаясь в работе от беспокойных дум. Но мысль о побеге, незаметная, подспудная, оказывается, жила в нем, как мечта о выигрыше в лотерею у любого, даже случайного, неазартного игрока. А в зоне были и азартные. Часами разглядывали они наблюдательные вышки, КПП, часовых, обсуждали, что было бы, если... Если, например, заснет часовой, надолго выключится ночью ток на периметре, неожидан-

но, налетит небывалый в этих местах ураган и сметет ограждение...

Сергей старался не слушать эти пустые, но пьянящие воображение байки.

— Бежать отсюда можно, — услышал он однажды, — бегали уже двое.

— Как это!

— А вот, видишь, мачта высоковольтная тут у нас в серединке зоны! Так на нее забирались, цепляли веревку за провод и по нему, как по канатной дорожке, скатывались за забор. Ночью часовой и рта не успеет раскрыть, даже если и заметит.

— Ну, теперешний зек на такое не способный. Это ж опасней, чем на забор прыгнуть. Никто не решится.

Вот это последнее «никто не решится» изменило судьбу Сергея. Озорная мысль совершить нечто такое, удивительное, потрясающее воображение, накрыла его, как девятый вал.

С того дня мысль о побеге стала неотступной. Он даже не задумывался, для чего ему побег, куда он пойдет после того, как окажется по ту сторону забора. Просто хотелось выплеснуть наконец копившуюся в нем все эти годы отсидки дерзость, совершить поступок, который будет еще долго, как легенда, ходить из уст в уста здесь, в зоне, где людей покоряет только дерзость и сила.

Попав в одну из вечерних смен, он подготовил проверенные уже крюк и веревку, дождался полуночи. В это время контролеры проводят съем с работы второй смены, все осужденные собираются на площадку перед проходным коридором, и солдаты на вышках, как он заметил, переключают внимание на эту шевелящуюся, отливающую серым в слепящем свете прожекторов толпу.

Он скользнул к мачте, легко проник за бутафорную ограду из порванных нитей колючей проволоки. Ловко вскарабкался наверх, на двадцатиметровую высоту мачты. Внизу матово блестела КСП с темными точками вышек, невидимыми часовыми, а здесь плотно давил неощутимый на земле ветер, угрожающе потрескивало тысячевольтное электричество, стекавшее по жирным проводам, косо уходившим во мрак. Было жутко предстать, как повиснешь над бездной, как заскользишь вниз и вниз, мимо запретной черты, находящейся под прицелом часового. Но пути назад уже не было для него: он решился. Набросил крюк на провод, оттолкнулся от мачты обеими ногами и скользнул вниз, в черную глущь свободы.

Его хватились тут же, на съеме. Выяснить, кого нет, контролеру достало несколько минут.

— Где Иванов! — спросил он бригадира.

— Да вот, вертелся тут, а куда делся! Спит, наверное, где-то, — развел тот руками.

Искать на объекте площадку в несколько тысяч квадратных метров, сплошь застроенном производственными зданиями,

заваленном материалами, готовой продукцией и захламленном, — дело нелегкое, требующее времени и значительных сил. Но и медлить нельзя.

Первая версия: побега нет, осужденный просто скрывается где-то на объекте. Такое случается не так уж редко, и потому каждый раз, не сбнаружив кого-то на рабочем месте, контролеры цепляются за эту соблазнительную надежду: все обойдется, осужденный куда не делся.

Но опыт, горький опыт службы, заставляет глушить эту надежду и немедленно начинать розыск.

ОРИЕНТИРОВКА. «...Из ИТК строгого режима совершил побег осужденный Иванов Сергей Васильевич, 1962 года рождения, национальность — чуваш, образование 10 классов, специальность — сварщик, холост, ранее судим дважды: в 1978 г. по статье 175, ч. II к двум годам, в 1982 г. по ст. 210 и 144 к 5 годам, в настоящее время осужден по ст. 108, ч. I на 4 года.

Приметы: рост 170 см, волосы русые, глаза голубые, лоб низкий, одет в х/б одежду черного цвета. Особые приметы: на подбородке ямка.

Возможно, имеет при себе холодное оружие. Родственные связи... При обнаружении просим сообщить по телефону...»

ДЕСЯТКИ ТАКИХ ориентировок с фотографиями анфас и в профиль разошлись уже утром, а тогда, в два часа ночи, на объект прибыл заместитель начальника штаба части майор Александр Иванович Кривогин. Молча выслушал он доклады начальников караула, войскового наряда контролеров. Получалось: побега нет — ни следов на КСП, ни срабатывания сигнализации, ни разрушений ограждения. Машины, выходявшие с объекта, как уверял командир роты, проверялись тщательно, здесь заслон надежный. Оставалось одно — осужденный прыгнул на объекте. Искать надо там. Но розыскные наряды уже были выставлены на посты и маршруты.

Первое, что спросил Кривогин: «Мачту ЛЭП проверили?» Проверили ее в первую очередь, но свежих следов не обнаружили: ни грязи, ни царапин. А старых следов много. Мачта стояла, как зноза, в центре территории. И хотя была она ограждена колючей проволокой, но, поскольку специальный пост для охраны здесь держать было нецелесообразно, всякий осужденный считал чуть ли не своим долгом нанести урон этой ограде. И поправлялась она регулярно, да все равно почти все время была неисправна.

Кривогин лично осмотрел мачту. Да что теперь увидишь, ночью, спустя время? Ничего не увидел. Опыт подсказывал офицеру, что исключать побег нельзя. Сам он не так давно командовал тут ротой, помнил и те два печальных случая, когда осужденные уходили отсюда по проводам.

ПОСЛЕ ЧП

Досадно было ему, что это ничему не научило.

С утра все силы контролеров и администрации были брошены на обыск территории.

Кривогин распорядился:

— Готовьте щупы, будем искать в земле. Не исключено и убийство. Я договорюсь с уголовным розыском, у них есть собака, специально по тропному запаху работает. Да еще попрошу сделать анализ шлака в котельной, мало ли что, с преступниками дело имеем. А что дал опрос бригады! — обратился он к сотруднику колонии.

Опрос осужденных, работавших вместе с пропавшим, ничего не прояснил: о намерениях своих Иванов ничего не говорил, всю смену был на рабочем месте, а потом куда-то делся... Старая песня.

— Ладно, будем разбираться сами, — с досадой проговорил Кривогин. Он досадовал только потому, что до сих пор индивидуальная работа с осужденными ведется из рук вон плохо, связи их «на воле» и здесь, в местах лишения свободы, как правило, не зафиксированы в личном деле. Конечно, чаще всего эти сведения и не нужны, но вот если побег — розыск оказывается слепым. Все нужно начинать с нуля, а это значит, что на установление данных тратится много времени, причем самого драгоценного. Беглец отрывается от преследования, организуемого поначалу шаблонно, по заранее установленным схемам.

Вот именно этой запоздалой, но тем более необходимой работой и собирался сейчас в первую очередь заняться Кривогин. Он здесь, на месте побега, должен был точно оценить: спрятался ли преступник на объекте, не погиб ли он в зоне, если бежал, то каким способом бежал, и дать направление, заправку всему розыску. Для этого он и должен был держать в курсе своих решений начальника штаба части, на котором замыкался весь многолюдный организм розыска.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА подполковник Вячеслав Петрович Балахнин не выходил из кабинета вторые сутки. И сколько будет длиться розыск, столько ему придется быть здесь неотрывно, накоротке приспособиваясь поспать на солдатской койке где-то под утро, когда смолкают доклады с постов и маршрутов. И пища в это время из солдатской столовой (а здоровье уже не то), и единственная роскошь — постоянно булькающий в кипятильнике крепкий «конвойный» чай.

На карте уже обозначены направления вероятного движения бежавшего. Их много, они веером расходятся от объекта во все стороны. И с каждым часом что-нибудь да прибавляется на карте: новые данные о друзьях, знакомых бежавшего сразу привлекают здесь внимание. Пока нет никакой зацепки, упускать из вида ничего нельзя — таково неписаное правило розыска.

Вячеслав Петрович не скрывает причин своей озабоченности:

— Беда еще в том, что у нас мало сил на розыск, да и автотранспорт не предусмотрен. Сейчас бы выбросил кого-то оперативно по адресу — и все проблемы. Но нет машины. Это о том говорит, что к розыску и сейчас нет серьезного отношения...

Действительно, от прошлых времен остались нам в наследство недооценка этой службы и все ее организационные и кадровые слабости. Да и как она могла развиваться, когда в руководящих документах требовали: «Не допускать побегов, исключить их вообще»? Если побегов нет, то и розыск не нужен. Эста кабинетная утопия еще долго будет мешать наладить одну из самых важных составных нашей боевой службы.

— Кто у нас розысники! — спрашивает самого себя подполковник Балахнин. — Вчерашний контролер.

Раньше хоть как-то их готовили централизованно, а теперь и этого нет. А ведь очень нужны специалисты, высокого класса мастера. Чтоб и законы знали, и районы розыска, и приемы действий в самых сложных ситуациях. А мы их без оружия в розыск отправляем. С одной стороны, перестраховались: не потеряет оружие, не «нашалит» с ним. Но ведь человек без оружия не воин. Оружие и дисциплинирует, и уверенность в своих силах дает. Это же аксиома. Но и то верно: пока оно будет в руках у непроверенных и необученных людей, спокойно спать ни один командир не сможет. Или экипировка наших розысников. Мы считаем порой, что выполнили свою задачу, если у каждого из них есть электрический фонарь. Потому-то у нас все меньше и меньше остается настоящих розысников, подготовленных так, чтобы надежно сработал в любой ситуации. Я среди своих и назвать, пожалуй, никого не назову. Вот если Насыров...

ПРАПОРЩИК НАСЫРОВ Фагим Хамзевич должен был сыграть в этой истории ключевую роль. На службе он не первый год, не первый и побег на его памяти, и каждый с приключениями. Говорят, ему везет: за последние год-два он четырежды задерживал беглецов, тогда как многим другим розысникам порой ни разу не удается встретить преступника на свободе лицом к лицу. Есть в этом поиске, сближении своя романтика, потому что всякое преодоление собственного страха и есть неперемный атрибут романтики. А страха как свойства всего живого перед опасностью на долю розысника отпускается немало, потому что в розыске, как в разведке, в любую минуту можно наткнуться на противника, столкнуться с противоборством даже посторонних лиц, не говоря уж о самих бежавших или их пособниках...

...До поселка Фагиму предстояло отмерить тридцать километров. Городского транспорта уже не было, приходилось рассчитывать лишь на полутный. То есть на удачу, поскольку не всякий частник рискнет взять на дороге двух рослых, внуши-

тельного вида молодцов: не написано у них на груди, что они без злого умысла.

На этот раз повезло, и еще засветло они были на месте. Ничего не записывал Фагим, но память у него цепкая на нужные сведения. Улицы, имена-отчества не спутал бы он и через месяц. Это как у водителя — накрепко запомнит дорогу по знакам и выбоинам. Профессиональная память, без которой в розыске делать нечего.

Отыскав нужный дом глазами, прапорщики, не останавливаясь, прошли мимо, неприметно со стороны, но цепко схватывая все детали: куда и сколько окон, где выходы, где пролом в штaketнике, есть ли собака во дворе. Пройдя в конец улицы, остановились, как бы прикуривая.

— Значит, прогуляемся к соседям напротив, понаблюдаем оттуда за домом. Переговорить бы с народом надо, — как бы подытожил Фагим.

В избе напротив ворчливая старуха не приняла подозрительных гостей: шляются тут всякие, господа помилуй. Пришлось стучаться в избу наискосок. Хуже, но все-таки не на улице торчать, раскрывая себя сразу: в поселке люди примелькались, чужие сразу настораживают. Здесь их без удовольствия, но приняли, позволили прилечь у окна с видом на «дядин» дом.

Но слово за слово, и уже предложили им чайком побаловаться и о соседях разговор поддержали. Да, живет дед с женой и внуком-шестилеткой. Дед в город уехал, жена на работе еще, а внук тут где-то гайкает. Племянника-хулигана знают, но давно не видели, слышали, что в колонии.

— Схожу-ка я покараулю внука, — сказал Фагим напарнику. — Раз бегаёт где-то, то скоро вернется, свечерело уже. Смотри внимательней, меня из виду не теряй.

И словно в воду глядел Насыров: не успел пройти в конец улицы, как ватага мальчишек выскочила из соседней избы и потекла в разные стороны.

— Кто из вас Петька! — остановил он их.

— Ну я.

— А вот ты мне и нужен для важного разговора, пошли-ка к дому. Ружье у деда есть!

— О, тулка, в два ствола, знаешь, как жахает!

— Стрелял уже сам-то!

— Не, не дает.

— А дядю Сережу давно видел!

— Нонче утром. Он спросил, где дедушка, а я не знал.

— Как же дядька-то в дом попал!

— Так дверь мы не запираем, вот и вошел.

— Запирать надо, а то еще ружье утащат. Ну ладно, беги домой, а то бабушка вернется, ругать будет.

Сведения были чрезвычайно важными. Преступник наконец-то «засветился». Для розыска это начало финала: теперь все зависело только от них самих.

Телефон в поселке пока роскошь, но для Фагима найти его не трудно: еще когда вышли из машины, он приметил здание поссовета, зашел доложить о своем деле. Там и телефон. Жаль было полчаса

на ходьбу туда и обратно, но выбора не было. А время-то самое жаркое: а ну как бежавший наблюдал за улицей и видел, с кем разговаривал племянник? Расспросит у мальчика, о чем говорили, все поймет. И скрыться может, а то и ружье в руки взять для встречи с ними.

Сообщив в часть о том, что след явный (а след ли, ведь мог Иванов на минуту зайти да и был таков?), Фагим заспешил к напарнику. Сиротливо мотались под ветром редкие, чуть бросавшие желтый свет фонари, и улица непривычно пуста. Нужно было на что-то решаться. Ждать подкрепления, рассвета? Так, конечно, надежней, рисковать кому охота. Но без риска своей службы Фагим просто не понимал... Осторожно пошли к дому.

Он постучал негромко, отойдя в сторону от проема двери: осторожная расчетливость, не лишняя в таких ситуациях, уже владела им.

— Ктой-то там! — услышал он встревоженный голос.

— Открой, хозяйка, добрые люди пришли.

Дверь полураскрылась, свет из комнаты вычертил силуэт женщины, но Фагим уже смотрел мимо нее, охватывая все, что вмещало в себя обозримое пространство. Взгляд зацепил на дальней стене покоящуюся мирно двустолвку, и напряжение Фагима разом спало: значит, удара жаканом в упор не будет.

В доме беглеца не было. Не было даже признаков, что он тут побывал.

— А на чердаке что у вас!

— Да сенник там, корову же держим. Тут и лесенка есть, только зачем бы Сережке там быть!

— Ну, посмотрим на всякий случай.

Внутри сумеречного чердачного помещения пряно пахло разнотравьем, настроженная тишина делала пространство еще непроницаемей. Глаза постепенно привыкли к темноте, впереди стал различимым и белесоватый столб аккуратно выбеленной печной трубы. И рядом — темное пятно. Фагим включил свет фонаря. У трубы застыл человек.

— А, Иванов! — медленно придвигался к нему Фагим. — Нашелся наконец.

— Я, начальник, — нерешительно отвечал бежавший, не трогаясь с места.

— Ну хорошо, что ты, — как бы заговаривал его Фагим как можно более спокойным голосом, непрерывно и осторожно подвигаясь к нему, нагнувшись вперед и вытянув напряженную левую руку: в такой позе его ножом не достать. Но преступник, кажется, не пытался сопротивляться.

— Оружие есть! — все так же спокойно, замедленно спросил Фагим, крепко схватив его за куртку.

— В кармане правом финка... — обреченно и вяло проговорил беглец.

— Ну теперь давай, спускайся, все нормально, — сказал ему Фагим, выхватив нож из кармана преступника. Тот покорно побрел к пестнице, где его уже ждали.

Розыск закончился. Проблемы остались.

В. ЛОСЕВ.

В ЧЕСТИ ЛИ

НЫНЧЕ ЧЕСТЬ

■ Когда деловые качества идут вразрез с моральными ■ Социальное равнодушие: откуда оно у нас! ■ О признаках дефицита нравственности ■ Командир приглашает... на бал. А почему бы и нет! ■ Нам нужны уроки этики.

1.

ЛЕЙТЕНАНТ Сергей Самсонов был из тех, о ком говорят: неординарная личность. Прославится или ославится молодой офицер, гадать было трудно, такие уж непредсказуемые поступки совершал он. За год службы сделал отличным взвод, считавшийся до этого вечным середнячком. Прямо-таки влюбил в себя большинство подчиненных предельной своей честностью, тем, что никогда не заигрывал ни с ними, ни с начальством, умел отстаивать свои позиции. Прилюдно называл подлецом офицера роты, старшего лейтенанта, за то, что тот скверно отозвался об одной из военнослужащих женщин. Не удержавшись, толкнул в грудь солдата-старослужащего из соседнего взвода, регулярно измывавшегося над сослуживцами. Действие это оценил сам и в ту же ночь — не спал до утра — написал рапорт на имя командира части: не имею, мол, больше морального права работать с людьми, называть себя офицером, прошу ходатайствовать о моем увольнении...

«Брось в благородство играть, рыцарь самозванный, — так начал беседу с ним командир, уже пожилой, прошедший огромную школу службы полковник. — Солдат отрицает факт, что ты его толкнул, зачем же волны из-за чепухи поднимать? И потом, все мы ведь не безгрешны, обстоятельства грешить заставляют. Все понял? Что скажешь?»

«Скажу, что не надо мне тыкать, товарищ полковник, я не мальчишка, а офицер!»

«Ладно, — без злобы отметил полковник. — Прослужишь — оботрешься, обломаетесь...»

Года через три тот же командир части в беседе с журналистом опять упомянул фамилию Самсонова: чудиком, мол, был, ничего не стоило ему, к примеру, зайти в кабинет к комбату, майору, высказать тому, что нехорошо материться на солдата, что это — отсутствие культуры...

— Помучились мы с лейтенантом, что и говорить. Но своего добились: сейчас он как шелковый.

«Шелковый» Самсонов здорово изменился за три года, прошедших с первой нашей встречи. Жизнерадостность его исчезла, стал более замкнут, слова из него «вытаскивать» приходилось. На вопрос, как жизнь, ответил коротко: «Нормально, как у большинства. Учусь лямку тянуть». И даже не улыбнулся при этом.

Поспешные выводы делать легче всего. Вот, мол, какие плохие командиры, сломили неординарную личность, разрушили в человеке его высокие понятия об этике и чести офицера... Но кто конкретно плохой? Командир части? Так он горой стоит за каждого из своих подчиненных, он в городе, где трудно с жильем, всем офицерам и прапорщикам квартиры выбил, он телефоны обрывает, чтоб их жен трудоустроить, он немало седин заработал, чтобы даже самое отдаленное караульное помещение было и просторным, и теплым... А думаете, комбат нечуток к людям? Да нет же! Все в части помнят недавний случай. Из отдаленной роты среди ночи жена прапорщика дежурному по части позвонила: муж в командировке, а тут ребенок заболел, и серьезно, а больницы в поселке нет. Говорит, а сама плачет, растерялась, не знает, что делать. Узнал об этом комбат, поднял, уже из постели, врача-педиатра из городской поликлиники, сел на свои «Жигули» и по проселочной болотистой дороге выжимал из машины шестьдесят четыре километра все, на что та была способна...

Молодой лейтенант, влившись в воинский коллектив, за относительно короткое время стирает со своей генной памяти книжно-благородный образ офицера, теряет рыцарские задатки, а мы говорим: произошло это не по вине командиров, так как они — люди заботливые и душевные. Будто только душевностью и заботой прививается и поддерживается понятие офицерской чести. Будто отеческая забота ко-

мандира как само собой разумеющееся позволяет ему тыкать подчиненным, не стесняясь даже присутствия женщин, употреблять «солёные» слова, быть, мягко говоря, не на высоте в вопросах этики.

Но это беда не материала, это, как мне кажется, отражение ситуации, складывающейся там, где слово «честь» мы отрываем от таких понятий, как культура, нравственность, где деловые качества человека уже автоматически ассоциируются с качествами моральными, хотя...

Тут так и хочется рассказать об истории, случившейся в передовой части с ефрейтором Геннадием Тюриным, но пока временно и приглашаю читателя согласиться или поискать изъяны в следующих рассуждениях.

2.

НАЧЕМ издавека, с фольклора. Кто, к примеру, герой большинства русских былин? Богатырь, человек, стоящий на защите города, земли своей, всего Отечества. Так уж сложилось, что испокон веков требовалось умелое обращение наше не только с оралом, но и мечом: не потому, естественно, что мы нация такая воинственная, а потому, что было много алчущих наших богатств. Подчеркиваю это затем, чтобы показать: ратники дрались за праведное, за справедливое дело, и именно это обстоятельство обогащало их такими качествами, как патриотизм, готовность отдать жизнь за Родину. И высокий их военный профессионализм шел от этого же: никто, кроме меня, не защитит мою землю, а потому... Словом, исход сражений решает, как писал чешский поэт И. Делал, «не сила рук, а благородство цели».

Частые войны поставили ратника как бы в центр внимания общества, он становится эталоном, образцом человека. Шлифуются его моральные устои, растет его культура, стремление к самосовершенствованию. И естественным было то, что офицеры становились ведущими композиторами, поэтами, прозаиками своего времени, что они вполне профессионально судили о делах большой политики и театральных нсвостях... Не спешите иронически улыбаться и сразу же наделять отрицательным зарядом моду на «свадебного генерала». Почему это в далекие годы престижным считалось? Да потому, что почетный гость и занимательный разговор мог повести, и был образцом в обхождении с окружающими, примером для подражания. Разве это плохо?

Скажете, что высокие понятия о чести и достоинстве были прерогативой дворянства, класса, к которому в основном и принадлежало офицерство? Но ведь так же, как и сегодня, офицеры жили не в кельях

— они общались с солдатами и, следовательно, поднимали этим, если можно так сказать, всенародную нравственность.

Вплоть до указа Екатерины «О вольности дворянской», изданного в 1762 году, военная служба была неотъемлемой частью жизни дворянства — ей они должны были отдать 25 лет. Это означает, что мысли и дела их были подчинены военному делу. Вышеупомянутый указ послужил началом кризиса военно-служилого класса: дворяне отныне были освобождены от обязательной военной службы. Это означало, что служить теперь будут не за страх, а по велению души, так сказать. Но это же означало еще и то, что погоня теперь можно было носить не только по призыванию, а и по прихоти. Армия для некоторой части офицерства стала местом времяпровождения, возможностью покрасоваться на балах в золотых эполетах и ладной форме.

Росла одаренность первых и бездарность вторых. За победами 1812 года пришла проигранная крымская кампания. Высокая нравственность как неотъемлемое качество офицера стала терять приоритет. С середины прошлого века престиж военного человека падает. Народ увидел, что офицерство и разгулу предается, и к слову «честь» относится уже не так ответственно. Естественна реакция общества: в народе об армии рождается фольклор другого рода: едкие анекдоты. И литература на жизнь военных откликнулась так, как последние того и заслуживали (сказки Салтыкова-Щедрина, «Поединок» Куприна, армейские трактаты Козьмы Пруtkова...)

3.

А ТЕПЕРЬ перейдем к литературе современной. И что увидим? Проследивается прямо-таки система нападков на армию, и порой в таких тонах, которые уважительными при всем желании назвать нельзя. Наш журнал неоднократно обращался к этой теме и примеров вышесказанному приводил достаточно, так как за ними далеко ходить не надо. Вот хоть пресса, как говорится, сегодняшнего дня. О солдате Иване Чонкине читали? (Юность, 1988, № 12; 1989, № 1 и 2). О том, как генералы походя приказывают своих солдат, красноармейцев, расстреливать ни за что ни про что? Такие вот анекдотики нынче в ходу.

Что произошло, одна ли вина литераторов в том, что на военного человека перестали смотреть как на образец поведения, как на носителя культуры? Что подростки не грезят нынче стать военными? Что невесты наших лейтенантов обосновывают свой выбор не моральными качествами будущих мужей, не их статью и безбедностью, а верой в завтрашнюю безбедную жизнь?

Почему?

В феврале 1918 года мы создавали Кра-

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

скую Армию на фундаменте высшей духовности: она — из народа, служит народу, олицетворяет все лучшее, что есть в народе, она должна быть сознательной! В горниле войны не просто было заботиться о повышении интеллектуальной культуры командира, солдата, хотя сама повседневная жизнь военных уже тогда базировалась не на муштре, а на осознании необходимости самодисциплины. Едва умолкла канонада гражданской, в «Единой военной доктрине и Красной Армии» (июль 1921 г.) М. Фрунзе пишет: «Мы имеем полную возможность строить единство армии не путем палочной дисциплины, а путем максимального умственного развития красноармейцев. В то время как всякое буржуазное государство должно опасаться приобщения к знаниям и развития духовной деятельности... для нас это самое развитие является вернейшим залогом победных достижений. Применительно к этому требованию должен быть приспособлен весь аппарат нашего обучения одиночного бойца».

Такого же мнения придерживается генерал старой военной школы, участник брусиловского прорыва А. Снесарев. Он один из первых военспецов, откликнувшихся на предложение принять участие в создании Красной Армии, организатор обороны Царицына, с августа 1919-го — начальник Академии Генерального штаба... На современном боевом поле, пишет он в очерке «Огневая тактика», можно, конечно, поднять воина в атаку угрозой смерти, но это — паллиатив; надо действовать через сознание, через нравственность...

Не стало Фрунзе. Снесарев, о котором мы, к сожалению, так мало знаем, был репрессирован и умер в лагере (причиной ареста послужила, скорее всего, взаимная неприязнь профессионала-военного и Сталина, особо обострившаяся при обороне Царицына). Погибли Тухачевский, Блюхер, Артузов — представители школы, которая обещала вырастить нашим Вооруженным Силам яркие личности, смелых стратегов. Хороши были учителя, понимавшие, что армия времен гражданской войны, времен, так сказать, народных героев обязательно должна перерасти в более качественное состояние: стать не только исполняющей, но и думающей.

Сталин, узурпировавший власть в государстве, стремился стать полновластным хозяином, а для этого надо было, как в старину говаривали, от братьев отделиться и ключи от амбаров в своем кулаке держать. Партийцы ленинской гвардии и крестьянство как экономически состоятельный класс — вот что мешало генсеку. Стратегия борьбы с ними была выработана: это дискредитация первых и отлучение от чувства хозяина вторых. Оба эти шага были не только политические и экономические: они были направлены против творческих основ общества. Страна лишалась интеллигенции как общественной силы и того нравственного заряда, без которого каждый из нас переставал быть личностью. Потому-то из

армии был «вынут» интеллектуальный мозг, а путь «максимального умственного развития красноармейцев» приветствовался на бумаге, но был подменен лозунгом: идеал есть жизнь и деяния начальника. Что же тут говорить о нравственном идеале?

Пора заканчивать экскурс в историю. Добавлю одно лишь. Отношение общества к армии изменилось все-таки, как ни горько это признавать, не слепо. Увы, возникают поводы для того, чтоб матери боялись за сыновей, уходящих служить, чтоб молодые люди, прошедшие армию, остались нищими духовно... Есть такое, есть. Живучее наследство трагедии конца тридцатых годов.

4.

МЫ НЕМАЛО сейчас пишем о «громких» делах. Гибель людей в карауле, равнодушные большие чинов при приеме молодого пополнения, тоже закончившееся трагедией, прямо-таки хулиганские действия офицера... Но это — пики болезни. Сама же она протекает вроде бы незаметно, и симптомы ее хоть и на виду у всех, но опять-таки вроде бы и не заслуживают внимания.

Теперь — обещанный рассказ о ефрейторе Геннадии Тюрине. Находясь с сослуживцем в городе, он спас жизнь нескольким прохожим. Шел вдоль оживленной трассы, издали увидел мчавшуюся на большой скорости легковую автомашину. Ближайший перекресток та проскочила на красный свет и приблизилась к пешеходному переходу. Но еще раньше она неминуемо должна была сбить старичка, вышедшего на проезжую часть возле автобусной остановки. Сослуживец Тюрина сумел буквально из-под колес выхватить старого человека, вместе с ним упал на дорогу. А Геннадий прыгнул на капот машины, выбил ногами лобовое стекло и так же, ногами, крутнул в сторону рулевое колесо. Машина с пьяным угонщиком за баранкой (это выяснилось позже) врезалась в дерево, росшее на газоне, считанные метры не доехав до перехода... Тюрин слетел с капота в кусты, они смягчили его падение, спасли ему жизнь, и в госпиталь он попал с легкими телесными повреждениями.

Солдат совершил подвиг. Но о подвиге этом журналист узнал не от командиров, а... от горожан, тех, кого спас храбрец. В части же настоятельно рекомендовали пока не писать о случившемся. Отличная часть сдавала инспекторскую проверку, наехало много проверяющих... А Тюрин с товарищами оказались на городских улицах не по делам службы, не в увольнении, а по личной просьбе одного из офицеров. Как поведут себя проверяющие? Могут ведь сказать, что офицер злоупотребил служебным положением, что дисциплина в коллективе слаба, спросить, почему солдаты вышли за пределы городка без увольнительных записок. Потом, у старичка от падения все же обнаружилось сотрясение мозга, а те люди, что были на переходе, вдруг бы да и не попали под колеса...

Солдатам, узнавшим о происшествии, рекомендовалось молчать.

Часть стала отличной. Высшие оценки поставили ей по служебно-боевой деятельности, по огневой подготовке, по политической, особо отметив при этом высокий моральный дух и хороший настрой воинов, их честное отношение к долгу.

Знаете, что самое страшное в этой истории? Что многие страшной ее и не считают, что мало кто видит, насколько она безнравственна. Трупов нет, пьянки нет, драки нет — это главное, а все остальное — тактика, направленная на достижение цели: получить отличную оценку.

От конца тридцатых до середины восьмидесятых мы стали... социально равнодушной, что ли? И во многом — из-за той самой тактики, упомянутой выше. Всерьез заботились о планах и уже потом — о человеке. Как будто не социализм нужен был для человека, а человек — для социализма. Как будто главное, что нам нужно было — плавить сталь и осваивать целину, а потом уже формировать мировоззрение гражданина, думать о нем как о личности... Впрочем, об этом часто даже в думах не доходило. Хлопотное дело, а экономика от него здоровей не будет...

Давайте вспомним Шукшина, его рассказы, героями многих из которых были чудики. Чудики — в глазах большинства. Потому что идеалисты, правдоискатели, борцы за свою идею, потому что усложняли сами себе свою жизнь, хотя могли существовать тихонечко и спокойно. И недоумевало это большинство над одним вопросом: зачем высовываться? Про себя недоумевало. А вслух говорило об активной жизненной позиции, о высоком долге и чести...

А что такое честь, как не уважение собственного достоинства, как не проявление этических принципов личности, как не возведение в высший ранг понятий «порядочность», «совесть»? Так вот, в чудики стали зачислять тех, кто имел честь и сражался за то, чтоб вернуть этому слову истинное понятие. Как же нелегко живется таким, и все потому, что практически они мало у кого находят поддержку. Ну разве, скажите, поддержат их те, против кого чудики выступают? Те, для кого застойная тишина и есть синоним благополучия? Те, кто не совершит поступок, не просчитав заранее, что он принесет лично ему? Те, кто уже плохое считает за норму?

Лейтенант Самсонов сломался именно потому, что не нашел поддержки. Нормой жизни стали в этом коллективе и грубые окрики, и матерный командирский язык, и тыканье начальства...

Да только ли в нем?

И пока это будет нормой, вряд ли можно добиться значительных успехов в воспитательной работе подчиненных, в привитии им такого качества, как самосознание. Оно ведь не таблица умножения, голой зубрежкой формулировок тут ничего не достигнешь. «Командиры хамят, унижают прилюдно друг друга, за формой одежды не следят? Значит, и нам можно!»

5.

П РИЗНАКИ дефицита нравственности проявляются не только в явно неуважительном отношении начальства к подчиненным. Бывают истории и такие, какая произошла со старшим лейтенантом Калаевым. Став командиром роты, этот офицер проявил, мягко сказать, нечистоплотность. Интересно было понять причины морального падения человека: как это так вдруг он, человек обеспеченный, не обойденный должностями, позарился на нечестный приработок, который предложили ему подчиненные взамен на его молчание об их сделке с осужденными?

А причины, оказывается, лежали на поверхности, и можно было бы удивляться другому: если бы, предположим, офицер Калаев не совершил проступка. Было ведь все сделано для того, чтоб Калаев никогда не понял, что есть честь, ответственность.

Начинал он неплохо, на первом году службы хорошо проявил себя в должности командира взвода и был назначен заместителем командира роты по политической части. И здесь — первый прокол: попытка приукрасить действительность, скрыть проступок подчиненного. В его адрес пишутся честные, суровые слова в аттестации: нечестен, с подчиненными работает слабо, не заботится об их быте... Но буквально через несколько месяцев от этих недостатков не остается ничего, если судить по новой записи: по служебной характеристике (она нужна была для того, чтобы Калаеву присвоили очередное воинское звание). Тут он и честен, и о быте солдат заботится...

Все становится на свои места в следующей аттестации, где указывается низкий методический уровень проведения занятий этим офицером, его самоустранение от нужд солдатского коллектива. И что же? Опять-таки в скором времени Калаева рекомендуют на должность командира роты, пишут о нем блестящие строчки, напрочь «забыв» все недостатки. Пишут политработники офицеры В. Соловьев, А. Лапенков, командиры А. Гаджиев, М. Шепилов... И Калаев, уверовав в свою звезду, в свою безнаказанность, берет коньяк от родителей воина (чтоб последнему легче служилось), нарушив распоряжение комбата, пускает в увольнение солдата, допустившего менее месяца назад пьянку (и тот устраивает драку в ресторане), не став на котловое довольствие, долгое время питается за счет солдатского пайка. И уже как финал — случай, о котором рассказано выше. Знали нечистоплотные солдаты, к кому им обратиться за такой же нечистоплотной помощью...

6.

К ОМАНДИР части за нарушение формы одежды заставляет своего подчиненного, прапорщика, разуться и идти через плац босиком.

Командир батальона, узнав, что солдаты недовольны тем, что им опять, четвертый раз за четыре месяца, будут

показывать один и тот же, и далеко не лучший, фильм, дает пояснение: «Кино для того показывают, что за вами в зале следить легче, в самоволку отсюда не сбежите. А кому фильм не нравится, тому субботники: устроим, лопаты найдутся».

Командир роты ломает гитары, купленные солдатами: служить, мол, пришли, а не струны дергать...

Это все один ряд: Самсонов, Калаев, Тюрин, вышеприведенные строки из писем в редакцию и впечатления от встреч в командировках. Это все — о чести, о достоинстве офицера, о нравственных его началах. Насколько типичны такие факты — судить читателю. Может быть, по его мнению, и не типичны. Но — есть. А так хотелось бы, чтобы такие факты вообще не встречались.

Хотеть, как модно нынче говорить, не вредно. Но что надо конкретно делать для того, чтобы оправдывать не только звание военнослужащих, но и интеллигентов, людей, богатых духовно, знакомых со словом «нравственность» не лишь по толковому словарю? Наказывать командиров, заставляющих подчиненных по плацу босиком ходить? Издавать приказы, что надо особо заботиться о молодом пополнении в условиях азиатской жары? Но ведь и в морозную Сибирь солдаты служить едут... Я это к тому, что, как бы оперативно ни реагируют мы на разного рода происшествия, такими вот «ударами по хвостам» многого не добьемся. Приказами «максимального умственного развития» не поводишь, для этой цели, опять беру из Фрунзе, должен быть приспособлен весь аппарат нашего обучения одиночного бойца. То есть командир любого ранга должен быть прежде всего воспитателем, носителем знаний, культуры. Навыки поведения военнослужащему прививаются прежде всего средой, в которой он находится. Как сделать, чтобы эта среда была здоровой, воспроизводила такую же здоровую атмосферу — вот первостепенная задача каждого. Мы же чаще всего ратуем на словах за комплексный подход к воспитанию, а на деле проявляем интерес лишь к побеговым ситуациям да к умению роты хорошо отстреляться. Если с этим нормально да громкой пьянки или драки не случилось, то отличная оценка по политзанятиям коллективу гарантирована.

При чем здесь политзанятия? Да при том, выходит, что они вроде как основное время для «уроков нравственности». Ни до, ни после занятий на эту тему времени не остается. Хорошо бы, если бы хоть занятия-то сами назначению своему отвечали, а то ведь и они сводятся часто лишь к перечислению девизов да заучиванию цитат.

(Был недавно в одной из частей на партийном собрании, посвященном итогам политической учебы за год. Выступающие жарко спорили о том, надо ли проводить конкурс конспектов, сетовали на плохую техническую вооруженность руководителей групп политзанятий, дискутировали, чего в программе обучения должно быть больше:

работ классиков или материалов по текущим событиям... А в это время в бытовской комнате одной из рот двое молодых солдат гладили «старичкам» форму для горьковского увольнения. А в другой дежурный по роте сержант тыкал дневального свободной смены лицом в грязную тряпку за то, что тот плохо вымыл туалетную комнату.

Здесь можно, конечно, назвать конкретных «героев», их командиров, но разве подобная история не характерна, не типична для многих других частей? Дело ведь не в том, что вот сейчас укажем виновных, чуть позже накажем их... Опять ведь по хвостам бить будем.

Какова реальная отдача от занятий — вот бы о чем надо говорить, вот в чем проблему видеть. А на собрании, как итог, звучало: «Чтобы получать отличные оценки, надо...»)

Мы уже поняли: нельзя построить материально-техническую базу нового общества старыми средствами, с людьми, которые лишены задатков строителя этого самого будущего. Вроде бы понимаем и то, что даже отличный стрелок и отличный гимнаст не сможет выполнять задачи боевой службы, если он нравственно ущербен. Вроде бы понимаем, что двумя годами службы жизнь солдата не заканчивается, что он вернется от нас в рабочий коллектив, на студенческую скамью, и обществу не все равно, каким он вернется. Вроде бы...

Но виним и литераторов, и ПТУ, и родителей в том, что вот, дескать, по их вине приходится к нам инфантильная молодежь, привносится «стариковщина», растет количество неуставных взаимоотношений.

Наверное, чужая вина в этом есть. Наверняка даже есть. Но давайте и в своей признаемся.

7.

НАМ НУЖНЫ лейтенанты Самсоновы. Не только для того, чтоб взводы пятерки получали. Нужны для того, чтоб солдат видел идеал в командире, чтобы велся бой с прошлостью, чтобы слова «офицерская честь» опять были в цене. Честь — категория этическая, выражает она сложившиеся взгляды на гражданское, личное достоинство, на нравственную ответственность за совершаемые поступки. Честь — это наша духовность, наша культура.

С культуры и надо начинать. С культуры воспитателей, командиров.

Не так давно в ходу у нас были такие словосочетания, как культура боевой службы, культура воинского быта, культура поведения, культура досуга... Фразы сами по себе громкие и вроде грамматически верные, они вроде как указывают на слабые стороны общей культуры. Но это не так. Если мы говорим о культуре как о состоянии нашей духовности, нашей совести, то все определения, дополнения тут лишние.

В дальнем лесном гарнизоне я беседовал с лейтенантом М. Кашириным. Глядя, как сын вместе со своими сверстниками

играет у дома в бесконвойных и солдат, он рассказывал о только что прошедших сборах командиров взводов. В общем-то, ничего нового там не услышал, так что знаний, полученных в стенах училища, не пополнил. Была ли возможность походить по областному центру? Была, пять минут, когда шел от вокзала до части. Каким хочет видеть день завтрашний? Жена к глуши никак не привыкнет, плачет, глядя, как сын, сложив руки за спиной, под «конвоем» по песочнице вышагивает... «Я это к тому, что разрядка нужна. Куда угодно готов поехать, лишь бы что-то поменятьось».

Основные тяготы нашей жизни складываются не из сложных ратных дел, не из бессонных ночей — к этому и лейтенант Каширин, и многие его сверстники были готсвы, когда выбирали профессию, — а из бытового дискомфорта, из, если хотите, вакуума культуры, ограниченности общения. Можно, конечно, ходить в гости к сослуживцам, дружить семьями. Но офицеров в отдельной роте раз-два и обчелся, так что настоящего друга, советчика найти непросто: психологическая несовместимость — вещь серьезная. Даже космонавты, люди подготовленные, и те порой в полете общего языка друг с другом не находят...

И тут мы с лейтенантом Кашириным занялись несерьезным делом: начали мечтать. Не всем в городах служить, это ясно и понятно, но что нужно сделать, чтоб и в глубинке уклад жизни офицера изменить?

Говорили, естественно, только о том, что «лежит на поверхности».

Было бы просто здорово, если бы вместо вчерашних сборов в части устроили... офицерский бал. Вот так бы вызвали всех в парадной форме, с женами, иллюминировали бы фойе клуба, пригласили бы девчонок с химзавода — в части немало холостых лейтенантов. И открыл бы бал командир части с женой...

Конечно же, у нас с Кашириным найдется оппонент, который скажет примерно так: виданное ли дело сборы танцуйками заменять? Но ведь в данном случае речь о плохих сборах идет: ничего они не дали Каширину. А бал бы дал? «Лара у меня впечатлительная, год бы о нем вспоминала, к новому готовилась. И потом — новые знакомства, общение в ином ключе... И пусть бы солдаты видели, как мы отдыхать умеем, улыбаться...» Нет, не вместо сборов балы нужны, а наряду с ними. Без трибун, без докладов, без лекций о пользе досуга — просто музыка, шахматы, беседы за столиками. Вот где и женсовету, и совету прапорщиков фантазию свою проявить!

А еще каждому отдельно дислоцированному подразделению нужен свой день в году: по примеру того, как сейчас в больших городах дни районов отмечают. И будет это праздник не только роты, но и всего этого поселка (в данном случае того, где служит Каширин). Представители из части приедут, совет клуба что-то приготовит, ротные артисты прямо на улице для

всех концерт дадут, ребятишки мультики посмотрят, настоящий БТР потрогают, с солдатами пофотографируются. Кстати, в этот день пусть приезжают в роту гости — те, кто здесь служил...

В системе марксистско-ленинской подготовки обязательно нужны темы, не просто касающиеся, а посвященные вопросам культуры, этики, нравственности. Темноватые мы люди в этих вопросах (имеется в виду — мы с Кашириным), темноватые. О кооператорах знаем сейчас много, а что имел в виду Ленин, говоря, что нам нужны культурные кооператоры — тут плечами подергиваем. И о его программе культурной революции тоже сразу, без подготовки, разговор поведсти не можем. О чем Ленин тут с Луначарским спорил? Какое развитие получили мысли Ленина на современном этапе? Что такое «комчанство»?..

А почему бы пропагандистам не готовить материалы об истории военного искусства, о воинских ритуалах?

Денис Давыдов писал когда-то о Суворове: «Он... положил руку на сердце русского солдата и изучил его бытие. Он удесятерил пользу, приносимую повиновением, сочетав его в душе нашего солдата с чувством воинской гордости». А мы не знаем о педагогике Суворова, других славных военачальников (будто она — не опыт, который нам нужен). И может быть, это одна из причин того, что командиры подчиненных на плацу разубавают?

Надо пропагандистов «переквалифицировать» в публицистов. При назначении на эту должность хорошо бы смотреть не на то, какие ступени офицер прошел до этого, а умеет ли он закигательно говорить и творчески мыслить. Упрятыть от его глаз подальше старые разработки, методики, поставить его лицом к лицу с офицерами и личным составом: говори на злобу дня, расшевели каждого слушающего тебя...

* * *

Скажи сто раз «халва» — во рту слаще не станет.

Сетований о недостаточности высокой нашей культуре и о бедах, которые идут от этого, раздается достаточно. Пора от них переходить к конкретным предложениям и делам. Не ждать, что начальство из Москвы скажет, не быть «бессловесными низами», а сражаться за то, чтоб не дремали ни наш интеллект, ни наша совесть.

Кое-что по этому поводу мы с лейтенантом Кашириным предложили. А что в порядке полемики выскажете вы!

Капитан И. КОЗЛОВ.

ЧЕМПИОНЫ
С ЭМБЛЕМОЙ
«ДИНАМО»

**В
Р
А
Т
А
Р
Ь**

**НА ВСЕ
ВРЕМЕНА**

МОЙ ЯШИН

«ЕСТЬ УПОЕНИЕ в бою...», «Эй, вратарь, готовься к бою... Ты представь, что за тобою полоса пограничная идет». Чем не поэзия настоящий, азартный, бескомпромиссный футбольный поединок?!

*«Динамо», как священная гора,
Уже курилось. Приближалось дело.
Милиция едва ли не с утра
В скрипучих седлах намертво сидела.
Я плыл внутри качавшихся лавин,
В их центре, величавом и суровом.
Звучали, как Качалов и Москвин,
Здесь имена Федотова с Бобровым.*

Теперь попробуйте скажите, чем не высокое, смелое искусство — классная «игра в мяч»?! «Всегда меня манил футбол, восхищали смелые прыжки вратарей, их «ныряние» за мячом, прямо под бутсы игроков», — сказал недавно, будучи впервые в Москве, любимец публики и женщин Жан-Поль Бельмондо. А про футбол на «Динамо» — это поэт-фронтоник Константин Ваншенкин.

Ну да хватит для начала цитат. Тем более, что и Бельмондо, и Ваншенкина я узнал гораздо позже Льва Яшина. Явление «мой Яшин» появилось лет, пожалуй, в семь-восемь.

Я просил маму пришить мне на черную футболку единицу. И настойчиво подказывал, чтобы она была побольше да с перекладной внизу — «как у Яшина».

Занимал не слишком престижное место в воротах (самых настоящих, выкрашенных зеленой краской, через которые во двор въезжали машины), пару раз, отбивая мяч, высаживал окно собственной квартиры (может, это и устраивало обе команды), летал, ссаживая колени, на асфальт... И даже когда после пропущенного гола слышал в свой адрес: «Тоже мне «Яшин» — никак не хотел улавливать иронию...

Вратарская моя карьера продлилась не слишком долго — «школьные годы чудесные». Зато Яшин навсегда стал моим кумиром. Сначала сердцем, потом умом я почувствовал-понял, что это наша национальная гордость, что это непререкаемый авторитет и ярчайшая личность в мировом спорте.

Имя Яшина звучало как заклинание. Телевизоры были еще далеко не у всех, а команды высшей лиги в наш курортный городок на Кавминводах, если и заезжали, то лишь на отдых. Яшина знали по кадрам кинохроники, по взволнованным репортажам В. Снявского и Н. Озерова, по газетным и журнальным публикациям. С тех пор сохранились альбом с вырезками, подшивки «Футбола» и «Спортивных игр», календари-справочники. А еще завел я давным-давно синенький блокнотик с буквой «Д» на обложке — сюда записывал все звучные эпитеты, отзывы, характерис-

тики «черного спрута», «человека-стены», «волшебной руки, одетой в перчатку», — моего Яшина.

Когда переехали в Баку, жизнь моя футбольная заметно оживилась: здесь двор был побольше, здесь появился у нас «телик», но, самое главное,—в Баку приезжали все без исключения классные команды, чтобы сразиться с местным «Нефтяником».

Вид из наших окон всякого гостя приводил в восторг: бухта, которую М. Горький сравнивал с неаполитанской, мириады огней, легендарная Девичья башня в старой крепости... А в один из пронзительно синих летних вечеров увидел я вдаль какое-то зарево: небо чем-то подсвечивалось. Сосед сказал, что это зажгли электрическое освещение на стадионе имени В. И. Ленина. Это был мой первый большой стадион, стадион, на котором увидел Яшина воочию, в воротах.

Бакинские болельщики едва ли уступят в темпераменте итальянским тиффози — случилось, и на поле они выбегали, чтобы обнять своего любимца, и газетные факелы зажигали в честь забитого «Нефтяником» гола. Когда объявляли составы команд, могли и освистать кого-нибудь из неудачников прошлого тура. Но когда называли фамилию Яшина, все от души били в ладоши и прицокивали языком, повторяя эхом: «Яшин-э! Яшин!».

Был в нашем городе кинотэатр непрерывного сеанса. Фильм, мальчишки, ликовали, если там шли фильмы о спорте, например, о Токийской Олимпиаде,—за двадцать копеек смотри хоть с утра до вечера. Когда узнал, что идет фильм «В воротах Лев Яшин», помчался в «Хронику». Каждый вечер после уроков я просиживал в зале, чтобы в третий, в десятый, в двадцатый раз увидеть своего кумира. В двадцатый раз, как и в первый, екало у меня сердце, когда он в прыжке брал «мертвый» мяч. Снова и снова поражался я бесконечным, до седьмого пота, его тренировкам. Опять и опять неутешно сокрушался, что у него две дочери, а вот сына — ни одного, и некому будет продолжать вратарскую династию.

Как-то в зимние каникулы приехали мы в Москву. Экскурсии, как полагается, — на ВДНХ, в Кремль, в музей. Впервые увидели настоящий хоккей. А однажды, собравшись с духом, я отправился в гости... к Яшину. Мне кажется, что кое-кто из одноклассников до сих пор не может поверить в ту мою неслыханную дерзость.

Но тем январским морозным вечером я действительно подходил — стук сердца громче шагов — к заветной двери. Звоню.

— Тебе кого?
— Вас, Лев Иванович, — лепечу, не зная, что говорить дальше.

— Ну вот он я,—Яшин разводит большими руками, как бы говоря—такой же, как все. Узнав, что я из Баку, оживился: — Хороший город, там у меня много друзей. И у нас в «Динамо» играли бакинцы—Алекпер Мамедов, Юрий Кузнецов. А

Миг триумфа. Стогтысячные «Лужники» приветствуют лучшего футболиста Европы 1963 года. «Золотой мяч» вручил Яшину главный редактор «Франс Футбола» Макс Юрбини.

* * *

А это труд — рискованный, тяжелый и вдохновенный — матч за матч, год за годом. На этот раз в Рио-де-Жанейро сошлись король форвардов Пеле и король вратарей Яшин. Жаркой была схватка. Боевая ничья — 2:2.

«Нефтяник»-то ваш уже и до «бронзы» поднялся!

И тут во мне заговорил болельщик московского «Динамо» — раздосадованный, а потому взволнованный и резкий:

— «Нефтяник»-то поднялся, а что же вы сплеховали! Я ведь, хоть живу в Баку, болею-то всю жизнь за «Динамо».

— Всю жизнь, говоришь, — Яшин улыбнулся, — тогда болельщик ты серьезный. Да, плохо в последнее время играли мы. Могу доложить — выводы делаем самые серьезные. Да и тренер у нас теперь новый — Константин Бесков.

И пошел у нас разговор. Потом Яшин спохватился:

— Ты извини, дружок, мне страшно как некогда — к экзаменам готовлюсь (он учился тогда в Высшей партийной школе). Ты уж тут посмотри сам мой музейчик, — обвел он взглядом комнату, — ладно?

В домашнем музее Вратаря № 1 были годы — 1956, 1960, 1966... Там были страны и стадионы — Англия и Уругвай, «Маракана» и «Парк де Пренс». Там были великие имена, в чьем ряду стояло и его имя, — Пеле, Эйсебио, Чарльтон, Шнеллингер...

Но мне теперь и этого было мало, глаза мои разгорелись, я вспомнил, чего еще недостает. Спрашиваю Яшина:

— А где же «Золотой мяч» и бронзовая медаль лондонского чемпионата?

— В музей спорта отдал, в Лужниках который.

Я чуть было не спросил: «Зачем же, «Золотой мяч»-то лично вам, одному». Вовремя одумался. Та награда была всему нашему футболу, вырастившему первого вратаря планеты Земля.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА СОВЕТСКОГО ФУТБОЛА

А САМОЙ ПЕРВОЙ и, по собственному его признанию, самой дорогой наградой была медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Получил ее тушинский паренек Лева Яшин, который в годы войны ударно слесарничал на заводе во имя нашей Победы.

Футболом «болел» сызмальства, гонял тряпичный мяч. Двадцатилетним стоял перед выбором — футбол или хоккей. Успел получить серебряную и бронзовую медали чемпионата страны, стать обладателем Кубка СССР. Кто знает, как сложилась бы его спортивная жизнь, будь хоккей так же популярен, как сегодня. Третьяка вот нет-нет да и называли «хоккейным Яшиным», а Яшин-эталон навсегда остался в футболе.

Футбольное поле было для него не всегда ровнехоньким, с шелковой травой-муравой. Ушибался. Порою очень больно. И не только в прямом смысле. В тренировочной игре со сталинградским «Трактором» пропустил гол после удара... вратаря соперников. Неудачно сыграл с тбилисским «Динамо»: четыре мяча в его воротах оказались. Заменял в матче со «Спартаком» самого «тигра» — Алексея Хомича — и сыграл опять очень слабо... Два года просидел он в «дубле».

Но нелегкое начало закалило характер. Причем несмотря на приглашения из других команд, решил твердо — играть только в «Динамо». Тренировки были каждый день: кроссы, штанга, ручной мяч. И футбол, футбол до самозабвения. Самые фанатичные, а в те годы их было куда больше, чем теперь, игроки шли, взмыленные, в раздевалку, а он все просил побить ему. Много учился. Читал про Замору, Хидена, Планичку. По крупицам изучал опыт наших замечательных голкиперов Ф. Чулкова, Н. Соколова, В. Жмелькова, А. Хомича. Он становился вратарем-новатором, который смело действовал по всей штрафной площадке, который начинал атаки, который руководил защитой. И при всем при этом он брал пушечные удары в «девятку», «сухие листья», пенальти.

У первого вратаря «Динамо» и сборной страны прибавлялось титулов: чемпион и обладатель Кубка СССР, олимпийский чемпион и обладатель Кубка Европы, участник трех чемпионатов мира, наконец, лучший футболист Европы. То был 1963-й, «золотой» для него год, год триумфальный, год вдохновенный — «Золотой мяч» футболиста № 1, медаль чемпиона СССР, блистательная игра против сборной Англии в составе сборной ФИФА, когда он,

не пропустив ни одного гола, стал героем «Уэмбли».

А ведь до этого был год 1962-й. Неудача на чемпионате мира в Чили, когда наша сборная обидно проиграла со счетом 1:2 хозяевам, когда были четыре гола в его ворота от сборной Колумбии. Кое-кто, не разобравшись толком, огульно обвинил Яшина в провале сборной. Чувство обиды, подавленность могли сломить кого угодно. Только не его. И не только рыбалка в уединении (его любимый отдых) помогла ему выстоять в трудную минуту — огромная выдержка, сила воли, ответственность офицера-коммуниста, высокое достоинство первого вратаря страны. И 1963-й пришел.

И опять раздался голоса досужих «знаатоков»: «Самое время уходить — в зените славы. Так сказать, с высоко поднятой головой, увенчанной лаврами, красиво надо уходить».

Но он не ушел — он был нужен команде, команда верила в него, а он — в себя.

В 1964-м французская газета «Экип» называет его и Валерия Воронина в числе одиннадцати лучших футболистов Европы. Призы «Оскар Европа» они получают в именной компании — Лоу, Эйсебио, Суарес, Шнеллингер...

В 1965-м он — первый вратарь советского футбола, в десятке лучших спортсменов страны вместе с Леонидом Жаботинским, Александром Иваницким, Валерием Попенченко и другими нашими «звездами».

А потом был 1966-й, год VIII чемпионата мира по футболу в Англии. Наша сборная впервые получила медали — бронзовые за четвертое место. И ворота ее в четырех самых трудных матчах из шести защищал Лев Яшин.

Мне довелось встретиться после того волнующего первенства с одним из судей финального матча Тофиком Бахрамовым. Поинтересовался у оцевидца жарких баталий, как смотрелась наша сборная, как играл Яшин. Т. Бахрамов ответил: «Наши показали футбол высокого класса. Ну, а Яшин играл выше всяких похвал. Он давно уже стал любимцем английских болельщиков — они-то понимают, кто чего стоит на футбольном поле. Яшину и вручили приз одной из мексиканских фирм как лучшего голкиперу чемпионата».

Австрийский журналист Курт Чапка, написавший книгу с недвусмысленным названием «От Заморы до Яшина», утверждает в этом своем труде, посвященном знаменитым вратарям мира: «Можно было бы написать целую книгу о подвигах Яшина на первенстве мира 1966 года в Англии. Он безусловно был одной из самых колоритных фигур этого турнира, и к нему постоянно было приковано внимание всего футбольного мира».

Еще одно лестное прозвище — «визитная карточка советского футбола» — он, 37-летний вратарь, оправдал на стадионах туманного Альбиона.

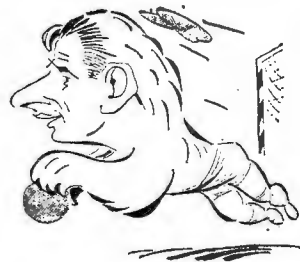
В неудачном 1962-м списывали его со счетов недальновидные горе-болельщики. Интересно, с какими чувствами к динамовскому вратарю следили они за футболь-

ОТ
ЗАМОРЫ
ДО
ЯШИНА

ЗНАМЕНИТЫЕ ВРАТАРИ МИРА

Название своей книги о лучших вратарях всех времен и народов австрийский журналист и футбольный специалист Курт Частка выбрал не случайно. От испанца Рикардо Заморы до нашего Льва Яшина — плеяда первоклассных голкиперов.

«Кошка» из Праги — чех Франтишек Планичка. «Тигр» из команды «Рапид» — австриец Вальтер Цеман. Лучшие вратари — это всегда самые ловкие, гибкие, прыгучие, быстрые. В такой компании наш Лев Яшин по праву всегда был «львом».

Дружеский шарж И. СОКОЛОВА.

ным матчем, которого еще не видывали Лужники, 27 мая 1971 года? Думаю, все мало-мальски причастные к футболу, спорту люди стремились посмотреть прощальную игру Яшина хотя бы по телевизору.

Приехали его старые друзья Бонев, Чарльтон, Мюллер, Джаич, Факетти... Сам сэр Стенли Роуз, президент ФИФА, присутствовал на игре сборных мира и советского «Динамо». Что это было — красиво поставленный футбольный спектакль или великолепный экспромт «звезд» мирового футбола, их откровение в честь Яшина? Скорее всего — и то и другое. И еще — дань уважения вратарю века, подарок его многочисленным поклонникам.

Чуть грузноватый в свои сорок два, он уверенно отыграл 51 минуту, взял несколько трудных мячей. А потом поднял руку, обращая внимание своего старого знакомого Тофика Бахрамова: «Товарищ судья!» Пожал благодарно ему руку, передал повязку капитана сборной планеты Бобби Чарльтону, обнял своего молодого коллегу Владимира Пильгюя. И медленным широким шагом побежал в раздевалку под щелканье десятков кино- и фотокамер, под рукоплескания ста тысяч зрителей.

После окончания своего 813 матча он, переодевшись в элегантный светлый костюм, прощался с футболом, благодарил болельщиков, организаторов матча. В тот день вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Л. И. Яшина

за заслуги в развитии футбола и спортивные достижения орденом Трудового Красного Знамени. А ранее выдающийся спортсмен был удостоен орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

Нет, наверное, ни одной газеты у нас в стране, ни одного зарубежного издания, которое не писало бы об этом человеке. Писали о нем Лев Филатов и Мартын Мержанов, Виктор Понедельник, Старостины и Константин Есенин... Были фильмы, книги, фотографии, дружеские шаржи и баллады — посвящение Владимира Высоцкого:

*Да, сегодня я в ударе, не иначе.
Надрываются в восторге москвичи,
а я спокойно прерываю передачи
и вытаскиваю «мертвые» мячи...*

В тот далекий январский вечер я так и ехал по заснеженной Москве до гостиницы, зажав в кулаке два значка, которые подарил мне Лев Иванович — эмблемы голландского «Фейенорда» и английского «Сандерленда». И все равно мне не поверили мои одноклассники, что говорил я с Яшиным лично, сказали: выменял значки у туристов.

Двадцать лет хранил эти два маленьких значка отдельно от всей своей коллекции. И сам Яшин в моем сердце динамовского болельщика — отдельно от других. Как самая высокая вершина. Как самая яркая звезда. Как человек характера непостижимо в своей уникальности.

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

И ВОТ КАТАСТРОФА — болезнь, лавиной упавшая, подмывшая могучего человека. Ампутация — острое и безжалостное слово.

Я приехал навестить его спустя месяц после тяжелой операции. Поговорили о том, о сем. Полковник-отставник не был сломлен, держался бодро, радовался

внучке. Но было больно видеть его на костылях. А он вдобавок болел и другим — неладью с «Динамо», которое еле-еле удержалось в высшей лиге, передраги во всем нашем футбольном хозяйстве. Спрашиваю его, куда поставить принесенную в гостиницу (на случай простуды) банку малины. «Вон, на бумагу и ставьте». — «Тут, Лев Иванович, анкета какая-то...» — «Ах, это просят прислать мой вариант 33-х лучших». — «Так напишите, ждут ведь вашего авторитетного мнения...» — «Если откровенно, я и одиннадцати сегодня не наберу... лучших-то...»

Прощаемся. Он спрашивает, взглянув в серое ноябрьское окно, не скользко ли...

А то вот погулять охота. От моей помощи отказывается. («Сейчас Валентина Тимофеевна придет, погуляем...».)

Вышел на морось. Надвинул на глаза фуражку — чтобы не видели прохожие морось в моих глазах. Расстроился за моего Вратаря.

* * *

Но шли месяцы — не собирался сдаваться Вратарь. И вот уже едет он в Самарканд и в Сухуми, вручает призы своего имени и нашего журнала. Поздравляет «мальчишек»-динамовцев, завоевавших наконец-то «серебро» в чемпионате СССР, и олимпийцев Сеула, приехавших с «золотом».

И сам получает высокие спортивные награды — ордена Международного олимпийского комитета и ФИФА — за мужество и стойкость, за вклад в развитие олимпизма и преданность футболу.

В его домашнем музее прибавляется интересный экспонат, за каждаым из которых — событие не только в личной жизни вратаря. Беру в руки изящную коробочку с новенькой медалью. Надпись по-немецки: «Мюллер — милх. Сборная Европы. Помощь Армении. Аугсбург. 5.3.1989». Как ни тяжело, по первому зову отправляется он в неблизкий путь, если кому-то нужен. «Звезды» мирового футбола устроили в ФРГ благотворительный матч, сбор от которого был перечислен пострадавшим от землетрясения.

Кстати, и матчи в честь 60-летнего юбилея Льва Ивановича на «Динамо» тоже несут, помимо чисто спортивной нагрузки, еще и просветительную, благотворительную.

Он, наш Лев Иванович, человек открытой души, прямой и честный, отзывчивый и бескорыстный, милосердный и справедливый — об этом кто угодно скажет, от армянских мальчишек, которые с ним в ФРГ летали, до повидавших жизнь седовласых ветеранов.

Возвращаясь в детство, в ту зиму шестьдесят седьмого, вспоминаю, как приехал в Лужники за четверть часа до закрытия Музея спорта. Пожилая смотрительница уже готова была запереть двери. Я умоляюще пролепетал: «Мне только на «Золотой мяч» Яшина поглядеть... Пожалуйста... Я специально приехал...»

Имя Яшина оказало магическое действие: «Ну, раз специально ехал — погляди, вон яшинские награды, целая витрина. Лев Иванович нам много чего передал — добрейший человек, редкий!»

Когда появляется он в здании родного «Динамо», в президиуме какого-либо собрания (встреча победителей-олимпийцев, 40-летие триумфального послевоенного турне московских динамовцев в Англии), неизменно шквал аплодисментов, рукопожатия товарищей по футбольным поединкам, цветы от юных динамовцев. Верность динамовскому флагу у него в крови — вот бы поучиться преданности своему клубу нашим некоторым спортсменам, кто как перекати-поле кочуют в поисках лучшей жизни.

Кое-кто, бывало, недолюбливал его за нелицеприятную прямооту. К счастью, прошли времена приукрашивателей спортив-

ной жизни. Теперь каждый знает, насколько порою несладок бывает хлеб чемпионский, сколько судеб было раздавлено непомерной тяжестью самых престижных медалей.

С горечью говорит об этом Лев Иванович, сам ставший инвалидом. Вспоминали его товарищей по «Динамо», по сборной. Virtuозный полузащитник, покорявший футбольный мир своей легкостью, элегантностью. Стройный, как тот серебряный футболист с приза «Оскар Европа»... Надежный защитник, носивший капитанскую повязку и в «Динамо», и в сборной... Крайний нападающий, чьи прострелы вдоль ворот всегда были чреватые голом... Горько сознавать, что иных уж нет, сгорели «звезды», падая вниз, а другие...

По словам Льва Ивановича, в «Динамо» многое делается для вчерашних чемпионов — им помогают обрести второе дыхание после завершения спортивной карьеры, определиться с работой, учебой. А в целом проблема далеко не решена. Он, отставной офицер, как может ратует за права, интересы спортсменов.

Если кто сочтет его свадебным генералом — не соглашусь ни за что. Полковник Яшин остается неутомимым тружеником, пропагандистом футбола. И уж с учетом «боевых» заслуг, «выслуги» спортивной, ранга футбольного генерала заслуживает.

В годы своей спортивной карьеры, когда мотался он из конца в конец страны, когда исколесил весь мир, не слишком часто надевал военную форму. Но предан ей был всегда и ответственность офицера чувствовал. В последний раз полковничий мундир надел по особому случаю.

В клинике, где лечился после операции, лежали с ним ребята-афганцы. Вместе заново учились ходить по земле, преодолевать боль. И вот однажды полковника Яшина пригласили участвовать при вручении Золотой Звезды Героя Советского Союза капитану Валерию Гринчаку. Тогда-то и сказал Лев Иванович своему, без всяких оговорок, боевому товарищу: «Мы еще повоюем, Валера! Мы ведь с тобой офицеры!»

Кстати, о погонах. Недавно разговорились с ним об офицерских званиях динамовских и армейских спортсменов, о «раздаттестовании» Олега Блохина, Игоря Ларионова, о переходе их в профессионалы. Лев Иванович рассудил, что нельзя на эти естественные процессы смотреть заскоруюло. Ведомство-«спонсор» было вправе решать, какие звания присваивать «своим» спортсменам, какие деньги им платить. Если назрела пора хозрасчетных клубов — пожалуйста. Надо решать вопросы к взаимному удовлетворению всех заинтересованных сторон. Не забывая сторону первую — зрителя.

Именно для него — футбольного болельщика — решили провести нынешним августом на «Динамо» большой праздник футбола, в котором согласились участвовать всемирно известные мастера этой игры миллионов. Праздник для зрителей. Праздник в честь гроссмейстера футбола Льва Яшина — Вратаря на все времена.

Подполковник Б. КАРПОВ.

«БАНАЛЬНЫЙ» КОНФЛИКТ,

ИЛИ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОБЛЮДЕНИЕ БУКВЫ УСТАВОВ БЮРОКРАТИЗМОМ?

История, о которой рассказала в своем письме в журнал рядовой Лариса Варевцева, оказалась сначала банальной в своей основе. Вопросы, затронутые в нем, оперативно и однозначно должны разрешаться на месте. И не на дивизионном или там полковом уровне, а непосредственно в подразделении.

Однако при более детальном изучении обозначенной в жалобе ситуации нетрудно было разглядеть серьезные упущения должностных лиц, призванных в строгом соответствии с уставными положениями организовывать выполнение главной нашей задачи — несение боевой службы, а также конкретно и эффективно заниматься обучением и воспитанием личного состава. И при таком подходе к оценке фактов, содержащихся в письме, на первый план в нем отчетливо выступали уже не очевидная правота автора и явная несправедливость обидчика — тут-то все было ясно сразу — а другие очень важные обстоятельства, чреватые самыми печальными последствиями: разрыв у иных командиров и начальников слов и дел, мягкотелость там, где она попросту недопустима. А еще — удивительная легкомысленность, с какой кое-кто подходит к рассмотрению жалоб и заявлений подчиненных.

С чего, собственно, весь сыр-бор разгорелся? Вот как об этом сообщает в своем письме автор:

«Я выполняла обязанности часового КПП, когда поступило распоряжение заместителя командира роты по службе контролеров капитана Е. Лукашина пропустить на объект прибывших на свидание к сыну мать и отца. Родители осужденного не имели при себе документов, удостоверяющих их личности, и, несмотря на выписанные им разовые пропуска и сопровождение их начальником отряда, я отказалась выполнить приказ... Капитан Лукашин в ответ на мои объяснения причин отказа заявил, что я занимаюсь бюрократизмом и разной прочей ерундой...»

Прервем цитату и дадим оценку фактам, которые при проверке полностью подтвердились.

Здесь налицо сразу несколько несоразностей. Во-первых, офицеру просто непозволительно забывать, что военнослужащий, заступивший на пост, то есть часовой, подчиняется строго определенным лицам —

начальнику караула, его помощнику и разводящему. А это означает в нашем конкретном случае, что не имел никакого права офицер Е. Лукашин командовать часовым КПП. Тем более оказывать на него давление, понуждая к нарушению уставных требований.

Мягко говоря, странными выглядят упреки капитана Лукашина Варевцевой в бюрократизме. Если уж заместитель командира роты считает «разной прочей ерундой» четкое выполнение часовым на посту своих обязанностей, то, простите, дальше идти некуда...

Ну разве мало всем нам примеров из практики войск, когда именно отступления от буквы уставов приводили к самым трагическим последствиям. Об одном из них, кстати, подробно рассказал во втором номере журнала за этот год подполковник Б. Карпов в материале «За монастырскими стенами». Когда я работал в подразделении, откуда пришло письмо, там как раз активно обсуждалась эта публикация. Не пересказывая содержания, напомним, что речь в ней шла о том, как, пользуясь попустительством сослуживцев, рядовой В. Баранов, не входивший в состав караула, проник в караульное помещение и, овладев автоматом, открыл стрельбу по личному составу. Жертвами стали шесть военнослужащих.

Почему же этот и другие подобные горькие примеры ничему не научили офицера с большим стажем службы? Срабатывал стереотип мышления, дескать, это же происходит где-то, у нас такое невозможно? Опасное, не выдерживающее никакой критики заблуждение. Еще как возможно! При притуплении бдительности, чувства долга.

Что удивительно, капитан Лукашин сам рассказал при встрече, что буквально за несколько недель до того, как произошел рассматриваемый случай, на том же КПП, на котором несет службу Варевцева, была предпринята попытка осужденного под видом расконвоированного выйти из-под охраны. Только благодаря четким и решительным действиям часового КПП ефрейтора А. Круглова удалось предотвратить побег.

А если бы ефрейтор не выполнил все предусмотренные при пропуске людей через контрольно-пропускной пункт формаль-

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

ности, то бишь «разную прочую ерунду»? Кто знает, возможно, опасный преступник оказался бы на свободе, со всеми вытекающими отсюда непредвиденными последствиями. А сам Круглов вместо сборов в краткосрочный отпуск на родину, которым поощрил его командир, объясняясь бы совсем в другом месте...

И трагический расстрел караула рядовым Барановым, и бдительный поступок ефрейтора Круглова еще и еще раз напоминают: ежедневно, ежечасно боевая служба экзаменует каждого, кто причастен к ней. Малейшие сбои, погрешности на посту не проходят бесследно, они, как капли воды камень, подтачивают боеготовность караула, подразделение, части.

Однако продолжим анализ ситуации, о которой поведало письмо.

Капитану Лукашину, конечно же, было известно: выписывая разовые пропуска людям без документов, заместитель начальника колонии нарушал ведомственные инструкции. Известно ему было и другое: осужденный, водворенный в штрафной изолятор, лишается права на свидание, в том числе и кратковременное. Не новость для офицера и то, что посторонних лиц категорически запрещается пропускать в ШИЗО. Однако у заместителя командира роты по службе контролеров и в мыслях не мелькнуло, чтобы возразить руководителям ИТУ, сказать им, что они встали на путь скользкий и противоправный.

«Мне с ними жить», — вот довод капитана Лукашина.

Что ж, стремление к хорошим, нескандальным отношениям с администрацией исправительно-трудового учреждения — похвально. Но лишь в том случае, если оно строится на деловой, принципиальной и законной основе, если оно не мешает, а помогает лучше и качественнее решать возложенные на обе взаимодействующие стороны сложные и ответственные задачи.

Отступив от уставных положений раз, капитан Лукашин, как следует из письма, не остановился на полпути. Через начальника караула старшего прапорщика М. Ханеева он добился-таки своего: родители осужденного были пропущены через КПП.

А незадолго до смены караула офицер Лукашин официально объяснил рядовому Л. Варевцевой выговор — за попытку невыполнения приказа старшего...

Вот так, прямо на посту, во время несения боевой службы на военнотрудового было наложено дисциплинарное взыскание.

Что это — эмоциональный срыв? Или система? Трудно поверить, что заместитель командира роты не ведал того, что известно любому командиру отделения: категорически запрещается наказывать людей во время несения ими службы в карауле, войсковом или сучточном наряде.

Непонятно и поведение командира роты, к которому Варевцева обратилась в тот же вечер с законной жалобой на необоснованные действия его заместителя. Выслушав подчиненную, капитан П. Михалев постарался все перевести в шутку. Дескать, поступили вы, Лариса Александровна, правильно, вас за принципиальность даже по-

ощрить не мешает. Но не надо так переживать и поднимать шум из-за пустяков...

Вот такая оценка. Стоит ли удивляться, что Варевцеву она не устроила, а разговор со старшим начальником не развеял ее сомнений и не внес покоя в обиженную душу.

— Понимаете, я сравнительно недавно начала служить. КПП — пост ответственный, тут смотри в оба. Нужно многое знать, предвидеть. Руководством мне здесь был и остается устав. Я и старалась действовать строго по уставу. От меня же в той ситуации потребовали нарушить его. Как же так? Ведь случись что, отвечать буду я. А я в войска пришла не за тем, чтобы взыскания получать. Руки опускаются после всего случившегося.

До сих пор перед глазами эта милостивая девушка, которой очень к лицу военная форма. И которую, как, впрочем, и любого, не красят слезы...

Запомнилась она своей искренностью, непосредственностью, желанием докопаться до сути волнующих ее проблем. Главное же, что ей очень хотелось уяснить: почему на занятиях, инструктажах ей внушали одно, а случилась неординарная ситуация, начали требовать совсем другое.

«Разве уставы существуют не для того, чтобы ими руководствоваться, их выполнять? Разве можно обходить их требования, когда это кому-то заблагорассудится!»

Эти слова из письма в редакцию Лариса не раз повторила и во время нашей беседы. Видимо, потому что в них она не видела вопросов как таковых. В них для нее — бесспорные истины, которые не обсуждать надо, а просто как следует, добросовестно выполнять.

Побольше бы такой убежденности иным начальникам Ларисы! Такое утверждение появилось не на голом месте. Дело в том, что перед тем, как встретиться с участниками конфликта, я попросил некоторых офицеров управления части, а позже и офицеров батальонного звена прокомментировать факты из письма Варевцевой. Все участники бесед сошлись на том, что действия капитана Лукашина на редкость непрофессиональны. Но что насторожило: кое-кто из должностных лиц при этом все же пытался сослаться на различные обстоятельства, «местные условия». Выходит, не так уж и одинок в своей позиции капитан Лукашин?!

К такому неутешительному выводу приводит и то обстоятельство, что на день моего отъезда из части поступок Лукашина так и не получил принципиальную оценку ни в роте, ни в батальоне.

Правда, офицер Лукашин официально отменил взыскание, объявленное рядовому Л. Варевцевой, и извинился перед ней за нанесенную обиду.

Как говорится, и на том спасибо.

Подполковник В. АФНАСЬЕВ.

Приволжское УВВ.

ЛЕТОПИСЬ

БОЕВОГО ОПЫТА

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ» — 50 ЛЕТ

В АВГУСТЕ 1939 года вышел в свет первый номер «Военно-исторического журнала». Он открывался редакционной статьей, в которой его цель и главное направление объяснялись так: освещать и пропагандировать проблемы передовой военно-исторической науки. В этом же номере были опубликованы материалы: о разгроме белоармейской армии адмирала Колчака в 1919 году и шведских войск короля Карла XII в Полтавском сражении 1709 года; о штурме восставшими парижанами крепости Бастилия, возмевшем начало Великой французской революции 1789 года, с подробным изложением программы якобинцев, хода боев и причин поражения восставших; о продолжающейся милитаризации политики и экономики Германии.

За почти двухгодичный срок его существования вышли в свет 23 книжки журнала, в которых было помещено более 400 материалов по общим проблемам военного искусства, истории гражданской войны, Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Были напечатаны статьи и очерки о талантливых полководцах Б. М. Хмельником, П. А. Румянцеве-Задунайском, А. В. Суворове, М. И. Кутузове, П. И. Багратионе, М. И. Платове; героях гражданской войны В. И. Чапаеве, Г. И. Котовском, Н. А. Щорсе, А. Я. Пархоменко, С. Г. Лазо, В. И. Киквидзе, Н. А. Рудневе, Олеко Дундиче, Тойво Антикайнене, П. Н. Журавлеве и Н. Д. Томине; о немецких военных теоретиках А. Гнейзенау, Г. Шарнхорсте и К. Клаузевице. Последний номер журнала вышел в свет совмещенным (№ 6—7) и полностью посвящался началу Великой Отечественной войны. Его материалы напоминали читателям о героическом прошлом нашей Родины, призывали советских воинов сражаться с врагом стойко и упорно, с достоинством и честью отстаивать каждую пядь родной земли, как это делали их предки.

Издание журнала возобновляется по решению ЦК КПСС с января 1959 года. На его страницах появилось множество публикаций, авторами которых были непосредственные участники Великой Отечественной войны, видные советские военачальники, командовавшие фронтами, армиями, корпусами и дивизиями на полях сраже-

ний. В журнале выступали: Маршалы Советского Союза И. Х. Баграмян, С. С. Бирюзов, А. М. Василевский, Ф. И. Голиков, А. А. Гречко, А. И. Еременко, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, И. С. Конев, Н. И. Крылов, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, Б. М. Шапошников, В. И. Чуйков; главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, главные маршалы бронетанковых войск А. Х. Бабаджанян и П. А. Ротмистров, главные маршалы авиации К. А. Вершинин и А. А. Новиков; генералы армии П. И. Батов, А. П. Белобородов, А. В. Горбатов, С. П. Иванов, А. С. Жадов, Д. Д. Лелюшенко, И. В. Тюленев, А. В. Хрулев, С. М. Штеменко, маршал бронетанковых войск О. А. Лосик, маршал войск связи И. Т. Пересыпкин, адмирал В. Ф. Трибуц, видные военные ученые.

Генерал-майор доктор исторических наук В. Ф. Некрасов выступил со статьей «Основные этапы строительства внутренних войск» (1986, № 11), в которой осветил историю войск ВЧК—ОГПУ—НКВД—МВД с начала их создания до наших дней.

Выполняя указания XXVII съезда КПСС, редакция планомерно перестраивала свою работу в сторону большей объективности, достоверности и правдивости каждой публикации. За основу содержания статей, корреспонденций, научных сообщений брались главным образом архивные документы, не появлявшиеся в печати. Предпочтение отдавалось материалам, которые освещали «белые пятна» военной истории. Возьмем, к примеру, самый больной вопрос: о военных неудачах Советских Вооруженных Сил в начальный период Великой Отечественной войны, когда в короткие сроки немецко-фашистским войскам удалось оккупировать огромную территорию Прибалтийских республик, Белорусской ССР, Молдавской ССР и Украинской ССР, Псковской, Ленинградской, Новгородской, Калининской, Смоленской, Орловской, Курской, Воронежской и Ростовской областей. Выяснение причин поражения Красной Армии в начальный период войны редакция начала публикацией в порядке обсуждения статьи генерал-лейтенанта М. М. Кирьяна «Начальный период Великой Отечественной войны», помещенной в № 6 за 1988 год. В развитие положений, затронутых в данной

399

статье, уже опубликованы материалы о действиях войск в начальный период войны на Северо-Западном (№ 7) и Юго-Западном (№ 8) направлениях, отрывки из книги генерал-полковника Л. М. Сандалова «Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны» (1988, № 10, 11, 12; 1989, № 2, 6), изданной в 1961 году под грифом «секретно» и раскрывавшей обстановку того периода на Западном направлении.

С тяжелым периодом в нашей военной истории непосредственно связаны и массовые репрессии среди военных кадров накануне войны, что явилось одной из причин слабой подготовленности наших войск к боевым действиям. Этой проблеме посвящена статья доктора исторических наук, профессора И. И. Кузнецова «Генералы 1940 года» (1988, № 10). Автор отмечает, что «жертвами сталинского произвола стали: 3 Маршала Советского Союза из 5, 2 командарма 1 ранга из 4, 12 командармов 2 ранга из 12, 60 комкоров из 67, 136 комдивов из 199, 221 комбриг из 397». Частичному раскрытию неудач начального периода войны посвящены заметки военного историка, бывшего главного редактора «Военно-исторического журнала» генерал-лейтенанта в отставке Н. Г. Павленко «Размышления о судьбе полководца», в которых исследуются взаимоотношения между Г. К. Жуковым и И. В. Сталиным накануне войны и в ходе нее (1988, № 10, 11 и 12) и заметки к биографии Г. К. Жукова писателя Константина Симонова, помещенные в № 6, 7, 9, 10 и 12 за 1987 год.

Привлекают внимание читателей публикации, открывающие завесу умолчания о семье И. В. Сталина — его сыне Якове Джугашвили (1988, № 12), попавшем в плен, но не поддавшемся на посулы фашистской разведки. Испробовав все попытки к побегу из плена, он бросился на находящийся под электротоком забор из колючей проволоки и погиб. О судьбе второго сына — Василия Сталина и дочери — Светланы Аллилуевой также рассказывает наш журнал в № 3, 4 за 1989 год. Вызвали интерес публикации под рубрикой «Эпоха в автобиографиях», начатой с № 12 за 1988 год. Уже увидели свет взятые из архива личных дел автобиографии генерал-лейтенанта инженерных войск Дмитрия Михайловича Карбышева и командарма 2 ранга Иоакима Иоакимовича Вацетиса (1988, № 12), генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова и генерал-полковника Ивана Васильевича Болдина (1989, № 1), командарма 1 ранга Иеронима Петровича Уборевича и Александра Васильевича Суворова (1989, № 2), командарма 2 ранга Александра Игнатьевича Седякина и Героя Советского Союза майора Марии Михайловны Расковой (1989, № 3), Героя Советского Союза генерал-полковника Оки Ивановича Городовикова и комкора Семена Андреевича Пугачева (1989, № 4). Публикации продолжают.

Широко освещая забытые и ранее запрещенные для публикации вопросы, редакция интересуется, как обстояло дело с гласностью в военном ведомстве царской России. Были обнаружены документы и

публикации периодической печати прошлого столетия. Отрывки из одной такой публикации помещены в апрельском номере журнала за этот год — «У нас в России, более чем где-либо, нужна гласность...» В ней говорится, что после поражения России в Крымской войне 1853—1856 гг. сторонники реформ призвали самокритично взглянуть на истинное положение дел, преодолеть «всеобщую официальную ложь». Курляндский губернатор П. А. Валуев в декабре 1855 года писал: «Взгляните на годовые отчеты. Везде сделано все возможное; везде приобретены успехи; везде водворяется, если не вдруг, то, по крайней мере, постепенно, должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то есть от того, что кажется, правду от неправды или полуправды, и редко окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль...» (журнал «Русская старина». Кн. 5.—СПб: 1891, с. 354).

Брат императора Александра II великий князь Константин Николаевич приказал управляющему Морским министерством вице-адмиралу барону Ф. П. Врангелю потребовать в предстоящих отчетах от всех подчиненных лиц и учреждений «не похвалы, а истины, и в особенности открытого и глубоко обдуманного изложения недостатков каждой части управления и сделанных в ней ошибок, и что те отчеты, в которых будет нужно читать между строками, будут возвращены... с большою гласностью». Великий князь потребовал также от редакторов и авторов «Морского сборника» помещать на страницах журнала статьи, которые содержат «поричание системы лжи, замашки показать товар лицом, выказать небывалые заслуги свои и утаить недостатки, упущения и ошибки» (Там же, с. 359—360).

Особое место на страницах нашего журнала занимают проблемы воинской дисциплины, причем освещаются они с позиций исторической традиции и преемственности. «Стоять насмерть за брата и отца, за Отечество являлось неписаным законом. Русский воин был готов к самопожертвованию и взаимовыручке, плен считал для себя позором», — говорится в статье Ю. Ф. Соколова «Мудрых слушать...», повествующей о дисциплине войска Древней Руси (1988, № 11). В подтверждение этих слов приводятся примеры и факты из походов князя Киевского Святослава против византийской армии в 968—971 гг., Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, князя Северского Игоря Святославовича, московского князя Дмитрия Ивановича Донского. Острое чувство воинской чести и долга всегда сплачивали воинов в минуту серьезной опасности. Слово чести высоко ценилось в Древней Руси. Нарушившие его изгонялись с территории рода, общины, племени. В своем «Поучении» Владимир Мономах требовал от командиров умения организовать победу, а от рядовых воинов — дисциплинированности и беспрекословного выполнения приказаний: «...при старших молчать, мудрых слушать, старейшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать» (Повесть вре-

менных лет. Ч. 1. М-Л: изд. АН СССР, с. 356—357).

Интересны и поучительны мысли генералов и офицеров русской армии по вопросам обращения начальников с подчиненными, о нравственном облике офицера, о дисциплине и чувстве долга, о самостоятельности начальников (1988, № 10), об уважительном отношении к солдату (1989, № 3), объединенные единым заголовком «О воспитании и обучении в русской армии». Приведенные в них слова о воинской дисциплине и взаимоотношениях офицеров с подчиненными и по сей день не потеряли своего значения и силы. Например, Петр I предписывал: «Офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит их равным образом отечески содержать»; «Капитан должен вести себя с солдатами, яко отец с детьми, увещевая непорядочных, поправляя их советами, и наказывать милостию не достойных, отличать и любить добрых»; «Прапорщику подобает во все дни немощных посещать и смотреть, нет ли в чем-либо недостатка. Ему подобает великую любовь к солдатам иметь, и когда они в наказание впадут, тогда ему об них бить челом вольно». В одном из военных постановлений времен царствования императрицы Екатерины II было сказано: «Полковник обязан честь и права полка своего весьма удерживать и за всякую мелочь шуму и ссор не вчинять. За ученье драться не следует: наказывать лгуна, ленивца и пьяницу, но без жестокости. Строго воспрещается не только бить рекрута, но и стращать; наказывать лишь грубое упрямство. Рекрут при обращении к начальнику должен быть без робости, но с пристойною смелостью...» Таким же духом, который царил в уставах и постановлениях императрицы Екатерины II, были проникнуты требования лучших полководцев и начальников того времени (1989, № 3, с. 82). Например, хорошо известны слова талантливого русского полководца генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, высказанные им в «Полковом учреждении» (М.: Воениздат, 1949): «Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято» (с. 68); «Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние» (с. 69); «Примером благородного своего поведения, полным знанием службы и попечительным исполнением оных ободряет и поощряет всякого из своих подчиненных к наблюдению своей должности, содержанию себя в непорочных поступках и делает вообще всех на себя надежными» (с. 77). Эти и другие высказывания А. В. Суворова помещены в журнале № 2 за 1989 год.

Продолжением темы является статья кандидата психологических наук подполковника А. М. Колесникова «М. И. Драгомиров о воинской дисциплине» (1989, № 6), в которой раскрывается сущность, направления и методы работы офицеров по ее воспитанию и укреплению, во многом созвучные нашему времени. Например, М. И.

Драгомиров утверждал, что настоящая воинская дисциплина укореняется не жестокими наказаниями, а «непрерывной настойчивостью в раз поставленных требованиях, справедливостью, строгой законностью, заботливостью о солдате, честным отношением к его довольствию» (Избранные труды. Вопросы обучения и воспитания войск.—М.: Воениздат, 1956, с. 385). Солдат должен быть приучен к законной и постоянной требовательности, ибо требовательность от «случая к случаю» рыхложивается, позволяет разделять обязанности на важные и второстепенные (необязательные), что в конечном итоге приводит к нарушению воинской дисциплины и снижению общего уровня боевой готовности части, подразделения.

Педагог М. И. Драгомиров учил: «Незнание исправляется разъяснением, а не выговорами» (с. 409); «Если молодой солдат не исполняет чего-либо или исполняет дурно, то это происходит... от непонимания требований; помочь этому можно только терпеливым кратким объяснением... того, что он должен делать, а не взысканиями; взыскания в подобных случаях могут только окончательно запугать и ошеломить его» (с. 645); «Только неисполнительность, происходящая от нерадения, должна быть преследуема соразмерными взысканиями» (с. 646). Далее в статье рассказывается о мыслях Драгомирова, касающихся методов правильного осуществления дисциплинарной практики, необходимости строгого соблюдения законности.

Анализу воинской дисциплины в Советской Армии и Военно-Морском Флоте, работе армейских и флотских партийных и комсомольских организаций в 30-е годы и накануне Великой Отечественной войны посвящены три статьи доктора исторических наук полковника О. Ф. Сувенирова: «Если бы не та вакханалия», «Всеармейская трагедия» и «Приказ отменять не будем». Статьи опубликованы в № 2, 3, 4 журнала за 1989 год и объединены единой рубрикой: «Воинская дисциплина: уроки истории». Их содержание подкрепляется соответствующими документами — «Материалы к протоколу заседания Военного совета Киевского военного округа» № 2 от 26 марта 1938 года, постановлением Военного совета этого округа «О состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа» (1989, № 3, с. 46—47).

Редакция продолжает поиск и публикацию правдивых материалов о малоизвестных, полузабытых страницах отечественной военной истории. В ней, в истории, наши корни. История — школа нашей жизни, тот воздух, которым мы дышим. И восстанавливать правду истории — долг каждого честного человека.

Ф. ГАВРИКОВ,

научный редактор по истории
досоветского периода редакции
«Военно-исторического журнала».

«Здравствуй, мама!»

В ЭТОТ ДЕНЬ В КЛУБЕ ЧАСТИ БЫЛО ПРАЗДНИЧНО. СЮДА ИЗ МНОГИХ УГОЛКОВ НАШЕЙ НЕОБЪЯТНОЙ РОДИНЫ СЪЕХАЛИСЬ САМЫЕ РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ ДЛЯ СОЛДАТ ЛЮДИ — ИХ МАТЕРИ. ОНИ ПРИБЫЛИ, ЧТОБЫ СВОИМИ ГЛАЗАМИ УВИДЕТЬ, КАК ЖИВУТ И КАК СЛУЖАТ ИХ ДЕТИ. ВСТРЕЧА, ПРОВОДИМАЯ В ЧАСТИ ВПЕРВЫЕ, ТАК И НАЗЫВАЛАСЬ — «СЛЕТ СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ».

Открывая слет, офицер-политработник А. Полозов предложил собравшимся посмотреть документальный фильм «Они служат во внутренних войсках». Картину смотрели с живым интересом: ведь многим в зале ничего не было известно о задачах, которые возложены на воинов внутренних войск.

Затем перед гостями выступил командир одного из подразделений подполковник Н. Быстров.

— Служить у нас нелегко, — сказал Николай Иванович. — Воинам часто приходится сталкиваться со злом один на один. Это требует психологической и специальной физической подготовки каждого солдата. Сейчас вы увидите, чему уже научились у нас ваши сыновья.

Зазвучала ритмичная музыка. На сцене в пятнистых желто-зеленых комбинезонах появились воины с автоматами наперевес. Быстрые движения. Молниеносные и точные удары, приемы защиты и нападения — все увиденное не оставляло никаких сомнений в том, что и в реальных условиях эти ребята не спасуют перед опасностью.

Затем приехавшие посетили комнату истории и боевой славы части, ознакомились с солдатским бытом. Одно дело, когда жизнь воинов видишь в известной телепередаче «Служу Советскому Союзу», и совсем другое — когда все это, как говорится, можно пощупать своими руками.

В программе слета значился и такой пункт: «Встреча родителей с командованием части». Разговор состоялся серьезный. Выяснялись те вопросы, которые волновали и родителей, и командование.

Полковник Н. Сирик рассказал об отдельных фактах употребления спиртных напитков среди солдат срочной службы, о родительских потачках, создающих предпосылки для нарушения воинской дисциплины.

— Вот, например, недавно, — припомнил Николай Петрович, — приезжаю в командировку в одно из подразделений. Сажусь в машину. За рулем солдат, рядом с ним магнитофон играет. Спрашиваю: «Откуда?» Отвечает: «Родители денег прислали, вот и купил».

Скажите мне, зачем в армии солдату магнитофон? Или гражданская одежда? Так-то вот. Это расхолаживает ребят.

— А как у вас насчет «дедовщины»? — интересуется Галина Матвеевна Южмина.

— Мы всегда боролись с этим злом. Но я бы сказал неправду, если бы заявил, что у нас нет вообще негативных явлений, — продолжал командир части. — Вот хотя бы такой случай. Группу воинов назначили в наряд по столовой. Два из них поручили чистить картошку. Замечу, воины были одного и того же призыва. Один другому сказал обидное слово, другой вспылил и ударил обидчика. Завязалась потасовка. Конечно, разобрались мы потом. Но «дедовщина» ли это? По-моему, это не что иное, как «петушинные бои». А вот таких случаев, когда один призыв издевается над другим, у нас нет. Это могут подтвердить и ваши сыновья.

— В «Комсомольской правде» прочитала статью «Случай в спецвагоне». Я до сих пор прийти в себя не могу от ужаса, — поделилась тревогой Койду Оskarовна Метсис. — Мой сын Алар говорил, что он службу несет в карауле часовым КПП. Как осуществляется подбор людей на выполнение служебных обязанностей? Учитывается ли психологическая совместимость воинов? И вообще, что такое караульная служба, в которой наши дети проводят половину всего времени?

На эти и другие не менее важные для родителей вопросы подробно ответил офицер Н. Сирик.

От имени матерей на встрече выступила Н. В. Николаева:

— Мой сын Дима только начал служить. Конечно, ему сейчас очень трудно. Но мне нравится, что его командиры понимают это и стараются помочь новобранцам. Самое нелегкое, как сказал мне Дима, — это научиться беспрекословно выполнять приказы. В наших общих интересах помочь ребятам во всех трудностях.

Самым приятным сюрпризом для многих матерей было сообщение о том, что их сыновьям предоставлены краткосрочные отпуска и они вместе поедут в родные края. Полковник Н. Сирик зачитал приказ о поощрении отличившихся воинов. Отпускные билеты вручались прямо в зале солдатского клуба.

Слет закончился. Организаторы его — инициативная группа в составе полковника А. Полозова, майоров А. Брука, В. Звягина, прапорщика В. Голубева, младшего сержанта М. Воротынова, рядового Ю. Ерашова — вложили в это событие всю душу. Праздник получился по-настоящему замечательным.

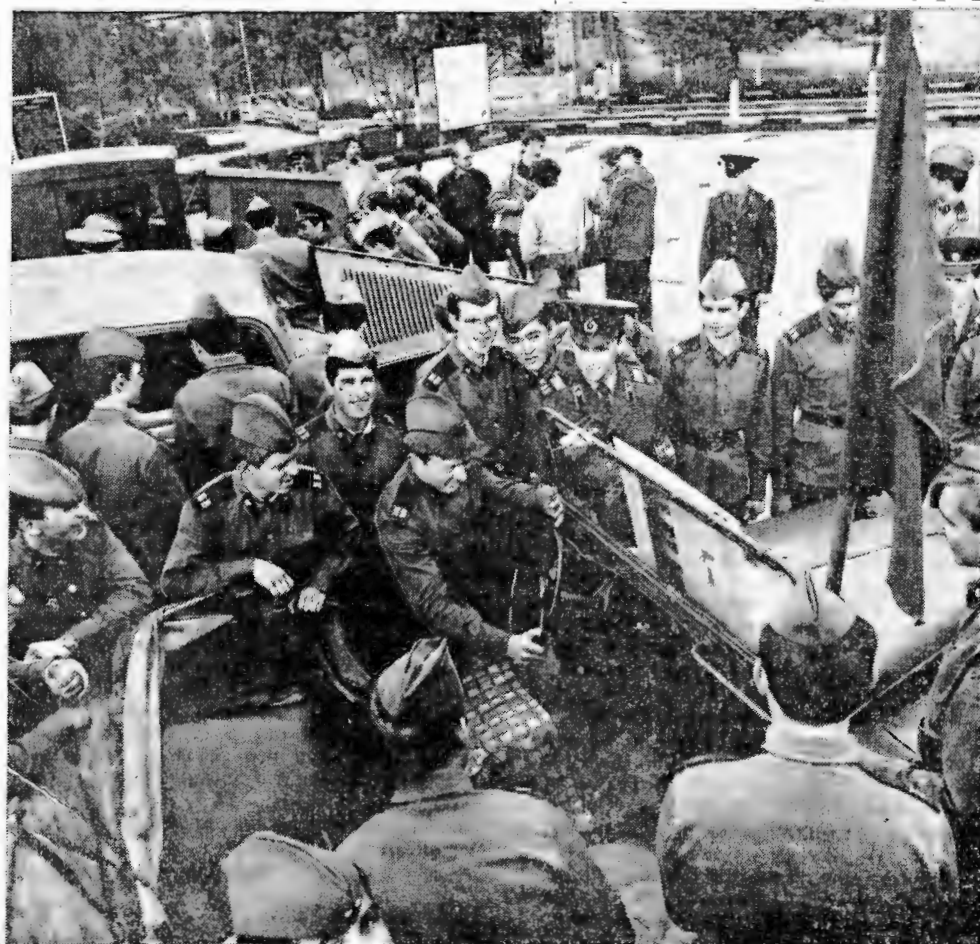
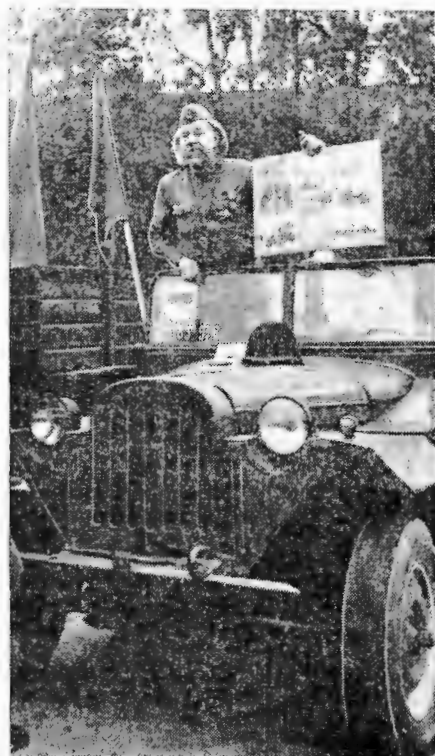
Подобные слеты планируется проводить и впредь.

Лейтенант И. ХОМЯКОВ.

Приволжское УВВ.

АВТО, КИНО И НЕ ТОЛЬКО

ФОТОРЕПОРТАЖ

СОСТОЯЛСЯ АГИТПРОБЕГ, ОРГАНИЗОВАННЫЙ ОБЩЕСТВОМ ДРУЗЕЙ КИНО СССР И ПОЛИТИЧЕСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

К ОЛОННУ встречали с любопытством. Особенно усердствовали мальчишки — на стоянках от них отбоя не было. Впрочем, и люди постарше замедляли шаг, разглядывая полуторку, эмку, ЗИС-05 и другие машины, которые сегодня можно увидеть, пожалуй, лишь в фильмах о войне да на фотографиях тех лет.

Впрочем, к экрану эти старинные автомобили имеют самое непосредственное отношение. Каждая из них — своего рода «кинозвезда». Судите сами: полуторка снялась в художественных фильмах «Время свиданий», «Война», «Отпуск по ранению». Солидный «послужной» список и у других автомобилей. Среди последних ролей эмки — «Холодное лето пятьдесят третьего...»

Реставрировали эти машины члены клуба следопытов автотостарины (ЮСАМС). Сегодня в нем занимаются свыше шестидесяти мальчишек и девчонок от восьми до четырнадцати лет, а в их коллекции — семнадцать автомобилей и шестнадцать мотоциклов. Все выпущены до войны.

Возглавляет работу юных следопытов Александр Алексеевич Ломаков, или дядя Саша, как зовут его питомцы. Он известный в стране реставратор старинных машин. Упомянем лишь об одной. Автомобилей марки «Мерседес-бенц-540 К-спорт» в свое время было выпущено всего девять штук. До наших дней сохранилось три: один — находится в Национальном музее Франции, другой, купленный за 800 тысяч долларов, — в США. Последний экземпляр — у Ломакова. А вообще его коллекция оценивается в два миллиона долларов. Журнал «Шпигель» (ФРГ) в одной из своих публикаций подчеркивал: «Если брать за основу западные цены, москвич Ломаков является одним из самых богатых людей в СССР».

Правда, в отличие от западных миллионеров дядя Саша еле сводит концы с концами. Машинами он не торгует, а когда они снимаются в художественных фильмах, деньги идут на поиск запчастей для старых автомобилей (в них не должно быть ни одной «не своей» детали) и их реставрацию.

Борта старых машин, следовавших в колонне, были увешаны транспарантами, рекламировавшими агитпробег по дорогам одной из областей Нечерноземья, организованный Обществом друзей кино СССР при содействии Политического управления внутренних войск МВД СССР.

Об обществе друзей кино (ОДК) хочется сказать подробней. Оно объединил две федерации — кино клубов страны и не профессиональных кинематографистов и ассоциацию деятелей кинообразования и как бы продолжает традиции Общества друзей советского кино, созданного в середине 20-х годов и прекратившего свое существование через десять лет.

Общество ставит перед собой благородные цели воспитания и просвещения средствами кино, развития сферы досуга путем создания благоприятных условий для самодельного кинотворчества, совершенствования форм кинопроката, поддержки новаторских тенденций отечественного киноискусства, художественно и социально значимых кинопроизведений как профессиональных, так и любительских, популяризации лучших произведений отечественного и мирового киноискусства. Разумеется, оно стремится решить и другие проблемы, уделяя при этом особое внимание кинолюбителям. Агитпробег и являлся одной из форм работы ОДК с населением.

В его программе был показ новых художественных (два из них переданы Посольством Венгрии в СССР), любительских и профессиональных документальных фильмов, а также программ ШОК (школа обучения кинозрителей) и ДИК (дискуссионно-игровой клуб), который провел кандидат психологических наук, учитель физики одной из московских школ Р. Гузман.

Немало интересных встреч было у участников агитпробега, в том числе и в воинском коллективе, где служит политработник подполковник И. Лукаш. Военнослужащие посмотрели документальные и художественные фильмы, встретились с известным киноведом, членом Союза кинематографистов СССР И. Н. Гращенковой и другими участниками автопробега.

А сколько впечатлений вызвала встреча со старыми автомобилями! Солдаты интересовались судьбой каждого из них. Буквально влюбились в словоохотливого дядю Сашу, рассказавшего о своем увлечении.

Во время этой встречи произошел такой эпизод. Сержант С. Рыжков долго стоял у одной из машин. Потом сказал:

— Мой дед, Иван Устинович Рудько, всю войну провел за баранкой ЗИСа. Мне интересно посмотреть, какой она была в действительности, эта машина. Сравнить — я ведь до службы автослесарем работал, — какие были автомобили тогда и теперь.

Знаете, мне кажется, наши первенцы тогда никому ни в чем не уступали, а сейчас мы все под границу метим. Неужели растеряем традиции? А деду обязательно напишу о том, что видел сегодня...

Среди показанных фильмов особое впечатление на зрителей произвела художественная кинолента свердловских кинематографистов «Перед рассветом». В фильме, сделанном в жанре боевика, соединились зрелищность и социальный анализ предвоенных проблем и первых трагических месяцев войны.

...Попадает под бомбежку эшелон с осужденными, и молодой, горячий лейтенант НКВД (артист Евгений Миронов) оказывается в окружении вместе с вором-рецидивистом (в этой роли снялся популярный актер и режиссер Александр Панкратов-Черный) и «врагом народа» (артист Валерий Рыжаков). Пересказывать фильм — дело зряшное, надо смотреть. Наши военнослужащие остались довольны картиной, долго обсуждали ее. Приглянулись им и документальные фильмы — «Ягода-малина» (о нелегкой жизни офицерских жен отдаленного гарнизона, психологических, моральных и бытовых трудностях), «Солдаты» (о Великой Отечественной войне рассказывают люди, прошедшие от первого до последнего дня) и другие.

Перед демонстрацией документального фильма «Дети войны» с подчиненными старшего лейтенанта Л. Бескровного встретился автор сценария, редактор творческого объединения «Патриот» ЦСДФ Михаил Шапошников. Внимательно слушали его воины.

Запомнился им и фильм Андрея Истрата «Хотят мальчишки в армии служить...» Он о пресловутой «дедовщине». В картине действуют не вымышленные, а реальные люди — солдаты части, в которой еще недавно служил Андрей. Видимо, на его кинокамеру сослуживцы не обращали особого внимания, если позволили ему снять сцены издевательств старослужащих солдат над молодыми.

...В часть прибыло пополнение. Одними из первых новичков встречают... «старики». Отбирают вещмешки и сумки, роются в них... Следующая сцена заснята в столовой. Куски мяса в изобилии — на тарелках старослужащих. У остальных — увы... Или еще. «Деду» кажется, что новичок слишком медленно выполнил команду «отбой». Он устраивает ему тренировку попеременно с длительными отжиманиями от пола...

Уверен, иная лекция или беседа не произведет такого сильного впечатления, как этот фильм. Позднее в разговоре с его автором поинтересовался: думает ли он продолжать армейскую тематику? Ответ был утвердительным. Сейчас подходит к концу работа над сценарием нового фильма. Если коротко, то будет он о том, как пороки, разъедающие среду подростков в шко-

ле и ПТУ — жестокость, цинизм, инфантилизм, нигилизм, — проникают в казарму. Может, кто-то из командиров и политработников, прочитав эти строки, согласится помочь Андрею осуществить задуманное на материале одной из частей войск: такую киноленту в дальнейшем можно активно использовать в воспитательной работе с личным составом.

Своего достоверного и честного освещения требуют, например, события в Закавказье. Кинематографисты готовы сотрудничать с войсками. Об этом говорили и упомянутые мной М. Шапошников, А. Истрат, другие участники пробега. Живые, правдивые фильмы вызывают добрый отклик в душах людей. В этом пришлось убедиться в одной из деревень, жителям которой была показана документальная кинолента о... них самих.

Три года назад впервые приехали к селянам и начали съемки фильма два молодых москвича — Григорий Ларин, студент ВГИКа, будущий оператор, и Петр Поспелов, музыковед, выпускник консерватории. Понравилась деревня вот чем: ее жители знали и пели множество народных песен.

Фильм так и назвали «Песня» и, пожалуй, открыли широкому зрителю эту певучую деревню. Был создан хор, который стал лауреатом II Всесоюзного фестиваля народного творчества. Выступали женщины в областном центре, объездили весь район. А вот подальше не выезжают: возраст не тот, да и забот хватает. Есть еще одна уважительная причина: «деды нас не отпускают», так они говорят.

На премьеру фильма в сельском клубе собрался и стар и млад. То и дело раздавались реплики «Смотри, Шурка пошла», «Твой-то дед какой серьезный...» и смех. Сколько радости было от узнавания родных и знакомых. Но зал затихал, когда звучали песни «У нас на горе калина», «Уж я думала-гадала», «Береза ты кудрявая» и другие.

Когда погас экран, долго не умолкали аплодисменты, адресованные создателям фильма. А потом поднялись на сцену героини киноленты. И снова зазвучали песни.

И подумалось на той теплой встрече сельских тружеников с участниками агитпробега, что, возможно, такие фильмы будут сняты и о внутренних войсках.

Общество друзей кино СССР планирует и в будущем подобные мероприятия. Один из предполагаемых маршрутов автопробега — Чернобыль, куда намерены поехать не только с новыми фильмами, но и с книгами для войсковых и сельских библиотек (предварительная договоренность с рядом издательства имеется). Хочется верить в то, что сотрудничество наших войск с ОДК будет успешно продолжено.

Подполковник В. ГОНДУСОВ.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

«ЧАСТНИК»

ИЛИ АВТОЛЮБИТЕЛЬ?

«...Ежегодно на автомобильных дорогах в стране погибают около 40 тысяч человек и 260 тысяч получают увечья... Почти три четверти жертв приходится на владельцев личных автомобилей и мотоциклов».

(Правда. — 1988. — 16 ноября).

В войсках постоянно совершенствуется профилактическая работа по предупреждению дорожно-транспортных происшествий. Но, увы, меньше их не становится. В чем причины?

Одна из основных, на мой взгляд, — слабая подготовка военнослужащих-автолюбителей. Большинство из них — офицеры, прошедшие в стенах военных училищ курс автомобильной подготовки и получившие удостоверение на право управления транспортным средством. Однако наличие такого документа далеко не всегда свидетельствует о готовности к управлению автомобилем, ибо в самом подходе к обучению немало изъянов. Должно быть ясно, что курсанты военных училищ, технические способности которых заметно разнятся, обучаясь по единой программе, к экзаменам по теории и практике автодела подходят в разной степени подготовленными. Но выдерживают их, как правило, все. Нехватка знаний и навыков у курсантов в этом случае компенсируется хорошими отношениями между преподавателями училища и представителем ГАИ.

Парадокс: проходя подготовку в основном на грузовых автомобилях, курсанты получают удостоверение с отметкой «без права работы по найму». Что это, признание профнепригодности?

Предвижу возражения: военное училище — не во-

дительские курсы, для офицера главное — знать Правила дорожного движения и в случае необходимости сесть за руль. Вот здесь-то, как говорится, и зарыта собака. Что значит «сесть за руль»? Включить зажигание, тронуть автомашину с места и удерживать ее на проезжей части? Достаточно ли этого?

Опыт боевых действий в Афганистане показывает, что офицер за рулем автомобиля, рычагами танка, штурвалом БМП — не исключительное, а обычное явление. И нередко от его водительского мастерства зависит жизни людей и исход боя. Современный бой не приемлет дилетантов, он жестоко наказывает их. Есть и такие примеры. И, думается, совсем не случайно появилась в водительских правах офицера-выпускника пресловутая отметка «без права работы по найму». Это подтверждение того, что его подготовка профессиональному уровню не соответствует.

Изменить программу автомобильной подготовки — насущная необходимость. Как? Есть экстенсивный путь: увеличить количество часов на практическое вождение, теоретические занятия, выделить дополнительные моторесурсы. И интенсивный, более прогрессивный, позволяющий сократить материальные затраты, широко использующий новые методики обучения с применением тренажеров.

Опыт есть. Его адрес — Самаркандское высшее военное автомобильное командное училище имени Верховного Совета УзССР.

Однако и в том, и в другом случае обязательное условие — индивидуализация обучения курсантов. Преимущества ее очевидны. В их числе — снижение ДТП при управлении офицерами личными автомобилями. Кроме того, увеличившись в запас и имея на руках права водителя-профессионала, вчерашний офицер легко найдет применение своим силам и возместит государству затраты на обучение.

Серьезный фактор, который нельзя не учитывать, — время. Не один год проходит от получения водительского удостоверения до приобретения офицером автомобиля. На госпредприятиях это принимается во внимание: администрация стажировки водителей, надолго «отлученных» от руля, она бдительно стоит на страже безопасности движения, по-государственному подходит к поистине государственному делу. Автолюбитель такой стажировки не проходит. А жаль. Считается, коли транспорт личный, то и ответственность, случись что, владелец машины понесет личную. Так ли это? Ведь страдают ни в чем не повинные люди. И здесь, на мой взгляд, могли бы помочь практические занятия с офицерами-автолюбителями в системе командирской подготовки. Где

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

взять технику, горючее? Но ведь можно проводить занятия на машинах автолюбителей, вряд ли кто откажется. Было бы желание их организовать.

Другая не менее серьезная причина роста ДТП, допускаемых автолюбителями, — плохая подготовка техники к эксплуатации. Это происходит иногда по незнанию, иногда из-за безответственности, а чаще всего — из-за отсутствия элементарных условий для технического обслуживания автомобиля. Сколько их, счастличиков, имеющих гаражи, смотровые ямы? Немного. Между тем командование части, руководствуясь не только соображениями социально-бытовой гуманности, но и заботой о боевой готовности, может оказать существенную помощь автолюбителям. Например, отвести место на территории автопарка под пункт технического обслуживания, оказать содействие в его оборудовании. Конечно, это не просто, и многое здесь зависит от позиции командира — организатора.

Никто не ругает за превращение воинской части в предприятие службы быта. Речь идет об элементарной помощи. Жизнь требует пристального внимания к социально-бытовым вопросам. Кто скупится на него сегодня, завтра заплатит двойную цену...

Не случайно военнослужащие, имеющие в личном пользовании транспортные средства, выделяются в отдельную категорию. К ним и отношение должно быть особое. Со стороны ГАИ, например. Соответствующая инструкция предусматривает ответственность военнослужащих за нарушения Правил на общих основаниях. Но штрафы к ним не применяются, материалы о нарушениях могут направляться по месту службы для решения вопроса о привлечении виновных к дисциплинарной ответственности.

Однако не такой уж богатый выбор мер воздействия у автоинспектора. Лишенный излюбленного спо-

саба «ударить» по нерадивому водителю рублем, он не спешит и оформляет материалы для направления их по месту службы автолюбителя. Дело хлопотное, куда проще «продергать» талон предупреждений.

Нередко столь же упрощенно строится работа с военнослужащими — владельцами машин — и по месту службы. Ответственные лица не утруждают себя поиском новых форм, ограничиваются дисциплинарными взысканиями, а по сути, «бьют по хвостам». Иногда даже запрещают (!) пользоваться личными транспортными средствами, то есть ведут борьбу не с ДТП, а с автомобилями. Возникают конфликтные ситуации, так как, естественно, автолюбители возмущаются, зная, что на их стороне закон. Путь запретов — путь наименьшего сопротивления.

Но есть другой путь: планомерная, вдумчивая, серьезная работа. Такая, к примеру, как в части, где служит офицер Е. Мартынов. В плане мероприятий по улучшению эксплуатации транспортных средств и предупреждению ДТП здесь есть и раздел, посвященный военнослужащим-автолюбителям.

В каждом периоде обучения офицерам и прапорщикам напоминают порядок регистрации и постановки автотранспорта на учет, общие обязанности водителя. В перспективе — установление деловых контактов с ГАИ для получения сведений о нарушениях Правил военнослужащими-автолюбителями. Контакт взаимовыгодный. В ГАИ будет поступать информация о тех, кто дружит с «зеленым змием». Для военнослужащих, замеченных в употреблении спиртных напитков, возможность приобретения личного транспорта исключена.

Проводят и традиционные мероприятия, правда, подход к их организации не совсем традиционный: больше творчества. Офицеры и прапорщики автослужбы дают консультации по вопросам эксплуатации техничес-

ких средств. Дажды в год в части проводятся сборы с военнослужащими-автолюбителями, которые завершаются сдачей зачетов.

Комплекс мероприятий позволяет устранить еще одну характерную причину ДТП — личную недисциплинированность водителей. Нарушителям никаких поощрений и скидок на прежние заслуги не делается. Как-то в нетрезвом состоянии был задержан сотрудником ГАИ прапорщик С. Макаров. И пусть не случилось большой беды и не пострадал никто от беспечности военнослужащего, командир и товарищи проявили предельную принципиальность: был поставлен вопрос об увольнении прапорщика до окончания срока подписки, хотя прослужил Макаров ни много ни мало пятнадцать лет. Партийная организация объявила коммунисту строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Другой случай: сержант сверхсрочной службы В. Бабенков выпил, по его словам, всего чуть-чуть — пару бутылок пива. Однако сотрудник ГАИ счел это достаточным, чтобы полагать: водитель находится в состоянии опьянения. Его заключение подтвердило освидетельствование.

Честно признаться, коллектив с недоверием встретил известие о случившемся, ведь виновник происшествия был секретарем комсомольской организации. Конечно, товарищи отказали комсомольскому вожаку в доверии и вывели его из состава бюро.

В части убеждены, если на дороге человек ведет себя беспечно, то и в жизни он, как правило, неорганизованный, недисциплинированный. Верно подмечено: и у армейской дисциплины, и у дорожной основа одна — строгое и точное соблюдение установленных порядка и правил.

Капитан А. ПЕТРОВ.

*Оршанско-Хинганское
Краснознаменное
Центральное УВВ.*

Юлиан Семенов

НЕНАПИСАННЫЕ

РО- МА- НЫ

...Константина ввели в камеру, разделенную решеткой и частой сеткой, первым; моего отца внесли на руках два здоровенных зека — он дрожал, словно в ознобе, ноги свисали, будто ватные.

— Сынок, — обсмотрев меня, жарко зашептал он, — пиши товарищу Сталину. Одна надежда: его обманывают враги!

Младший лейтенант Сургучев, ходивший взад-вперед по узенькому проходу между решеткой и сеткой, кашлянул:

— Без фамилий и подробностей, иначе прекращу свидание!

Константин Швец усмехнулся, погладив моего старика по седой шевелюре:

— Папа, официально меня осудили за то, что я требовал напечатать письмо Ленина к съезду. Он ведь предлагал сместить с поста генсека партии Сталина.

— Разговоры! — испуганно воскликнул младший лейтенант Сургучев.

— Какое письмо?! — закричал полковник Швец. — Это клевета врагов народа, Костенька! Ты не смеешь верить вздору. Товарищ Сталин — самый близкий друг и соратник Ильича!

Отец потянулся ко мне:

— Сынок, родной, запомни: если ты сможешь передать письмо Иосифу Виссарионовичу, меня освободят завтра же!

Константин Швец посмотрел на моего старика с горьким состраданием и снова погладил его по всклокоченной седой шевелюре тонкими, прозрачными пальцами.

— Ты приходишь в мой институт, папа? — спросил Константин.

— Да, — ответил Швец.

— Ты говорил, что я тайком читаю вражеские, клеветнические книги типа «Десять дней, которые потрясли мир»?

— Да, говорил, — отчеканил Швец. — Я никогда ничего не тайл от товарищей, только они и могли б помочь тебе в беде.

— Вот они и помогли, — усмехнулся Константин. — Написали, с твоих слов, что я занимаюсь антисоветской пропагандой, статья пятьдесят восемь, все как надо...

...Той же ночью полковник Швец поджужжал на своей каталке к краю платформы и бросился под товарняк; я похоронил то, что осталось от Швеца, вернулся в Москву и написал письмо товарищу Сталину о несправедливом аресте отца — двадцатое по счету; воистину, «двадцать писем к другу».

Окончание. Начало в № 4, 6, 7, 1989 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

«Н АШИ достижения» — так называлась выставка, организованная Серго Орджоникидзе в Политехническом музее в преддверии Семнадцатого съезда, того, который был назван «Съездом Победителей», в начале тридцать четвертого...

Серго гордился этой выставкой, считал своим детищем, приезжал туда и ранним утром, и ночью, помогал организаторам добрым словом и делом.

Сейчас, когда история гибели Серго открывается все явственнее, начинаешь по-новому анализировать тот глубинный смысл, который Орджоникидзе вкладывал в ее создание: это была, по его замыслу, выставка примирения в партии: несмотря на все споры и оппозиции (а может быть, в чем-то и благодаря им), достижения промышленности Страны Советов (кроме ситуации в деревне — по-прежнему трагической) стали очевидны.

Именно поэтому на съезде — по его предложению — будут выступать не только те, кто всегда шел за большинством, но и Бухарин, Каменев, Зиновьев...

(Он, Серго, не голосовал за арест и ссылку Троцкого в Алма-Ату, за его выдворение в Турцию — на этом настояли Рыков и Ворошилов.

Он, Серго, после того, как из Политбюро был изгнан Бухарин, взял его к себе в Наркомат тяжелого машиностроения (Наркомтяж); в заместители пригласил старых и верных друзей, бывших оппозиционеров Юрия Пятакова, Леонида Серебрякова — он стал начальником транспорта и автомобилестроения; руководителем Кузбасса назначил бывшего троцкиста Шестова.)

Эта выставка, таким образом, была определенного рода намеком Сталину, политическим призывом к консолидации: хватит мстить тем, кто отстаивал свою точку зрения; разоружились; от платформы отказались, работают, не щадя сил, словом, время войне и время миру, воистину.

Серго, конечно же, не мог забыть ленинскую школу в Лонжюмо, занятия с его блестящими учителями — Каменевым и Зиновьевым, завязавшуюся там, в Париже, дружбу с учениками — большинство были объявлены оппозиционерами в конце двадцатых; отношения с ними не прерывал, пытался убеждать, горячился, отстаивая свою правоту, но никогда не обижал грубым словом или пренебрежительным невниманием к доводам идейных противников.

...Судя по тому, что организаторов выставки (одним из них был мой отец) награждал он, Серго, — премиями, а не ЦИК — орденами, Сталин понял этот намек и отнесся к нему по-своему: после польских событий тридцать четвертого в Германии, когда Гитлер уничтожил своих ближайших друзей-ветеранов, начал готовить собственную операцию — убийство Кирова; лучшего повода для развязывания террора не найти, опыт фюрера свидетельствовал об этом со всей очевидностью...

Через шестнадцать дней после убийства Сергея Мироновича были арестованы Каменев, Зиновьев, тысячи бывших оппозиционеров — члены партии с начала века, ветераны.

А уже через двадцать месяцев они, оклеветав себя и оговорив друг друга, были расстреляны.

Спустя двадцать дней после этого были арестованы все заместители Серго, его ближайшие соратники, — истинные авторы «наших достижений».

Сталин дал Серго честное слово, что Пятаков и его товарищи не будут расстреляны, если добровольно раскроют платформу современного троцкизма, помогут стране в ее противостоянии фашизму, — во имя Партии надо уметь жертвовать постами и привилегиями, будут работать на дачах, писать мемуары.

Пятаков согласился «поработать на партию».

...Через семь часов после вынесения приговора все близкие Серго коммунисты, обвиненные в шпионаже и вредительстве, были убиты выстрелами в висок.

После этого коварства, потрясшего Серго, он начал говорить свое выступление на февральском Пленуме ЦК: он теперь до конца понял, что если не сказать всей правды, то делу Ленина будет нанесен такой удар, который поставит вопрос о жизни и смерти самой идеи социализма.

Поскольку Сталин знал все обо всех, особенно о тех, кто был с самим собой, Серго, работавший над обвинительной речью против террора, был убит — по прямому указанию Сталина.

Сразу же после торжественных похорон, проникновенных речей, траура и показных слез Сталин жестоко отомстил Серго за его наивную честность и негибимое благородство...

Проанализируем его выступления на страшном февральско-мартовском Пленуме, открывшем полосу тотального террора.

Итак, выступление Сталина:

— Вредительская и диверсионно-шпионская работа задела все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные... (Обратите внимание на последовательность перечисления организаций. — Ю. С.) Некоторые наши руководящие товарищи не только не сумели разглядеть настоящее лицо вредителей и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

(Именно Серго продвигал Бухарина, Сокольников, Тухачевского, Серебрякова, Пятакова. — Ю. С.)

Видимо, Сталин опасался, что Орджоникидзе заранее написал вариант письма Пленуму и отдал его на сохранение кому-то из своих — для публичного оглашения. Если такое случится, если кто-то из сидящих в зале решится зачитать последнее слово Орджоникидзе, — будет уже поздно. Потому-то Сталин заранее объяснял и про «беспечную доверчивость», и про

«продвижение на ответственные посты иностранных агентов».

Сталин продолжал:

— Можно ли утверждать, что не было у нас предостерегающих сигналов? Нет, нельзя этого утверждать. В Закрытом письме ЦК от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова сказано: «Надо покончить с оппортунистическим благодушием... Оно является отрыжкой правого уклона». (Вот, оказывается, когда Сталин начал закладывать фугас под Бухарина — еще за два года до ареста! — Ю. С.). В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года, — продолжает он, — по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока ЦК вновь призывал: «Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован...»

(А это уже прямое обвинение Серго: он, Орджоникидзе, не видал, не отдал на закланье своих друзей Пятакова, Бухарина, Серебрякова, окружил себя врагами народа, не желал их распознавать, что доказал закончившийся в январе процесс над его ближайшими помощниками и друзьями.)

Сталин:

— Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, каким он был 7—8 лет назад (семь—восемь лет назад Сталин говорил прямо противоположное этому. — Ю. С.). Троцкизм превратился в оголтелую банду шпионов и убийц... Что такое политическое течение в рабочем классе? Это такая группа или партия, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а, наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно...

Хочу привести выдержку из стенограммы XV съезда, когда лидеры оппозиции еще пытались отстаивать свои взгляды честно и открыто:

«Каменев. Товарищи, я выхожу на эту трибуну с единственной целью — найти путь примирения оппозиции с партией. (Голоса: «Ложь, поздно». Движение в зале.) Оппозиция представляет меньшинство в партии. Она, конечно, никаких условий со своей стороны ставить партии не может. (Движение в зале.) После жестокой, упорной, резкой борьбы за свои взгляды мы выбрали путь — целиком и полностью подчиниться партии. Стать на этот путь для нас значит подчиниться всем решениям съезда, как бы тяжелы они для нас ни были. (Голос: «Формально!», «Никто не поверит».)

Но если бы к этому безусловному и полному подчинению всем решениям съезда, к полному прекращению, к полной ликвидации нами всякой фракционной борьбы во всех формах и к роспуску фракционных организаций, если бы мы к этому прибавили... (Шум, голоса: «Партия ликвидирует, а не вы». Голоса:

404
са: «Вы давно это говорите!», «Скажите насчет термидора!») Если бы мы к этому прибавили отречение от взглядов — это, по нашему мнению, было бы не побольшевицки. Это требование, товарищи, отречения от взглядов никогда в нашей партии не выставлялось. Если бы с нашей стороны было отречение от взглядов, которые мы защищали неделю или две недели тому назад, то это было бы лицемерием, вы бы нам не поверили. Мы думаем, что наша критика, которую мы обязуемся проводить в строгих рамках устава партии, она еще пригодится партии... (Голоса: «Опоздали!», «Теперь надо на колени стать перед партией».) ...тем более, товарищи, что в ряде вопросов наши взгляды получили подтверждение в жизни, а в ряде случаев партия в той или другой мере усвоила их...

Требовать отказа, отречения от взглядов — это вещь явно невыполнимая. Я возьму еще только один пример, имеющий совершенно злободневное значение...

Финьковский. Когда ты был искренним: когда с Троцким дрался или теперь? В какой ты шкуре? Скажи это сейчас перед съездом, скажи здесь перед всеми! Тогда нет перед съездом!

Каменев. Наши единомышленники во время дискуссии всюду открыто выступали в ячейках в защиту нашей платформы. Они, товарищи, вели себя — вы можете находить их взгляды неправильными, можете думать, что они заблуждались, — но они вели себя как мужественные революционеры. (Голоса: «Позорно вели себя!», «Контрреволюционеры так поступают!», «Далеко уедете с такими революционерами!», «Революцию против партии делаете!»)

Сольц. И меньшевики защищают свои взгляды мужественно, сидели в тюрьме за них!

Голос. Защищали щеткой портрет Троцкого!

Каменев. Открыто защищали свои взгляды...

Голос. Среди спекулянтов демагогией занимались!

Каменев. И ставили эти взгляды выше своего положения, готовы были пожертвовать своим положением ради того, что вы считаете неправильным, что вы, может быть, осудите, но что они считали правильным, не считаясь с тем, что их ожидает. Зачем вам это отрицать, этого нельзя отрицать!

Голос. Это разложившиеся одиночки!

Каменев. Рабочий класс хочет примирения. Несмотря на все разногласия, несмотря на всю остроту борьбы, у нас есть с вами общий интерес — это сохранение единства партии как основного рычага диктатуры пролетариата. (Шум.)

Голос. Оно сохранено!

Голос. Пролетарии сохраняют его!

Голос. Так же вы говорили на XIV съезде!

Каменев. Это можно сделать на основе того подчинения решениям съезда, которое мы вам гарантируем. (Шум.)

Голос. Веры нет!

Каменев. Это должно сделать во имя интересов того дела, которое начал Ленин. (Шум.) И я выражаю твердую уверенность, что съезд, несмотря на все, это сделает. (Шум.)

...А вот в каких условиях проходило выступление ветерана партии Г. Евдокимова:

— Теперь рабочие, беднейшие крестьяне и середняки из тех тезисов, которые опубликованы в газетах, по крайней мере знают, о чем на самом деле в настоящее время идет спор... (Голос: «Они осудили эти тезисы!» Сильный шум.) Что же хочет на самом деле рабочий класс? Каждая из спорящих сторон (Скрыпник: «Какая там сторона!»), естественно, утверждает, что рабочий класс (сильный шум) хочет именно того, чего хочет данная спорящая сторона. (Сильный шум.) Например, здесь, на съезде, утверждают, что рабочие требуют нашего исключения из партии. (Голоса: «Правильно! Правильно!» Шум, смех.) Неправда. (Шум.) Немного найдется таких рабочих, которые поверят, что такие вожди партии, как Зиновьев, Каменев и Троцкий (Смех, сильный шум. Голос: «Именно такие вожди!»), могут являться врагами рабочего класса, партии и советской власти. (Сильный шум. Голос: «Шлеханов тоже был вождем, да съехал!») Товарищ Ленин учил нас смотреть действительности прямо в глаза. (Голос: «Не спекулируйте Лениным!») Чего же на самом деле хочет рабочий класс? (Голос: «Чтобы вас исключить!») Не последним вопросом, интересующим самые широкие рабочие массы, является вопрос о возможности и об опасности раскола ВКП. (Шум, смех. Голос: «Слышали!») Самые широкие рабочие массы, из 100 человек 99, хотят прежде всего, чтобы было сохранено единство нашей партии. (Сильный шум. Голоса: «Без вас!», «Оно есть и останется!») Но наряду с этим рабочие, конечно, хотят, чтобы внутри партии давали говорить и большинству, и меньшинству. (Сильный шум. Голос: «Это меньшевистское меньшинство!») Что, скажете, неправда? Нет, правда. (Шум, голоса: «Ложь!», «Меньшевистской свободы слова не дадим!») Рабочие хотят слушать не только одну сторону, а обе стороны. (Голос: «Кроме партии, не может быть других сторон!») Из 100 человек 99 хотят этого. (Шум. Голос: «Разве это ленинская постанова?»)

Вот так — «открыто и честно», как призывал в 1937 году Сталин, — ленинцы с дореволюционным стажем, герои революции «пропагандировали» свои взгляды в 1927 году. В 1936 году их бросили за решетку.

Сталин:

— На судебном процессе в 1936 году Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы... На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников признали наличие у них политической плат-

формы. Но они развернули ее не для того, чтобы призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть ее.

...Будучи «выдающимся конструктором кровавых игр», Сталин умел закладывать потаенный смысл не только в текст, но и в сами названия отдельных подглавок его выступлений. Одну из таких подглавок он и обратил прямо против Орджоникидзе, обозначив ее: «Теневые стороны хозяйственных успехов».

Сталин:

— Наши партийные товарищи за последние годы (то есть когда Серго перевели из аппарата ЦК и ЦКК в Наркомтяж.— Ю. С.) были до крайности увлечены хозяйственными успехами — и забыли обо всем остальном... Будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом начало и конец всего... И как следствие — появляется политическая слепога.

...У любого непредубежденного читателя должны возникнуть по крайней мере два вопроса по прочтении этого сталинского пассажа.

Первое: как можно было достичь хозяйственных успехов — а они, по словам Сталина, «действительно огромны», — если всей хозяйственной работой страны руководили шпионы, вредители и диверсанты?

Либо успехов не было, либо народным хозяйством руководили настоящие большевики-ленинцы, а никакие не «троцкистские диверсанты».

Второе: можно ли упрекать руководителей народного хозяйства в том, что для них успехи дела «были началом и концом всего»? Ведь именно успех дела и определяет истинного ленинца, а никак не трибунная болтовня.

Сталин:

— Успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением — порождает настроения беспечности и самодовольства: «Странные люди сидят там в Москве, в ЦК: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают».

Сталин невольно — и это кажется мне весьма странным, ведь такой опытный интриган, — подставился: тут-то бы ему и рассказать о вредительстве, привести примеры, выложить на стол факты. Почему же он не сделал этого? Где доказательства вредительства? Каковы суммы ущерба, причиненного народному хозяйству «диверсантами» с дореволюционным партийным стажем, прошедшими тюрьмы, казни, ссылки?

Фактов не было.

Сталин нагнетал истерию подозрительности, без которой невозможен Большой Террор.

Впрочем, он аккуратно страхуется, обаявая соответствующие службы «принять необходимые меры, чтобы наши товарищи имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительно-диверсионной работы...»

А ну бы самому — дать хоть один пример! В предыдущих выступлениях Сталин был горазд на примеры, подтверждающие правильность его слов... Нет, он знал правду, он — тогда еще — допускал, что кто-либо из ветеранов мог обвинить его в подтасовке и лжи, поэтому «факты» он требует у «служб» — есть на кого свалить вину в случае, если его ложь будет раскрыта.

(Друзья-врачи рассказывали мне — это, впрочем, надо перепроверять самым тщательным образом, — что психиатр Бехтерев, приглашенный на консилиум к Сталину в 1927 году, выходя из кабинета, бросил одному из своих помощников: «Паранойя».)

Назавтра Бехтерев умер...

В одной из моих книг герой предлагает тщательно исследовать возможного лидера — не является ли он психопатом; отнеслось это к иной стране, иному лидеру, но постановка такого рода вопроса никогда не потеряет актуальности — в том случае, конечно, если речь о государстве, где поправа демократия.)

— Настоящий вредитель, — аккуратно замечает Сталин, — должен время от времени показывать успехи в своей работе... Я думаю, вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях... Теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей...

Я убежден, настало время напечатать стенограмму этого Пленума ЦК. Иначе попросту невозможно понять происходившее. Что это — массовый психоз, объявление войны логике, памяти, человечности, чувству самосохранения, наконец? Что там происходило?! Отчего логическому безумию не был противопоставлен здравый смысл?!

Как можно было генеральному секретарю и «творцу нашего счастья» всерьез утверждать, что «под шумок болтовни о стахановском движении» некто отводит «удар от вредителей»? Кто именно? Серго? Кто болтал о стахановцах? Как можно было пренебрежительно, по-барски говорить о качественно новом почине, у истоков которого стоял именно Орджоникидзе?!

Порою, однако, меня не оставляло ощущение, что с речью выступал действительно тяжело больной человек.

Судите сами: Сталин, например, утверждал, что «необходимо разбить и отбросить гнилую теорию, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры. Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди».

Кто эти «наивные люди»? Серго?

Сталин:

— У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплуататорских классов в СССР.

...Стоит только почитать Троцкого (а его надо бы издать — объективности ради),

чтобы стало ясно: никто из «эксплуаторов», тем более разбитых, за ним не пошел бы! Как они могли пойти за автором «перманентной революции» и военно-бюрократического, «приказного» социализма?!

Словно бы забыв о том, что он говорил в докладе, Сталин в своем заключительном слове утверждает прямо противоположное:

— Вспомните последнюю (!) дискуссию в нашей партии в 1927 году... Из 854 тысяч членов партии голосовало 730 тысяч... Из них за большевиков голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то есть около полпроцента... Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил...

После этого взаимоисключающего противоречия я решил, что действительно имею дело с явным образчиком паранойи.

Затем, однако, посидев над текстом сталинской речи и заключительного слова еще и еще раз, я понял, что это не паранойя (или, точнее, не только паранойя).

Судите сами: в заключительном слове, принесенном генсеком уже после того, как Бухарина увезли из зала заседаний в тюрьму, не лишив даже (хотя бы для порядка) выборного звания члена ЦИКа, Сталин утверждает:

— Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние диверсанты, каким бы флагом они ни прикрывались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением...

Бухарин отвергал все обвинения, его тем не менее отправляют в тюрьму, до суда еще долгих тринадцать месяцев, а Сталин уже называет его «диверсантом». Вот она, бесовская вседозволенность, вот он, призыв к погрому!

Дальше — еще страшнее. И — логичней! Как и в конце двадцатых, когда Сталин натравливал Зиновьева на Бухарина, так и в тридцатые седьмом он спускает на Николая Ивановича троцкистов. Вот как он это делает:

— Надо ли бить не только действительных троцкистов, но и тех, кто когда-то колебался в сторону троцкизма? — спрашивает Сталин собравшихся. — Тех, которые когда-то имели случай пройти по той улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере, такие голоса раздавались здесь на пленуме... Нельзя всех стричь под одну гребенку... Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма...

А затем Сталин раскрывает карты — против кого обращены все его туманные намеки, когда речь идет о «хозяйственных каках», об их «достижениях».

— Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос о положении в Донбассе. Проект мероприятий, представленный Наркомтяжем (читай, Орджоникидзе.—Ю. С.), был явно неудовлетворительный. Трижды возвращали проект в Наркомтяж. Трижды получали от Наркомтяжа все разные проекты. И все же нельзя было признать их удовлетворительными. Наконец мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственников.. И все мы, члены ЦК, были вынуждены признать, что только они, эти маленькие люди, сумели подсказать нам правильное решение...

Дальше следует пропагандистский залп о «демократии», свободе выборов, тайном голосовании, отчетности перед народом.

Все взвешено и скалькулировано.

...Готова тотальное уничтожение ленинской гвардии, Сталин высказал следующие директивные указания на этом зловещем Пленуме:

— Первое: «Необходимо предложить нашим партработникам, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских организаций, подобрать себе по два партработника, способных быть их действительными заместителями».

(Таким образом, по его модели, организованный террор должен срезать три слоя П а м я т и.—Ю. С.)

Второе: «Для партобучения секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные «партийные курсы».

Третье: «Для идеологической переподготовки секретарей горкомов необходимо создать при ЦК шестимесячные курсы по «Истории и политике партии».

Четвертое: «Необходимо создать при ЦК шестимесячное «Советание по вопросам внутренней и международной политики». Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и ЦК национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо, и это должно быть сделано».

Члены Пленума ЦК, таким образом, слушали план, по которому все они должны быть уничтожены.

Неужели никто не понял этого?!

А если поняли — отчего бездействовали? Паралич воли? Страх? «Авось пройдет мимо меня?» Не прошло. Почти все участники этого Пленума были затем расстреляны.

...Все те, кто прошел «курсы» и «советы» (и после этого остался в живых), бешено аплодировали появлению фильма «Ленин в Октябре», который следовало бы назвать «Сталин в Октябре».

Ни Орджоникидзе, ни Свердлов — не говоря уже о Бухарине, Троцком, Антонове-Овсенко, Подвойском, Раскольникове, Вубнове — в фильме не были упомянуты. Термидор стал свершившимся фактом — партию за эти месяцы успели переучить.

В феврале 1937 года Сталин торопился: он должен был получить к Октябрю, к двадцатилетию Революции, новую версию Истории, которая бы отныне сделалась «катехизисом» для народа.

Что ж, судя по тому, как много людей и поныне вздыхают о «Хозяине», он преуспел и в этом.

Трагедия еще не окончена. Она продолжается.

В наши сердца должен постоянно стучать пепел тех, кто пал жертвой антиленинского переворота.

Если нет — прощения нам не будет, и детям нашим: новые любители «острых блюд» уготовят трагедию пострашнее тридцать седьмого — кулинары кровавых пиршеств ждут своего часа.

23

СРЕДИ многих откликов, которые пришли после публикации первой части «Ненаписанных романов», было письмо Александры Лаврентьевны Беловой, вдовы командарма первого ранга.

В своей книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург пишет: «Помню страшный день у Мейерхольда. Мы сидели и мирно разглядывали монографии Ренуара, когда к Всеволоду Эмильевичу пришел один из его друзей, комкор И. П. Белов. Он был очень возбужден: не обращая внимания на то, что, кроме Мейерхольда, в комнате Люба и я, начал рассказывать, как судили Тухачевского и других военных. Белов был членом Военной Коллегии Верховного Суда (Эренбург ошибался: Сталин назначил Белова, как и маршалов Блюкера, Егорова и Буденного, членом Особого Присутствия.—Ю. С.). Белов рассказывал: «Они вот так сидели — напротив нас. Уборевич смотрел мне в глаза...» Помню еще фразу Белова: «А завтра меня посадят на их место...» Потом он вдруг повернулся ко мне: «Успенского знаете? Не Глеба — Николая? Вот кто правду писал!» Он сбивчиво изложил содержание рассказа Успенского, какого, не помню, но очень жестокого, и вскоре ушел. Я поглядел на Всеволода Эмильевича; он сидел, закрыл глаза, и походил на подстреленную птицу. (Белова вскоре после этого арестовали.)»

...Сию в квартире Александры Лаврентьевны Беловой, вдовы легендарного командарма; фотографии Ивана Панфиловича — усы, борода, крутой лоб, невыразимо печальные глаза, по осанке и облику — потомственный аристократ.

— Он из мужиков, — замечает Александра Лаврентьевна, — из Псковской губернии, ныне эта часть отошла к Вологде... Аристократизм человека нарабатывается приобретением к знанию; Иван Панфилович был воспитательный читатель...

Сама она родилась в Питере, в семье мастера, столяра, речь ее именно петербургская, очень много бесстрашного подтекста; постоянен юмор и горестное сострадание к людям.

Рядом с портретом командарма — уникальное фото Михаила Зоценко, родителей и сына Виктора.

— С Зоценко мы давно дружили, это был совершенно невероятный человек, наш Мишечка... Помню, его куда-то не избрали на Первом съезде писателей; он пришел ко мне и совершенно серьезно сказал, что повесится, — пусть потом плачут... «Сначала я подумал, что произошла какая-то ошибка, — говорил он дрожащим голосом, — решил пойти в комнату, где отдыхал президиум; открыл дверь, а меня молодые люди аккуратноенько под руки, и в сторону, — без специального пропуска никак нельзя. Я говорю, что, мол, я писатель Зоценко, а молодые люди отвечают, что это очень даже замечательно и книги они мои любят, но без специального пропуска запрещено... А я успел увидеть: там жены начальственных писателей, в креслах сидят, ножку на ножку забросили, длинные папиросы курят и чиркают о чем-то веселом — смеются все время...» Я, конечно, рассказала об этом Ивану Панфиловичу; тот — к телефону, связался с Бухариним: «Военный округ, красноармейцы и командиры высоко чтут талант Михаила Зоценко, он должен быть избран, иначе это будет горькая несправедливость, нельзя обижать писателя, если он настоящий писатель, то подобен ребенку: так же раним, и утешить его трудно, ссадина на всю жизнь...»

...Бухарин был в крайне сложном положении на писательском съезде; в свое время Сталин попросил его написать статью против Есенина: «Я не имею на это права, Николай, — грузин... А ты русский, до последней капельки русский... Мы окружены с тобой мелюзгой, — только ты и я подобны Гималаям, нам и быть во всем вместе...»

Говоря это, Сталин уже знал, что Бухарина — так или иначе — уберет; Гималаи означают единичность. Логик, он не терпел двусмысленности. Понимая, что интеллектуалу Бухарину (интеллектуализм — это всегда множественность толкований, вариантность мышления, пренебрежение к формулировкам — с их теологической точностью; Коля не поймет затаенного смысла его фразы) трудно будет отказать ему в такой просьбе, тем более что Есенина в свое время поддержал Троцкий, свою статью о нем закончил словами: «Великий поэт умер. Да здравствует поэзия!»

В речи на писательском съезде Бухарин всячески поднимал Пастернака, словно бы оправдываясь за то, что клеймил Есенина «кулацким поэтом».

Сталину нужно было разбить Есенина словами Бухарина, ибо он страшился его, есенинской, вольницы и независимости; ему была необходима позиция Бухарина, потому что он понимал: Бухарин — выразитель и теоретик «крестьянской» концепции России; от столкновения двух этих сил — поэтической и политической — функция верховной силы получает он, Сталин.

Четыре года — с тридцатого по тридцать четвертый — Сталин жил в страхе:

а вдруг мужик, не выдержав террора, поднимется? Вдруг страна запольхает? Красная Армия — в массе своей крестьянская — станет ли стрелять в своих?

Нет. Не поднялись. Снес ли.

Когда Бухарина вывели из Политбюро и Серго взял его к себе в Наркомтяж начальником научно-технического отдела, Ягода ежедневно сообщал Сталину обо всех, кто приходил к Николаю Ивановичу: в сухих сводках наблюдения рассказывалось, как принимала друзей опального лидера Пеночка (так Бухарин называл своего секретаря Августу Петровну Короткову). В свое время, молоденькой девушкой, она была отправлена — постановлением Реввоенсовета за подписью Яна Берзина — в Крым, для нелегальной работы в тылу Врангеля, потом помогла ветерану революционного движения Шелгунову, другу Ленина, ослепшему в тюрьме, после этого стала секретарем заведующего отделом пропаганды Коминтерна Бела Куна, а потом уже Черныш, помощник Председателя ИККИ Коминтерна Бухарина, Ефим Цетли, один из первых членов ЦК КИМА, пригласил ее в секретариат Николая Ивановича.

«С ним я проработала вплоть до того дня, — рассказывала она мне, — пока Сталин не посадил Бухарина под домашний арест на «известинской» даче в Сходне».

Сталин не простила Бухарину той телеграммы, что он отправил — открытым текстом — летом тридцать шестого с Памира: просил не приводить в исполнение приговор над Каменевым, Зиновьевым и Иваном Никитовичем Смирновым; ненависть к нему после этого сделалась у Сталина давнейшей, постоянной, порою сладостной даже.

Ягода сообщал, что Пеночка, или Белочка — так ее называл поэт Мандельштам, постоянно приходивший к Бухарину (отдел, возглавлявшийся Николаем Ивановичем, размещался в особняке на улице Кирова, наискосок от нынешнего управления торговли Мосгорисполкома), — каждую неделю готовит чай или кофе для постоянных визитеров: Вернадского, Вавилова (с ним Бухарин был особенно дружен), Горбунова, Кржижановского — академики приходили к своему коллеге академику Бухарину; Сталин попросил Ягodu повнимательнее послушать, о чем они говорят: «Вполне возможно зарождение новой «Промпартии».

— В начале тридцатых годов, — продолжает между тем Александра Лаврентьевна, — Белова отправили в Германию, в военную миссию. А он был человек невероятной храбрости, почитайте «Мятеж», это ведь — во многом — о нем. Очень дружил с Фрунзе и Кировым, поэтому Сергей Миронович и пригласил его на должность начальника Ленинградского военного округа. Он никогда ничего не держал за пазухой, говорил, что думал: «Требую, чтобы не было произвола, — телеграфировал он в девятнадцатом году, когда служил в Туркестане, — не заливайте фунда-

мент социалистического общества кровью безвинных жертв...» Думаете, ему эти слова забыли? Сталин не умел забывать, это было против его натуры, он все помнил, все абсолютно... Так вот в Берлине Иван Панфилович переодевался в штатское и посещал собрания национал-социалистов, слушал выступления фюреров, вождей партии, — Гитлера, Штрассера, Геббельса, Рёма... Этот массовый психоз, этот черный расизм потрясли его. Он написал в Кремль Поскребышеву, просил передать Сталину: «Я сидел в двадцати шагах от Гитлера, когда он был на трибуне. Это — страшно. Это угроза цивилизации, начало звериной вседозволенности для вождя, который имеет право на все. Я могу попасть на его следующее выступление. Прошу санкцию на уничтожение этого злодея, который сплошь и рядом оперирует нашими лозунгами: «Все права рабочим и крестьянам, долой финансовый капитал, все на борьбу за счастливое будущее германской нации, прокладывающей путь человечеству в лучезарное завтра!»

Сталин письмо это прочитал, пожал плечами: «Анархистские замашки», Белова приказал отозвать в Москву; вскоре его, Сталина, личный эмиссар начал искать контакты с Гитлером и задействовал нацистский МИД, чтобы через него поначалу выйти на Геринга...

— Когда Иван Панфилович начал работать с Кировым, — продолжает Александр Лаврентьевна, — они целыми днями на границе пропадали, возвращались грязные, все в глине, ставили укрепления... Кстати, немцы с финнами так и не смогли эти укрепления преодолеть, разбились о Кировско-Беловскую линию обороны, а ту, что Сталин пытался делать после позорной финской кампании, разрезали, как нож — масло... Жили мы с Иваном Панфиловичем в Левашово, под Питером, кое-кто из стариков и поныне это место называет «Беловской дачей»... Как-то раз Белов говорит: «Знаешь, освободился дом рядом с Сергеем Мироновичем, приглашает нас перебраться». Я, понятно, обрадовалась: быть рядом с Кировым! Начала собирать вещи, как вдруг Белов говорит: «Не надо. Останемся здесь». — «Почему?» — «Не надо», — повторил он, а лицо — серое, глаза большие, замученные... И было это, если не изменяет память, после первого задержания Николаева, когда его отпустили — с оружием...

Именно в те дни Белов заторопился в Москву, в Наркомат обороны — к кому, не знаю. А когда возвращался, опоздал на поезд, догнал последний вагон по перрону, вспрыгнул, но заметил, как из кармана шинели выпала записная книжка. Дернул стоп-кран, книжку подобрал и — вновь в вагон. А тут паника: остановка «Красной стрелы» была ЧП, об этом немедленно сообщали Сталину — с тех еще пор, как Луначарский попросил задержать отправление на несколько минут, его жена опаздывала... Анатолию Васильевичу за это вроде бы выговор вкатили, Сталин такое не прощал — сам-то в своем

поезде разъезжал, вне всяческих расписаний... Прибежал начальник состава, накинудся на проводника: «Кто сорвал стоп-кран?!» Все молчат, растерянные. «Под суд пойдешь! В тюрьму упрячу!» Тут Иван Панфилович и сказал: «Не надо никого в тюрьму прятать. Стоп-кран сорвал я». А назавтра Сталин сказал Ворошилову: «Этот Пугачев еще и не то когда-нибудь сделает»...

...Помню, как в Москве уже — Ивана Панфиловича перевели командующим МВО — он рассказывал мне во время прогулки: «Знаешь, мне даже какою-то радостью доставляет грохотать сапогами по металлическим лестницам Кремля — сталинские охранники за пистолеты хватаются, каков поп, таков приход». А еще, помню, он долго-долго сидел над книгой «Гражданская война, 1918—1921», выпущенной ГИЗом в 1930 году, и лицо его было скорбным, порою растерянным даже...

Третий том этой книги вышел под редакцией А. С. Бубнова, бывшего главкома С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эйдемана. Книга эта — трагический документ, воистину. Например, тщательно разобранная — с военной точки зрения — Орловская операция Красной Армии в 1919 году перечеркивается в тиснутыми в петитом сноски: «Труд был сверстан, когда появилась работа К. Е. Ворошилова: «Сталин и Красная Армия», ГИЗ, 1929 (то есть немедленно после высылки из страны первого Председателя Реввоенсовета Республики Л. Троцкого). В книге (Ворошилова. — Ю. С.) дается ряд новых данных...»

Приводится там и письмо Сталина, отправленное с юга Владимиру Ильичу. Заканчивается оно следующими словами: «Без этого моя работа на южфронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право, или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на южфронте. Ваш Сталин».

Итак, запомним: атака на историю гражданской войны началась в 1929 году.

Но Бубнов, Тухачевский, С. Каменев и Эйдеман не могли и не хотели фальсифицировать историю. Ограничившись приведением сталинского письма и отрывков из книги Ворошилова, они продолжали следовать канве правды. Более того, они резко ударили Сталина — понятно, не называя его — в разборе польской кампании, когда войска Пилсудского захватили Киев, подписав договор с Симоном Петлюрой, и для борьбы с ними было создано два фронта — Западный, который возглавлял Тухачевский, и Юго-Западный, во главе которого был Егоров, а членом Военного совета — Сталин. Тухачевский рвался к Висленскому рубежу, а Егоров и Сталин повернули свои войска на Львов. Примечательно замечание авторов книги: «Согласно директиве (командующего Юго-Западным фронтом Егорова и Сталина. — Ю. С.) непосредственное содействие Западному фронту возлагалось лишь на численно слабую 12-ю армию...» В ряде книг

той поры приводятся свидетельства неподчинения Егорова, Сталина и командира Первой Конной Буденного плану Главкома Каменева о переброске конницы на помощь Западному фронту.

Буденный утверждал: «Переброску Первой Конной от Львова... нужно рассматривать как предсмертную конвульсию командзавфронта (Тухачевского.— Ю. С.). Директива командующего Западным фронтом о переброске... запоздала... Если бы командование Запфронтом не нервировало без нужды своими директивами о переброске конной армии, то... падение Львова было бы обеспечено...»

Как Тухачевский комментирует нервическое заключение своего оппонента? Он бесстрашно и открыто критикует себя: «Укажем и на те ошибки, которые следует отнести к командзапу (Тухачевскому.— Ю. С.). Командование Западным фронтом должно было дать еще более решительный бой в пользу своевременной подтяжки Первой Конной — даже тогда, когда Конармия еще не была ему передана. От его требовательности и настойчивости зависело, безусловно, очень многое. И вот этого в самый решительный момент операции командованием Западного фронта проявлено не было...»

(Примечательно: в тайных параграфах пакта «Риббентроп—Молотов» Сталин свел свои счеты с расстрелянным уже Тухачевским; Варшава была легко отдана Гитлеру, зато Львов отходил Союзу; воистину, Сталин ничего никогда никому не забывал.)

Александра Лаврентьевна говорит емко, красиво, при этом очень доверчиво:

— Знаете, я физически ощущала на своей спине взгляды Сталина, когда нас с Иваном Панфиловичем приглашали на приемы в Кремль. Он медленно шел по залу, окруженный своими близкими. Он шел демонстративно медленно, словно бы сдерживая тех, кто был рядом. Я обратила внимание на его глаза: желтые, тяжелые, неподвижные. Они испугали меня. Но я женщина, я чувствую больше, чем анализирую, я увидела в его глазах такое одиночество, такую затаенную тоску, что сказала Ивану Панфиловичу, когда мы вернулись домой: «Отвези меня к нему. Ну пожалуйста... И в грешнике есть частица святого, надо только докопаться до нее... Поверь, я смогу уговорить его остановить ужас происходящего...» Иван Панфилович отмалчивался, я настаивала. Тогда он тихо ответил: «Что ж, пожалуйста. Собирайся. Только заранее простись с детьми, родителями, с друзьями, со мною, наконец, — нас всех уничтожат, Шура, всех. В одночасье». Я потом только узнала, что Белов написал в письме Сталину, что необходимо организовать Наркомат оборонной промышленности, он ведь не зря в Германии работал, понял доктрину немцев: лишь техника решит исход будущей битвы. А Сталин? Он считал, что только конница Буденного и авиация гарантируют нам победу над любым врагом... Сталин прочитал записку Ивана Панфиловича, усмехнул-

ся, посмотрел ему в глаза: «Что, готовишь себе тепленькое местечко?» Он мерил всех своими мерками, этот человек... Хотя порою мне не под силу называть его человеком... Я помню, как Иван Панфилович возвратился с процесса над своими товарищами во главе с Тухачевским. Он был совершенно черный тогда. Сел к столу, попросил у меня бутылку коньяку, открыл его и выпил всю бутылку, не закусывая. А ведь он пил редко, крестьянский сын, бл ю л себя. А потом поманил меня к себе и прошептал: «Такого ужаса в истории цивилизации еще не было. Они все сидели, как мертвые. В крахмальных рубашках и галстуках, тщательно выбритые, но совершенно безжизненные, понимаешь? Я даже усомнился — они ли это? А Ежов бегал за кулисами, все время подгонял: «Все и так ясно, скорее кончайте, чего тянете...» Я спросил Якира — помнишь, сестра его жены была замужем за моим помощником по разведке: «А он тоже враг народа?» Якир даже не посмотрел на меня, ответил заученно: «Да, он тоже враг народа...»

...Судили Тухачевского два его недруга: маршал Егоров, командовавший Юго-Западным фронтом вместе со Сталиным, и Буденный; Блюхер и Белов были фигурами нейтральными, их и использовали... Было необходимо соблести декорум, — в этих вопросах Сталин был большим специалистом...

Впрочем, порою меня поражает то, что он вписывал или давал указания вписать в показания арестованных. Например, на процессе «Антисоветского троцкистского центра» Вышинский (а ведь он до сих пор покоится в Кремлевской стене, страшно — это то же, что захоронить там Гиммлера!), допрашивая одного из руководителей Кузбасса, бывшего рабочего, любимца Серго, ставшего «командиром тяжелой индустрии», — товарища Шестова, задал вопрос: «Где вы получили письмо Седова?» (Лев Седов — сын Троцкого, отправлен в 1938 году в Париже.— Ю. С.) Шестов: «Я получил его в ресторане «Балтимор». Вышинский: «Что же вам Седов сказал?» Шестов: «Он просто передал мне тогда — не письма, а, как мы условились, пару ботинок... В каждом ботинке было заделано по письму...»

Как же надо было презирать людей, какую власть надо было над ними забрать, чтобы разрешать себе такие кровавые шутки! Только кретины, а не конспиратор, может приносить в ресторан — да еще такой, как «Балтимор», — ботинки! Обмен письмами незаметен, ботинками — смехотворен!

Или, например, другой эпизод: допрашивая подсудимого Арнольда, Вышинский спрашивает: «Может, это нескромно, но я должен уточнить, где вы родились и фамилия вашего отца». — Арнольд: «Я родился в Ленинграде, фамилия моего отца Ефимов, а фамилия матери Иванова». — Вышинский: «Почему же вы Васильев, а не Петров?» (1) — Арнольд: «Потому что у меня крестный был Васильев...»

Потом товарищ отдал мне паспорт на фамилию Карл Раск... После я переименовал фамилию на Аймо Кюльпинен... А потом переименовал фамилию на Валентин Арнольд и поехал — из Америки уже — оказывать техническую помощь Советской России в Кемерово... — Вышинский: «А вы не были членом масонской ложи?» — Арнольд: «Был, когда я жил в Америке, я подал заявление и поступил в масонскую ложу... Я вступил в партию в 1923 году...» — Вышинский: «И в это время вы оставались масоном?» — Арнольд: «Да, но я никому об этом не говорил... Я должен был организовать теракты против Орджоникидзе, Молотова, Эйхе и Рухимовича...» (Серго, Эйхе и Рухимовича убили не троцкистские масоны, а Сталин. — Ю. С.).

— Вскоре после расстрела героев гражданской войны, — продолжает Александра Лаврентьевна, — Сталин вызвал Белова. В кабинете сидел Ворошилов. Сталин долго ходил по кабинету, а потом, остановившись перед Иваном Панфиловичем, спросил:

— Любишь меня, Белов?

А Иван Панфилович ответил:

— Вы ж не женщина... — Потом помолчал, нервы, видимо, сдали, и выдохнул: — Да как же вас любить, когда вы революцию погубили?

Сталин хлестанул его по щеке, обернулся к Ворошилову:

— А ты его на новую должность рекомендовал. Нехорошо...

Из сталинского кабинета Белова увезли в тюрьму. На расстрел его вели под руки, шел он, как каучуковый, подсакивал, все кости были переломаны.

Ну а потом пришла моя очередь... На стоялась в карцере: это каменный шкаф, повторяющий, как гипсовый слепок, фигуру человека. Стоишь, стоишь, потом теряешь сознание, оседаешь, тебя вытаскивают, обольют водой и — на место... В сортир не водили — все под себя... Стакан воды и кусок хлеба на день... Стой и думай...

Детей забрали в детприемник, туда моя мама поехала, а ей говорят, что моя трехлетняя дочка, Клементина, умерла от голода. Мама спрашивает: «А где хоть ее могилка?» А ей в ответ: «Будем мы еще вражеских змеенышей хоронить. Иди вон в ров, там их много лежит, раскапывай, может по костям родное определишь».

...А Мишенька Зощенко пришел в НКВД, сам пришел, никто его не вызывал: «С Иваном Панфиловичем я редко встречался, а за Шуручку кладу свое честное имя, отпустите ее, пожалуйста...»

Выпустили меня после расстрела Ежова. Тогда Берия набатывал себе имя «правдолюбец», ведь «товарища Сталина обманывали враги народа Ягода, Ежов и иже с ними». (Точное повторение и игры Гитлера: после того, как он расстрелял двух истинных создателей национал-социализма Рема и Штрассера, прошли расстрелы ветеранов партии, которые помни-

ли Мюнхен 1919, когда Гитлер еще не был фюрером; расстреляли что-то около тысячи человек. Фюрер рыдал; Геббельс комментировал: «Адольфа обманули еврейские плутократы». Подробнее об этом — в моих книгах о Штирлице; там достаточно подробно дается анализ структуры национал-социализма, его стратегии и тактики. — Ю. С.)

...Вышла я из внутренней тюрьмы — одна-одинешенька, ни кола, ни двора. Ютилась у случайных людей, узнала, что такое предательство, боялась попадаться на глаза знакомым: вдруг снова заберут?! Хотелось стать крошечной, незаметной. Вот когда люди начали всерьез мечтать о чуде человека-невидимки; только б никто не нашел, затанцует, — она вздыхает, — как это у Высоцкого? «Лечь бы на грунт...» Но — нашли; что-то, а находить у нас, — если захотят, — вмиг найдут. А исрал меня не кто-нибудь, а, как говорили тогда, «совесть партии» Матвей Федорович Шкирятов, председатель КПК, мерзавец из мерзавцев, палач и садист. Странно, отчего про него мало пишут, он же чудовище, фашистское чудовище, иначе и не скажешь...

Пришла я в КПК. Сидит этот карлик на краешке стола, глаза-буравчики, лицо дегенерата, смотрит на меня неотрывно, а потом — хлоп ладошкой по зеленому сукну и — фальцетом: «А ну рассказывай, как ты, потеряв бдительность, спуталась с врагом народа?!» А мне терять нечего, у меня день и ночь перед глазами моя кровиночка, трехлетняя доченька, замученная палачами, вроде этого... «Мы с тобой на брудершафт не пили, — отвечаю, — что это ты ко мне дружбой проникся, на «ты» перешел?» Шкирятов аж ростом стал еще меньше, скукожился, как от зубной боли, и тихо спросил: «Комиссию интересует все о ваших связях с врагом народа Беловым». А я ему: «С Иваном Панфиловичем Беловым я спала и детей ему рожала, а вы вместе с ним работали, на заседаниях Верховного Совета вместе сидели, что ж вы-то в нем врага не признали?!»

Понятно, исклружили меня из партии... Что потом было — рассказывать трудно, когда вспоминаю, сердце болит...

...Существует (пока что) две версии по делу наших легендарных военных.

Первая: РСХА во главе с Гейдрихом, зная болезненную подозрительность Сталина, подготовило фальшивки на Тухачевского и его соратников; это было нетрудно сделать, ибо почти все наши военачальники проходили обучение в Германии — после заключения договора в Рапалло, задолго до того, как к власти пришел Гитлер.

Документы подделывал штурмбанфюрер СС Науекс. После разгрома нацизма он дал развернутые показания об этой «работе».

Суть подделки: группа военачальников во главе с Тухачевским готовит военный путч против Сталина.

Гитлеру не была страшна военная доктрина Сталина: «Все решит конница и авиация». Гитлеру была страшна доктрина Тухачевского: «Только танковые и мотомеханизированные войска вкуче с авиацией могут гарантировать победу над агрессором».

Много лет — после XX съезда — считалось, что расстрел наших военных был победой службы Гейдриха. Кое-кто продолжает так считать и поныне: «Товарища Сталина обманули».

Вторая версия: по заданию Сталина и де я о путче советских военачальников была подброшена Гейдриху из Москвы — через белогвардейского генерала Скоблина, который затем таинственно исчез из Франции.

То есть, Гейдрих был лишь статистом в игре Сталина.

Есть и третья версия, которую большинство исследователей отвергают. Суть ее сводится к следующему: чекисты-дзержинцы, работавшие с тридцать четвертого в архивах царской охраны, чтобы наказать на Каменева, Бухарина, Пятакова, Рыкова, нашли документы, свидетельствующие о неблагоприятных поступках Сталина. Сообщили об этом своим единомышленникам-военным. Те начали готовить переворот, чтобы спасти страну от тирана: основателя к свержению Сталина якобы были абсолютны.

...В конце пятидесятых годов Лиля Брик и Катаян снимали две комнаты на даче на Николиной Горе. Однажды, гуляя по поселку, Лиля Юрьевна сказала мне:

— Весь тридцать шестой год я прожила в Ленинграде. Я тогда была замужем за Виталием Примаковым, командиром «червоного казачества» во время гражданской. И все это время я — чем дальше, тем больше — замечала, что по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели там до поздна... Может быть, они действительно хотели свалить тирана? Или тот играл с ними, организовав провокацию?

...За всеми участниками Особого Присутствия — сразу же после окончания кровавой трагедии — Ежов поставил слежку. Наладил прослушивание телефонных разговоров, перлюстрацию писем.

О результатах Сталину докладывали ежедневно.

Доложили и о том, что Егоров снял замкнулся в себе, сказал одному из близких: «Я оказался пешкой в грязной игре. Мне стыдно самого себя».

Смогли записать подобные же разговоры Ивана Белова.

Маршал Блюхер заметил командарму Штерну — во время боев против японских армий, вторгшихся в Монголию: «Это был кровавый фарс, но я не могу понять, отчего же они во всем признавались?! Отчего их лица были белые, словно мукой обсыпанные? Почему у них были чужие, мертвые глаза?!»

Егорова и Белова расстреляли после нечеловеческих пыток.

Блюхер — чтобы не выйти на процесс — выколол себе глаза в кабинете Берии и был там же убит.

Буденный одобрял исход процесса, показывал друзьям в лицах, как кололись Тухачевский и Якир.

Тем не менее и за ним были отправлены две машины — Берия решил, что убираться надо всех свидетелей, без исключения.

Семен Михайлович жил в Переделкино, на даче, жил, как в былые времена у себя в станице — с охраной, конюхами, егерями.

Когда его подняли с кровати — «чекисты приехали», — он, как был, в исподнем, бросился к окну, распахнул его и крикнул охране: «Пулеметы — товь!» И дал несколько выстрелов из маузера. Потом бросился к телефону, набрал номер Сталина: «За мной приехали! Буду отбиваться, это — ежовские последыши». Сталин — после долгой паузы, калькулировать он умел, — понял, что Семен не сдается так просто, как интеллигентички типа Тухачевского и Уборевича, поднимет своими пулеметами весь поселок, а там писатели живут, пойдут ненужные толки, понтересовался: «Сколько времени продержишься?»

Буденный ответил: «До конца буду отстреливаться, патронов хватит...»

— Ну держись, — усмехнулся Сталин, — попробую помочь.

Позвонил в Серебряный Бор, на дачу Берии:

— Заберите ваших людей от Буденного, пусть останется хоть один свидетель, один — всегда пригодится, я ему верю...

...Александра Лаврентьевна Белова проводила меня до двери — маленькая, очаровательная женщина с прекрасными голубыми глазами.

Вздыхнула, улыбнулась:

— Мишенька Зоценко носил золотую цепочку на левой руке. Как-то я ему сказала, что мечтаю вставить золотые зубы, — тогда было модно. Он снял свою цепочку, протянул ее мне: «Возьмите, Шурочка, только вам не пойдут золотые зубы, вы же такая красивая».

Она пожала острыми плечиками:

— Слушайте, вы можете понять тех, кто и сегодня кричит, что «Сталин — отец родной»? После того, как все открыли?! Хотя какое там «все»... Что это: психоз, упрямство или обида за прожитую жизнь, в которой место Бога занял человек с желтыми глазами дьявола? «Без Сталина мы бы не выиграли войну», — с горькой усмешкой она повториала что-то слова. — Без него, может, и войны-то бы не было, и уж выиграли бы мы ее не сталинским «пушечным мясом», а стратегией Тухачевского, Якира, Белова... Разве нет?

24

БЕЗ Сталина мы б войны не выиграли...
Бытующая и по сей день фраза эта ужасает меня глубинным презрением к себе и своему народу.

Такого рода персонификация фактов — трагическое наследство нашей абсолютистской истории.

Не будь Сталина — мы были бы частью гитлеровского рейха, так, что ли?!

Нет, не выдавили мы из себя по каплям рабов, далеко нам еще до этого...

«Биография» Сталина: «22 июня 1941 года гитлеровская империалистическая Германия грубо нарушила пакт о ненападении и совершила неожиданное, вероломное нападение на Советский Союз...»

Маршал Василевский. Книга «Дело всей жизни»: «С середины апреля 1940 я включился в работу над планом по отражению возможной агрессии... В плане предлагалось развернуть наши главные силы от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть, на участках Северо-Западного и Западного фронтов...»

После этого доклада начальник Генштаба Шапошников был снят со своего поста и перемещен на должность заместителя наркома обороны по строительству оборонительных сооружений; на смену ему пришел К. А. Мерецков, арестованный Сталиным на второй день войны. Почему же он был арестован и подвергнут нечеловеческим пыткам? В читаем ся в мемуарах Василевского:

«Как нам рассказал Мерецков, Сталин, касаясь наиболее вероятного направления потенциального удара противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны удар ... на юго-западе... В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки на Юго-Западном направлении...»

Гитлер ударил именно на Западном и Северо-Западном направлении, как предсказывал Генштаб во главе с маршалом Шапошниковым. Сталинская корректива работы военных стоила нам около ста тысяч убитых и более трехсот тысяч пленных в первые дни войны — именно на Западном фронте; надо было найти виноватого; им оказался Мерецков.

Василевский: «Оперативный план отражения агрессии был тщательно увязан с мобилизационным планом Красной Армии и страны в целом...»

Почему же Сталин — когда все знали о близком начале войны — отказался провести мобилизацию, а вместо этого 14 июня опубликовал Заявление ТАСС, которое демобилизовывало и народ, и его Красную Армию?..

Народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Кузнецов (для справки): «17 и 18 марта 1941 года немецкие самолеты были несколько раз обстреляны под Либавой. Что же делать, если агрессор нагледет? Меня вызвали к Сталину. В кабинете, кроме него, сидел Берия, и я понял, откуда дует ветер. Меня спросили, на каком основании я отдал распоряже-

ние открыть огонь по самолетам-нарушителям? Я пробовал объяснить, но Сталин оборвал меня. Мне был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение. Пришлось подчиниться».

Злополучное Заявление ТАСС о том, что все слухи о возможной агрессии Германии являются «вымыслом», адмирал Кузнецов комментирует:

— Надо было принимать чрезвычайные меры... Но, увы, этого не случилось... Мы решили больше не ждать указания, начали действовать сами... Балтийский флот 19 июня был переведен на оперативную готовность «номер 2»...

Маршал Василевский:

— Сталин явно промедлил с принятием решения на переход армии и страны на полный режим военного времени... Сталин не решался на это, исходя, конечно, из лучших (?) побуждений... Если бы наши войсковые части и соединения были своевременно отобилизованы, выведены на предназначенные для них планом боевые рубежи, развернулись бы на них... то можно предполагать, что уже в первые дни войны были бы нанесены такие потери противнику, которые бы не позволили ему столь далеко продвинуться по нашей стране, как это имело место... Сталин, оказывавший огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны, видимо, не смог правильно уловить этого переломного момента... То, что Сталин не смог вовремя принять решения, является его серьезнейшим политическим просчетом... В чем причины?.. Прежде всего в том, что наши разведорганы, как справедливо замечает маршал Жуков, не смогли в полной мере объективно оценивать поступающую информацию о военных приготовлениях фашистской Германии и честно, по-партийному докладывать ее Сталину... (Я уже писал, что несколько раз — работая над романами «Майор Вихрь» и «Семнадцать мгновений весны» — встречался с Молотовым.

— Неужели разведка не докладывала о приготовлениях Гитлера, Вячеслав Михайлович?

— Докладывала... Берия сообщил нам, что в германском посольстве в Леонтьевском переулке уже недолго идет дым из труб — жгут документы... Но раз избрана линия — надо было следовать ей до конца...)

Берия сообщал Сталину информацию группы Шандора Радо и Леона Треппера из Западной Европы — война начнется 22 июня. Сталин приказал прервать с ними связь: «Провокация англичан».

Советский военно-морской атташе в Берлине М. А. Воронцов назвал точную дату вторжения — его отозвали в Москву.

Нарком госбезопасности Эстонии сообщил, что 22 июня Гитлер выступит; его вызвали в Москву, но посадить «за клевету и панические слухи» не успели — Гитлер-таки действительно выступил...

Так что дело не в разведке, а в том, что Сталин уже давно стал диктатором, никто не смел ему возразить, его слово и

мнение сделались истиной в последней инстанции...

Адмирал Кузнецов утверждает, что получил разрешение наркома Тимошенко и начальника Генштаба Жукова применять оружие в случае нападения лишь в ночь 22 июня.

«Когда я возвращался в наркомат,— пишет адмирал,— меня не покидали тяжелые мысли: когда наркому обороны стало известно о возможном нападении гитлеровцев? Почему не само правительство, а нарком обороны отдал мне приказ, причем полуофициально и с большим опозданием?.. Смотрю на часы... 3 часа 15 минут... Вот когда началось! Набираю номер кабинета Сталина. Отвечает дежурный: «Товарища Сталина нет, и где он, мне неизвестно». — «У меня сообщение исключительной важности, которое я обязан передать лично товарищу Сталину...» — «Не могу ничем помочь». Опять звоню дежурному: «Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!» — «Доложу, кому следует». Через несколько минут слышу звонок: «Вы понимаете, что докладываете?» — Это Маленков... Около 10 утра 22 июня я поехал в Кремль. Решил лично доложить обстановку... В Кремле все выглядело как в обычный выходной день... «Наверное, руководство собралось в другом месте», — решил я. Не застав никого в Кремле, вернулся в наркомат...»

«Биография» Сталина этот период «деятельности великого полководца всех времен и народов» не комментирует, выделяя лишь «пророчество», высказанное в его речи от 3 июля о том, что за демократию вместе с нами будет сражаться Европа (читай — Англия) и Америка, то есть те страны, которые в течение полугодия тщетно предупреждали его о дате нападения Гитлера.

Василевский:

— Первоначальные неудачи показали некоторых командиров в невыгодном свете. Они оказались неспособными быстро овладеть искусством ведения современной войны, оставались в плену старых представлений...

(Я отношусь с глубочайшим уважением к нашим замечательным маршалам, героям Великой Отечественной. Но не могу не сказать о трагическом ощущении, которое не оставляет меня, когда я читаю их мемуары; все они пишут о том, сколько много в их жизни значили такие блистательные военачальники, как Тухачевский, Уборевич, Якир, Путна, Примаков, Корк, Белов, Алкснис... Но ни один из маршалов не произнес ни единого слова об их трагической судьбе — были люди, и нет их, как отрезало... А ведь когда писались мемуары, эти легендарные герои гражданской войны были уже реабилитированы. Кто же запретил нашим маршалам положить венок на их безымянные могилы?!

Почему никто из них прямо не сказал, что «старые представления» о современ-

ной войне культивировал именно Сталин?)

Василевский:

— Сталин исходил из того, что если боевые действия развоятся не так, как нужно, значит, необходимо срочно произвести замену (или расстрел: дело Павлова.— Ю. С.) руководителя. Однако такое отношение к кадрам в первые месяцы войны далеко не всегда давало положительные результаты...

...Одно из преступлений Сталина, приведшее к тому, что Красная Армия потеряла более шестисот тысяч красноармейцев, попавших в плен, и около двухсот тысяч, павших на поле боя, выполняя сумасбродный приказ Сталина, относится к трагедии на Юго-Западном фронте.

Об этом свидетельствует Василевский: — Вечером 7 сентября (за два месяца боев немцы уже оккупировали всю Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, вышли к Киеву и Ленинграду, заняли рубежи в районе Смоленска, потеряв при этом около четырех процентов своих солдат.— Ю. С.) Военный совет Юго-Западного фронта сообщил, что обстановка еще более осложнилась... Мы с Шапошниковым (его вновь вернули в Генштаб.— Ю. С.) пошли к Верховному с твердым намерением убедить его в необходимости отвести войска за Днепр и оставить Киев... Разговор был трудный и серьезный. Сталин упрекал нас в том, что мы пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того, чтобы бить врага, стремимся уйти от него... При одном же упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание...

...А далее следует поразительное признание Василевского, которое молнией высвечивает обстановку, в которой им, профессорам, приходилось работать: «Нам, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать вспышки этого неудержимого гнева...»

Видимо, дело тут не только в «твердости».

И Шапошников, и Василевский не могли не знать, что в эти страшные дни войны творилось в застенках, где пытали бывшего начальника Генштаба и будущего маршала Мерецкова, командарма Штерна (расстрелян.— Ю. С.), начальника ПВО Алксниса (расстрелян.— Ю. С.), дважды Героя Советского Союза Смушкевича (расстрелян; кстати, немцы, захватившие в Вильнюсе семью выдающегося летчика, героя боев в Испании и на Халхин-Голе, не расстреляли ее — хотя были обязаны: все евреи,— полагая, что эти заложники помогут им в случае нужды выменять на них какого-нибудь своего генерала, буде он попадет в русский плен.— Ю. С.).

Василевский продолжает:

— Вплоть до 17 сентября Сталин отказывался не только принять, но и серьезно рассмотреть предложения, поступавшие к нему от главкома этого направ-

ления, члена Ставки Г. К. Жукова, Военного совета Юго-Западного фронта и от руководства Генерального штаба.

(Какой главком, в какой стране мог позволить себе столь презрительно-высокомерное отношение как к докладам с мест кровопролитных боев, так и к позиции мозга Красной Армии, ее Генерального штаба?)

А ведь еще 13 сентября начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Тупилов сообщил Шапошникову: «Начало понятной Вам катастрофы — дело пары дней».)

Василевский: «Ознакомившись с этим донесением, Верховный Главнокомандующий спросил Шапошникова, что тот намерен ответить. И тут же сам продиктовал ответ: «Генерал-майор Тупилов представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия... Необходимо неуклонно выполнять указания т. Сталина, данные вам 11 сентября. В. Шапошников. 14 сентября 1941 года, 5 ч. 00 м.»

Примечательно: понимая возможность катастрофы, Сталин подписал эту шифровку фамилией Шапошникова — будет на кого свалить вину в случае краха.

Василевский:

— Только 17 сентября Сталин разрешил оставить Киев. В ночь на 18 сентября командование фронта отдало приказ отходить с боем из окружения. Однако вскоре связь штаба фронта со штабами армий и со Ставкой была прервана... 20 сентября погибли в бою (по иной версии, застрелились.— Ю. С.) комфронта М. П. Кирпонос, член Военного совета, секретарь ЦК КПУ М. А. Бурмистенко и начальник штаба В. И. Тупилов...

Тот самый, кого Сталин посмел обозвать «панкером»... А этот герой сердцем болел за жизнь красноармейцев, блестяще выполнял свой долг — под непрерывными бомбежками нацистов, без сна и отдыха — истинный патриот Отечества. Убежден, что эти военачальники заслуживают того, чтобы быть помянутыми в том Памятнике жертвам сталинского террора, который мы не можем не воздвигнуть: предательство Памяти — преступно и мстит новыми ужасами...

Василевский:

— Мне не раз приходилось слышать, что Генштаб в предвоенные годы мало уделял внимания укреплению обороны Ленинграда... Предвидел ли Генштаб возможность агрессии по побережью моря, через Прибалтику? Да, безусловно. И оперативным планом, разработанным Шапошниковым, были предусмотрены меры борьбы с врагом на этом направлении.

Однако же читатель помнит замечание Василевского, что Сталин требовал разработки лишь юго-западного варианта!

...Примечательно, что в «Биографии» Сталина ни слова не говорится о трагической блокаде Ленинграда, о мужестве осажденного города, о гибели сотен тысяч — от голода и холода.

Василевский: «В связи с обострением обстановки под Ленинградом (виною чему было, в первую очередь, упрямое самодурство Сталина; упрекать советских солдат — кощунственно.— Ю. С.) Ворошилов и Жданов были вызваны в Ставку. Разговор происходил на станции метро «Кировская». Верховный сурово обошелся с ними и потребовал разработать оперативный план защиты Ленинграда. Ворошилов и Жданов не выразили ни слова обиды на резкость тона...»

Почему?! Ведь им же было прекрасно известно, кто повинен в том, что Генеральному штабу было запрещено заниматься разработкой планов обороны Ленинграда накануне войны?! Где чувство собственного достоинства?! Верность правде?! Справедливости?!

В том-то и заключается преступление Сталина, что, начиная с 1924 года, когда от нас ушел Ильич, он планомерно и по-византийски виртуозно уничтожал всех, кто имел собственное мнение и не боялся его отстаивать под страхом быть объявленным «оппозиционером», «социал-демократом», после — «врагом народа», а уж засим — «диверсантом», «шпионом», «террористом», «фашистским наймитом».

Государственный страх сделался у нас нормой жизни; возражение Вождем каралось смертью; люди ломались, добровольно называя черное белым, лишь бы выжить!

Василевский:

— Ставка Верховного Главнокомандования (то есть Сталин.— Ю. С.) приказала войскам Волховского и Ленинградского фронтов нанести поражение вражеской группировке и снять блокаду с Ленинграда... В начале января 1942 года советские войска перешли в наступление. Но нас постигла неудача... В конце апреля 1942 года в Ставку прибыл командующий Ленинградским фронтом М. С. Хозин... Он предложил объединить войска Ленинградского и Волховского фронтов... Шапошников сразу же выступил против такого предложения. Сталин, наоборот, встал на позицию Хозина... Решение Ставки о ликвидации Волховского фронта оказалось ошибочным.

Благодаря этому своеволию Сталина, прошедшему, конечно же, безнаказанно, прорыв блокады Ленинграда был осуществлен лишь через год, в январе 1943-го, что стоило жителям города-героя сотен тысяч жизней.

...А что произошло весной 1942-го под Харьковом?

Генеральный штаб возражал против плана командующего Юго-Западным фронтом Тимошенко — тот поначалу намеревался вернуть Киев, но после категорического возражения Шапошникова скорректировал свои предложения: надо овладеть Харьковом и создать предпосылки для освобождения Донбасса.

— Шапошников стоял на своем, предлагая воздержаться от столь рискованной операции, — свидетельствует Василевский. Сталин, однако, дал разрешение Тимошен-

ко на проведение этой операции и приказал Генштабу ни в какие вопросы по ней не вмешиваться... 12 мая, то есть в разгар неудачных для нас событий в Крыму, войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. Сначала оно развивалось успешно, и это дало повод Верховному бросить Генштабу резкий упрек, что по нашему настоянию он чуть было не отменил удачно развивающуюся операцию. Но уже 17 мая ударная группировка противника перешла в контрнаступление... С утра 18 мая обстановка для наших войск продолжала ухудшаться... Мне позвонил член Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущев. Он сообщил, что Сталин отклонил их предложение о немедленном прекращении наступления, и попросил меня еще раз доложить Верховному об их просьбе. Я ответил, что уже не однажды пытался убедить Верховного в этом... Сталин отклонил мои предложения... Поэтому я порекомендовал Хрущеву, как члену Политбюро ЦК, обратиться непосредственно к Верховному... Вскоре Хрущев сообщил мне, что разговор с Верховным — через Маленкова — состоялся, что тот подтвердил распоряжение о продолжении и наступления... 19 мая ударная группировка вышла в тыл советским войскам, и только тогда Тимошенко отдал, наконец, приказ прекратить дальнейшее наступление на Харьков... Но, к сожалению, состоялось оно слишком поздно: три армии Южного и Юго-Западного фронтов понесли тяжелые потери. Погибли командарм-57 генерал-лейтенант К. П. Подлас, начальник штаба генерал А. Ф. Анисов, член Военного совета бригадный комиссар А. И. Попенко, командарм-6 генерал-лейтенант А. М. Городнянский, член Военного совета бригадный комиссар А. И. Власов, командующий армейской группой генерал-майор Л. В. Бобкин и заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко. Из окружения сумела выйти лишь меньшая часть нашей ударной группировки во главе с членом Военного совета этого фронта дивизионным комиссаром К. А. Гуровым и начальником штаба 6-й армии А. Г. Батюней.

...Ни об одном из этих героев нет ни строчки в «Советском энциклопедическом словаре». Какова судьба тех, кто вывел наших бойцов из окружения? Что с ними стало?

«Энциклопедический словарь» вышел в 1981 году, когда начальником Главного политического управления Советской Армии был Епишев: ему нашлось место на страницах этого издания. Увы, среди перечисленных должностей, занимавшихся им, не упомянут пост заместителя Министра внутренних дел, коим являлся Л. П. Берия. Может быть, именно поэтому наши полководцы не могли написать правду о гибели своих учителей — Тухачевского и тех, кто разделил с ним трагическую судьбу?

Василевский заканчивает так:

— В результате этих неудач, обстановка и соотношение сил на юге резко измени-

лись в пользу противника. Изменились, как видим, именно там, где немцы наметили свое летнее наступление. Это и обеспечило им успех прорыва к Сталинграду и на Кавказ.

К сожалению, и в 1978 году, когда вышла книга маршала, ему приходилось — не в такой, правда, мере, как Крупской, — шифровать свою концепцию; умело стыкуя фразы, используя искусство логического монтажа, Василевский обращался к тем, кто умеет читать. Проанализируйте его абзац: «Я пишу все это не для того, чтобы в какой-то степени оправдать руководство Генштаба. Вина ложится и на его руководителей, так как они не оказали помощь Юго-Западному направлению, хоть нас отстранили от участия в ней»...

Но как же они могли оказать помощь, если их отстранил лично Сталин?!

...Ах, если бы Жуков, Василевский, все наши маршалы дожили до сегодняшнего дня! Как много бы они смогли сказать нам!

...Советский народ потерял — в результате преступного самодурства Сталина — более ста тысяч убитыми и не менее полумиллиона пленными в районе Харькова.

Столько же — под Ленинградом, во время авантюры с объединением фронтов.

Кто же был в этом виноват? Конечно, начальник Генерального штаба Шапошников! Сталин никогда, ни при каких условиях своих ошибок не признавал!

Василевский:

— По настоянию врачей, Шапошников обратился в ГКО с просьбой перевести его на менее ответственную и более спокойную работу. Просьба была удовлетворена.

Это произошло сразу же после харьковской катастрофы. Очередной «виновник» был найден и нейтрализован — все по-сталински, исподтишка, коварно... А ведь было тогда этому «большому» маршалу всего шестьдесят лет, на три года моложе Сталина...

...В воспоминаниях о войне много пишется о самообладании Сталина — естественно, после первой недели депрессии, когда он впал в шоковую протрацию и самоуклонился от всякой работы.

Когда — под нажимом членов Политбюро (пастве нужен пастьер, нам нельзя без вождя) — Сталин вернулся в Кремль, его первым актом был расстрел генерала Павлова: опять же главное — найти виновного, на которого следует свалить вину за поражение.

Не «воля» Сталина, а героизм народа, ставшего на защиту Родины, ее гигантских пространств, заставили диктатора обрести себя; впрочем, иного выхода у него не было: для него речь шла о сохранении режима личной власти...

Уж если и говорить о самообладании лидера, то нельзя не вспомнить Черчилля: в течение тринадцати месяцев, — с мая 1940-го, когда Гитлер вошел в Париж

и его офицеры наносили визиты вежливости в советское посольство, и по июнь сорок первого, когда Гитлер обрушился на Советский Союз, — сэр Уинни возглавлял единственную страну на европейском континенте, продолжавшую войну против гитлеризма. В самые ужасные месяцы бомбардировок нацистов, когда Лондон горел, превращаясь в руины, Черчилль говорил англичанам: «Мы будем продолжать войну против нацистского агрессора, даже если нам придется — под его натиском — уйти в Канаду! Все равно победа демократии над тиранией неизбежна!»

...Что касается «Биографии» великого полководца, на совести которого миллионы жизней наших бойцов (о чем предельно ясно свидетельствуют мемуары маршала Василевского), то изучение «военного периода деятельности генералиссимуса» начинается лишь после 1943 года, когда подвиг народа сделал Победу неотвратимой.

О наших военачальниках, об их роли в битве под Москвой, в Севастополе, Ленинграде, на Волге, под Курском — ни слова; приводят лишь один список, который открывает Булганин, отнюдь не Жуков; адмирала Кузнецова нет и в помине — он в это время сидел в тюрьме, под пыткой, как «английский шпион»; впрочем, попал в этот список генерал армии Горбатов — не успели исключить, потому что забрали его, когда уже «Биография» поступила в продажу...

...Итак, без Сталина мы б войны не выиграли?!

Внимательно прочитайте воспоминания Георгия Константиновича Жукова.

Остановитесь на том пассаже, где маршал описывает, как он приехал на Малую землю для того, чтобы посоветоваться с полковником Брежневым.

Одна эта фраза сделает для умного читателя понятным, в каких условиях Жуков писал свой труд. Он поймет всю противоестественность его рассказов о Якире, Тухачевском, Примакове, Путне: были «выдающиеся полководцы», «чудесные люди», «патриоты нашей Советской Родины» — и нету! Ни слова о том, как они были расстреляны. Неужели Жукову нечего было сказать о них?! Горькую правду он унес с собою, пепелящую внутреннюю трагедию — ведь строки с кровью убивают, нахлынут горлом — и убьют...»

...Маршал Мерецков в своих «Воспоминаниях» не написал ни единого слова, как его пытали, выбивая самооговор и вздорные показания на его друзей по Красной Армии. Полно, а может написал? Но где они, эти главы? Если уничтожены, следует восстановить по воспоминаниям тех, кто был ему близок — пока не поздно!

Маршал Рокоссовский ни единым словом не обмолвился о том, как и за что он провел долгие месяцы в одиночках и камерах ежовско-бериевских застенков. Почему? Кто запрещал? Или запрет высказывался в форме безликого мнения?

Может быть, и эти ветераны Красной Армии неосторожно обмолвились, что войну мы не могли не выиграть, ибо это была великая война Народа, а Народ, воистину, бессмертен.

Помните Чехова! Повторяйте его трагические слова о необходимости выдавливать из себя по каплям ужас нашего векового рабства!

Рабу нужен помазанник, Верховный, тот, который освобождает от необходимости думать и принимать самостоятельные, то есть личные решения.

И не будем отказываться от основополагающего жизненного принципа Маркса: «Подвергай все сомнению».

Из этой позиции высекается не скепсис или неверие, но Правда.

25

В БАКУ, летом шестнадцатого года, в клубе молодых литераторов встретились и подружились четыре юноши: Мирджафар Багиров, Всеволод Меркулов, Евгений Думбадзе и Лаврентий Берия.

Спустя сорок лет, когда бывшего первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Багирова конвоиры ввели в битком набитый зал суда, где заседала выездная сессия, председательствующий, заняв свое место за зеленосуконным столом, коротко бросил:

— Прошу садиться.

Зал стоял, замерев; взоры собравшихся — скорбные, дружелюбные, понимающие — были обращены на того, кого помели назвать «обвиняемым».

Председательствующий посмотрел в зал и увидел в глазах людей ненависть, обращенную против него, приехавшего судить легендарного Мирджафара, гордость республики, верного ученика товарища Сталина, оклеветанного безграмотным и завистливым мужиком, Никитой Хрущевым.

— Садитесь, — повторил он чуть громче.

Зал продолжал стоять.

Молча стояли и десятки тысяч бакинцев возле тех приемников, которые были установлены в городе, чтобы транслировать судебное заседание — ко всеобщему сведению.

— Прошу садиться, — в третий раз произнес судья, и снова зал не шелохнулся.

И тогда Багиров — в своей обычной «сталинке», чуть осунувшийся, но улыбочивый, чуть поднял руки и сказал по-азербайджански:

— Отр...

Это значит — «садитесь».

И зал, словно бы потянувшись к нему влюбленными глазами, выполнил его просьбу.

Первый день процесса был проигран прокурором; Багиров безучастно слушал слова обвинительного заключения, кому-то из сидевших в зале дружески кивал, кого-то, чуть хмурясь, старался вспомнить; все происходившее, казалось, не имело к нему никакого отношения.

Лишь на второй день, когда стали вызывать свидетелей обвинения — в основном, женщин, подвергнутых пыткам и на-

силию, чтобы сломать их мужей, ветеранов ленинской партии, — когда эти несчастные, сломанные, давно уже потерявшие себя, глухо рассказывали о том ужасе, что им пришлось пережить, настроение сломалось, в зале начались истерики.

Багиров скукожился, хрустел пальцами, кусал губы; в последнем слове, когда увидел, что в глазах тех, кто еще три дня назад боготворил его, загорелась ненависть, прошептал:

— Меня не расстреливать надо, а — четвертовать...

В камере, накануне расстрела, сказал прокурору:

— Самое страшное заключается в том, что я совершенно не помнил тех эпизодов, что рассказывали несчастные... Я забыл, понимаете? Как забывают дело, выполненное после получения приказа, который, как известно, обсуждению не подлежит... Поверьте, я не помню ни одну из этих женщины, ни одну... Нет мне прощенья, какое счастье, что ужоу из жизни, спасибо вам.

...Меркулова расстреляли в один день с Берией; интеллект, он вместе со своим соавтором (тоже покойным) написал в июле сорок первого года пьесу «Инженер Сергеев»; поставили в филиале Малого, гнали день и ночь; «товарищ Всеволод Рокк» — таков был его псевдоним — приезжал на репетиции вымотанный до крайности: надо было «закрывать» дело командармов Алксниса, Мерцкова, дважды Героя Советского Союза Смушкевича, Рычагова, Штерна; здесь, в театре, отдыхал, расслаблялся, получал «зарядку» творчеством замечательных мастеров русской сцены: героем его пьесы был беспартийный патриот, старый русский интеллигент, начавший борьбу против нацистов, актерам понравился образ, работали самозабвенно.

Мягкий и тактичный, Меркулов советы давал ненавязчиво, интересовался, какие реплики неудобны актерам, здесь же, в зале, вносил поправки золотым пером тяжелого «монблана».

После возвращения в кабинет чувствовал себя помолодевшим: с арестованными, которые пытались отрицать вину, работалось легче; вида пыток он не переносил; когда начинали работу специалисты, уходил из камеры; легче всего ему давалась эмоциональная часть, заключительная, когда изувеченного человека надо было приободрить, вдохнуть в него веру, доказать, что признание вины — долг коммуниста, патриота Родины, ведущей борьбу с кровавыми агрессором...

Евгения Думбадзе — когда он эмигрировал, понял, что такое Берия, — убили по приказу давнего «друга и брата» в Париже; а ведь сидели за одной партией в бакинском «Техникуме» — так тогда называли «Высшую школу Механики и Конструкций», — вместе читали Маркса и Ленина; запрещенную литературу приносил Всеволод Меркулов: «Надо учиться владеть толпой; теория даст нам силу, что-

бы повести за собою сирых и слабых, нуждающихся в Мессии»...

Лаврентий Берия, присланный на учебу в Баку сухумским меценатом Еркомишвили, держал запрещенную литературу в своей комнате — средств хватало на то, чтобы жить отдельно, благодетель помогал щедро. Один из старших друзей Берии, безымянный и незаметный, постоянно засиживался за полночь, читая Ленина, Маркса, Жордания, Троцкого — дядя Авель Янукидзе, подвижник Революции, давал Берии самые интересные брошюры на грузинском языке.

Старший товарищ Берии был сотрудником охраны; используя эту дружбу, жандармы знали все, что происходит в «Техникуме».

Пороку «товарищ» подбрасывал юноше деньги: «Лаврентий, запомни — революция против пуританства; ее спутники — поэзия и любовь; потом отдашь червонец, не думай об этом, пустяки, станешь архитектором — озолотишься...»

После Февральской революции, не став сдавать выпускные экзамены, видимо, опасаясь, что разоблачение «старшего товарища» (дурак не поймет, что дружил с осведомителем) может ударить и по нему, Берия сообщает друзьям, что добровольно уходит в армию: вести «пропаганду среди солдат». Он доехал до Ясс, но вернулся в Баку вскоре после победы Октября, когда меньшевики в Грузии провозгласили республику, а во главе ее стал приятель Сталина — Чхеидзе.

— Я должен внедриться в их партию, — сказал Берия Сергею Орджоникидзе, прибывшему тогда в Баку. — Я знаю, как бороться с врагами изнутри.

И он получил санкцию на вступление в меньшевистскую партию — чем больше версий и слухов, тем затаеннее правда...

...В Тбилиси он расчетливо подставился — намеренно засветил себя, выдавая за агитатора, — и был посажен в тюрьму как большевик.

Это снимало с него все подозрения, которые могли возникнуть в Баку, если бы кто-то всерьез занялся материалами охраны; не занялись; это дело профессуры, ученых, а их тогда отринули; впрочем, те и сами отнюдь не стремились сотрудничать с Лениным, Троцким, Каменевым, Зиновьевым и Луначарским.

За его освобождение боролись — «юноша рискует жизнью»; он был депортирован из Грузии, в Баку встретили как героя.

Именно в то время к нему примкнули новые друзья — Гоглидзе, братья Кобуловы, Деканозовы. С ними он прошел жизнь, с ними его вели на расстрел, который наблюдал Конев: маршал получил эту привилегию потому, что именно в кабинете Берии был убит его учитель — Блюхер.

Когда в Баку вступили англичане, Меркулова, Багирова и Гоглидзе посадили — были достаточно активны в своей революционной позиции; перестукивались в камерах Баилловской тюрьмы, искали, где «лидер», Лаврентий.

А Лаврентий спокойно пришел в «Тех-

никум» и приступил к сдаче экзаменов — оккупанты его не тронули, потому что списки на аресты составляли бывшие офицеры охраны...

Перед тем, как в Баку вошла Красная Армия во главе с Кировым и Орджоникидзе, архивы запалили; в тот же день Берия сформировал первое Бюро комсомола Азербайджана: Багиров, Думбадзе, старший Кобулов и Деканозов.

(Именно Деканозов был послом Сталина в Берлине; имел встречи с фюрером, Розенбергом, Герингом, Риббентропом и Гессом; всячески крепил «содружество между двумя великими народами и идеологиями»; был первым, кто сообщил Гессу, что на партконференции ВКП(б) из состава ЦК выведены Жемчужина и Литвинов — «мы сближаемся и в национальном вопросе; дайте время, у нас не будет принципиальных разногласий».

Когда его вели на расстрел, плакал и терял сознание, молил о пощаде.

Генерал Павел Мешик, которого казнили вместе с ним, плюнул себе под ноги: — Не позорься!

И — запел «Интернационал». Не все враги — тряпки, умереть достойно — не легкая штука.)

...Как только Советская власть пришла в Грузию, туда срочно прибыл Сталин; отправился в депо, к рабочим, которые, он был убежден, поддержат его; обратился по-русски; рабочие закричали:

— Говори на нашем языке, ты ж грузин!

— Я говорю на языке русской революции! — отрезал Сталин.

Дружеского собеседования не получилось; Сталин был раздосадован; ночью шестого июля двадцать первого года в ЦК был организован банкет; Буду Мдивани, как герой борьбы против меньшевиков, предложил, чтобы Сталин стал тамадой. Первым зааплодировал Берия, сопровождавший его повсюду.

Сталин словно бы не заметил этого, однако вскоре прислал шифровку из Москвы, предлагая назначить Лаврентия Берия председателем ЦК Грузии.

Серго ответил:

— Рано еще... Пусть поработает в Азербайджане.

Поначалу его назначили шефом отдела безопасности; Берия бросился к Алеше Сванидзе, родственнику Сталина, брату его первой жены...

(Перед расстрелом люди Берия предложили Сванидзе: «Признайся во вредительстве, в этом случае товарищ Сталин обещал помиловать тебя». Сванидзе молча покачал головой. Его расстреляли; выслушав эту историю, Сталин усмехнулся: «Какой гордый, а?»)

Сванидзе позвонил Буду Мдивани и Махарадзе; после их нажима Берия прибыл в Баку не только заместителем председателя ЦК, но и начальником отдела «секретных операций» — все архивы теперь были в его руках...

Сделав то, что следовало, собрав наиболее уникальные документы — не

только о себе самом, понятно, — он был командирован в Грузию; расстрелял благодетеля Ерконишвили — «не мог буржуи помогать революционеру»; провел массовые расстрелы грузинских социал-демократов, стоявших когда-то на меньшевистских позициях, доложил об этом лично Сталину, был назначен начальником Грузинской ЧК и — по представлению Иосифа Виссарионовича — награжден орденом Красного Знамени.

А совершенно необходимым Сталину он сделался в тот день, когда в Сухуми приехал больной Троцкий — зимой двадцать четвертого. Каждый шаг Предреввоенсовета и члена Политбюро немедленно сообщался Сталину; от него и была получена санкция на «процупывание» (читай — провокационные разговоры) «человека номер два».

Именно Лаврентию Берии и поручил Сталин в двадцать девятом негласно наблюдать за выдворением Троцкого в Турцию.

Именно ему Сталин поручил уничтожить старого большевика Алексея Гегечкори — тот отзывался о диктаторе без должного пиетета, в воспоминаниях ничего не написал о «выдающейся роли Кобы»; сфабриковали дело о растрате; Берия приехал к «старшему другу», предложил дилемму: суд или самоубийство — с последующими торжественными похоронами.

Гегечкори был первой жертвой Берии — из числа большевиков-ленинцев.

Тридцать первый год, массовая коллективизация, Гегечкори — народный комиссар земледелия Грузии; «виновник перегибов» — назван; наглядный урок Хозяина, как надо страховать возможные поражения в тактике.

Следующим был уничтожен Котэ Цицнадзе — последний из оставшихся в живых друзей Камо, работавший с ним до революции; Берия отправил в Кремль рукопись воспоминаний Котэ о Камо — и в них про Сталина не говорилось ни слова.

Сталин отправил Котэ телеграмму: «Жду в Кремле, подготовил для тебя новую работу. Сердечный привет. Коба».

Котэ выехал в Москву, оттуда был отправлен в ссылку, где и умер.

Это было в 1932 году.

В благодарность за верную службу Сталин сделал своего молодого друга первым секретарем ЦК Компартии Грузии.

Получив от Сталина приказ установить тотальную слежку за народным комиссаром внешней торговли Розенгольцем, которого исподволь готовили на процесс — вместе с Бухариним и Рыковым, — Берия делает это по-своему: он насилует, при помощи двух своих охранников, восемнадцатилетнюю дочь наркомана, Лену. Девушка кончила жизнь самоубийством; ее тело выбросили на шоссе и по ней прокатил «Линкольн» — несчастный случай.

У Розенгольца остался сын, маленький еще мальчик — на нем потом и играли, сломить было нетрудно, трагедия с дочерью постоянно рвала сердце...

В ночь, когда застрелили Серго, его старшего брата — старого большевика Папулия Орджоникидзе — пытали в кабинете Берии, здесь же и застрелили; перед смертью Папулия выхаркнул кровь на роскошный том «К истории большевистских организаций Закавказья» — шедевр Берии как литератора и историографа.

Тем не менее тучи над его головой сгустились; после того, как Сталин вписал в показания героя гражданской войны Серебрякова: «шпионы» готовили террористический акт против выдающегося ленинца» товарища Берии, — народный комиссар внутренних дел, «совесть партии» Николай Иванович Ежов понял: вот он, конкурент!

И — отдал приказ на арест Берии.

Будучи от природы человеком узкого кругозора, истинный выдвигенец Сталина, в партию вступил после Октября, опыта борьбы не имел, — пытки ленинцев в подвалах не в счет, садистские развлечения, а не опыт, — Ежов отправил ордер на арест наркому внутренних дел Грузии Гоглидзе.

В тот же час Берия, меняя маршруты своего поезда, составленного из четырех «пульманов», выехал в Баку, оттуда — потаенными ветками — рванул к Москве: зеленый свет дал Каганович; не мог простить Ежову убийства братьев, боялся за себя, понимая, что на очереди все те, кто знал Сталина до революции.

(Об одном из героев моего романа «Бриллианты для диктатуры пролетариата» Савельеве-Шелехесе Лазарь Моисеевич заметил, странно усмехнувшись: «чистый был человек, тоже попал в нашу мясорубку, мог бы работать и работать, настоящий большевик».)

Сказав про «мясорубку», Каганович показал своими большими руками, как вертели эти жернова, в которых хрустко перерезались шейные позвонки братьев, жен, ближайших друзей, героев страны, подвижников революции; сказав так, он, вздохнув, усмехнулся, хотел что-то добавить, но — внезапно замкнулся.)

В Москву Берия приехал в час ночи, подгадал, что Сталин еще в Кремле, — текущую работу закончил, готовится к завтрашнему дню; Берия запомнил, как в Тбилиси, в двадцатых, в день их первой встречи, проводив его в особняк, поинтересовался, когда делать завтрак и что приготовить для работы, Сталин усмехнулся: «Бог даст день, Бог даст пищу... Тут не работать надо, а пахать... Всю Грузию надо — после меньшевиков с их паршивой независимостью — перепахивать: с потом и кровью... Ишь, почему я не говорю с ними по-грузински?! — вдруг обратился он к какому-то невидимому собеседнику. — Пусть сами учат русский! Не захотят — заставим; насилие — в определенных ситуациях — тоже путь к счастью...»

Из Москвы Берия практически не уезжал — был назначен заместителем Ежова, постепенно перевел сюда свою гвардию — Меркулова, Деканозова, Гоглидзе, братьев Кобуловых — с ними как за каменной стеной; расстрел Ежова провел спокойно:

малыш метался по камере, молил о встрече с «дорогим Иосифом Виссарионовичем», был быстр, как зверь, пули, казалось, его не брали, хотя «сталинка» сделалась бурой и ощущимой теплой от крови...

Провел несколько показательных процессов против ежовцев, расстрелял «врагов народа, нарушавших социалистическую законность, поднимающих руку на лучших ленинцев», выпустил из тюрьмы около семи тысяч человек; в стране пошли разговоры: «Что значит, пришел человек Сталина! С ужасом тридцать седьмого покончено раз и навсегда, правда восторжествовала!»

Никто, правда, не знал, что накануне его назначения наркомом, расстрельщики работали днем и ночью, подчищали камеры, уничтожая тех, кто не станет молчать, когда выпустят...

Затем Берия перенес свою деятельность за рубеж: организовал убийство Троцкого, вызвал из Германии всех советских разведчиков и расстрелял их в подвале — даже не допросив: надо было крепить дружество с Гитлером не словом, но делом; запретил Шандору Радо все контакты с его друзьями-антифашистами в Европе.

(Шандор Радо, руководитель советской разведывательной группы в Швейцарии, передававший в Москву, Берии, сообщения о том, что говорил Гитлер на совещаниях в Ставке через час после того, как Кейтель объявлял заседание закрытым, был арестован на московском аэродроме.)

— Я ведь в «шарашке» сидел, — рассказывал мне Радо, — но ее Солженицын не совсем верно описал, его же среди нас не было, в «шарашке» держали только членов партии, ученых с мировыми именами. Берия к нам приезжал довольно часто, кое с кем из зеков здоровался за руку, интересовался работой, особенно слушающей техникой, так что наивные включения ваших свободолюбцев, пускавших на всю мощь радио, чтоб их не записали, уже тогда было фикцией: мы научились отделять шепот говоривших крамолу от музыки или голосов дикторов... Берия высоко оценил нашу работу — прибавил питание, приказал продавать не только маргарин, но и сливочное масло.)

Отправил послом к Риббентропу своего старого и верного друга Деканозова; немедленно сажал тех, кто осмеливался говорить о возможном нападении нацистов: «Я не разрешу травмировать Хозяина паникерскими разговорами маловеров!»

Именно он в ночь на двадцать третье июня арестовал тех военных, которые должны быть объявлены виновниками нашего отступления — ими оказались как раз те, кто был тревогу по поводу неминуемости агрессии: Рычагов, Смушкевич, Штерн, Мерецков...

Именно он — в пятидесятых уже — чувствуя, что Сталин отодвигает его от органа, наладил свою личную слежку за каждым шагом Хозяина: Саша Нака-

шидзе, работавшая в доме генералиссимуса, сообщила ему о том, когда, кто и сколько раз звонил Хозяину, о чем с ним говорил, кого он приглашал, сколько времени проводил за столом с гостями, как на кого глядел, кого чем угощал.

Поняв, что с ним может произойти то же, что случилось с Вознесенским и Кузнецовым, что готовилось против Молотова, Ворошилова (английский шпион) и Микояна, внес в «дело врачей» свой поворот: его агенты в Кремлевской больнице отменили все те лекарства, к которым привык организм генералиссимуса за тридцать лет. Маленького, одинокого, рябого старика, полного новых замыслов — процессы в России, продолжение чисток в Праге, Варшаве, Софии, Будапеште, Берлине, Бухаресте, Тиране, начало нового курса в Пекине, устранение Тито, — начали продуманно и методично убивать лучшей фармакологией, привезенной из-за рубежа «для укрепления здоровья самого великого человека нашей эры».

В свободное от работы время Берия отправлял своего порученца полковника Маркисова на «вольный поиск»: тот привозил ему девушек с улиц или же сановных матрон; Берия был галантен, девицам дарил облигации, которые должны были выиграть пять тысяч рублей; с актрисами «расплачивался» Сталинскими премиями.)

Когда Берии позвонили с Ближней дачи, что Сталин не откажется на звонки, он приехал туда, сострадающе посмотрел на растерянных Молотова, Кагановича и Булганина, обернулся к охранникам:

— Ломайте дверь!

...После ареста Берия был объявлен английским и югославским шпионом.

Смешно, конечно, со сталинизмом бороться сталинскими методами: через два года Хрущев, Булганин и Микоян отправились в Белград к товарищу Тито — извиниться за произвол генералиссимуса; о «шпионе» Берии не вспоминали, полагая, что люди уже все забыли.

Народ все помнит, только говорит редко, отучили его говорить, зато предметно объяснили, как следует таиться...

О чем же говорит судьба Берии?

Во-первых, о том, что принцип подбора кадров «под себя» неминуемо кончается трагедией. Гарантия тому — капризная секретность выбора, да и сама одержавность самого посыла.

Во-вторых. Если по-прежнему в наших учреждениях останутся отделы кадров — возможен приход новых Берий и Абакумовых, ибо в задачу нынешних кадровиков не вменяло искать по стране Личностей, но лишь проверять надежность а и к е т тех, кто им спущен сверху: естественный отбор талантов подменяется искусственным созданием покорной номенклатуры.

Традиция показушной «личной преданности», столь характерная для нашей многовековой истории, обходится в дискуссиях о будущем стыдливым молчанием: видимо, по сию пору не хотят заде-

вать традиции, а они ведь разные, традиции-то...

В-третьих. Если мы не научимся участвовать в открытой конкуренции политиков, выраженной платформой, встречами с избирателями — не для бурных оваций, а для деловых дискуссий, следствием которых будет не арест, но корректировка общей линии, — традиция посмертных реабилитаций станет нашей самой устойчивой внутривнутриполитической традицией.

В-четвертых. Если новые общественные организации — а они неминуемо родятся! — не обретут конституционных форм и гарантий, права на выдвижение собственных кандидатов в депутаты, права на издание своих бюллетеней, дискуссионных листов, а еще лучше газет, программ на ТВ и радио, боюсь, что новые процессы, типа «каменевского» или «бухаринского», неминуемы.

В-пятых. До тех пор, пока живет культивировавшаяся Сталиным зависть к Личности, ставка на мнение безликой, неперсонифицированной массы, заранее спланированное и проработанное наверху, право на подсматривание в замочную скважину, целый институт доносов, — трудно надеяться на стабильность.

В-шестых. Ленин однажды обмолвился, что нэп есть одна из форм борьбы с советской бюрократией. Вне кооперации нэп немислим; много лет слово «нэп» считалось ругательством; вот она — подмена понятий! Новая экономическая политика — какой же это позор?!

Диктатуре личности страшны сытые люди с чувством собственного достоинства — их не так просто обратить в рабство.

Нынешние попытки душить кооперативное движение (то есть, раскрепощение Человека) удобны той бюрократии, которая не умеет жить без Берии, «верного ученика и соратника» Сталина, — без управителя с хлыстом в руке.

Требуй «железного порядка», сталинисты — в силу своей ограниченности — не понимают, что по логике их же кумира именно их первыми бросят в подвал, а после процесса, где они признаются в участии в любом заговоре, — расстреляют.

Шахматы тренируют ум; перестановка офицеров сулит выигрыш позиции, правильная дислокация туры обеспечивает безопасность короля на поле.

Тем не менее проекция шахмат на политику — трагична и рискованна: не только каждый солдат, но и любой офицер сам мечтает стать королем.

Побеждает тот лидер, который имеет право свободного выбора среди Звезд — компетентности, достоинства, мужества.

Его друг тот, кто возражает; его враг тот, кто молчит. Значит, он ждет.

Чего же?!

Гонорар за публикацию в журнале «Не написанных романов» автор перечисляет на счет фонда «Мемориал».

413

ЦВЕТ ОГНЯ

«Ново только то, что талантливо. Что талантливо, то ново». Это присловье Антона Павловича Чехова вспомнилось, когда перевернул последнюю страницу новой книги стихов и поэм Михаила Борисова «Цвет огня» (М.: Воениздат, 1988) и задумался, чем же она так увлекла и держала в напряжении от начальных строк до заключительных. Ну конечно же, новизной. Новизной чувства — темы-то старые, изъезженные, как говорится, вдоль и поперек: война, фронтовая дружба, сегодняшней день армии (отчасти и внутренних войск, в которых автор, полковник в отставке, прослужил немало лет), любовь к Родине и к женщине, однако осмыслены они по-своему, показаны под таким углом зрения, под каким мы их не видели или не представляли себе.

Пример? Да вот же: «На фронте мы не думали о нервах — война кроила землю под погост. А из траншей Бойцы в шинелях серых, бывало, поднимались в полный рост». Атаку-то мы вообще представляем — в кино видели, читали о ней, в учебную и сами ходили, но эту переживаем совсем по-новому: очень уж обнажены перегрузки души перед неизвестностью. Но прочтем стихотворение дальше: «Он так и встал Однажды в сорок первом Мой командир, почти ровесник мой, И поднял руку...» Обыкновенность поступка? Да, на войне такое случалось повседневно и запечатлено всеми, кто был там, и не без сердечной боли. Слышна она и у М. Борисова, но высказано им и нечто большее:

В те дни судьба не каждому светила.
Мой командир,
Тебе того рывка
Всего на шаг единственный хватило.
Всего на шаг... в грядущие века.

Здесь формула нашей Памяти: они с нами в нынешнем дне, павшие на Великой Отечественной!

Михаил Борисов, Герой Советского Союза, семнадцатилетним оказался в самом пекле «роковых сороковых», чудом уцелел на Курской дуге, выстояв в единоробстве с семьей «тиграми»...

Война вошла в него болью за не вернувшихся с полей сражений однополчан, и это тревожит сильнее сидящих в теле вражеских осколков: «Судьба моя — войны жнивьё... А может, мне как раз и надо Стать не вернувшимся с нее И не желающим возврата». В этих словах поэт не даже вопроса — в мыслях, чувствах он там, где рвались крестастые танки, где решалась судьба Отечества. Оттого и его телерешные думы — о вере, о долге, о месте в строю.

Поэт-фронтовик не поддерживает расхожие представления о безалаберности нашей молодежи: «Они подчас горячи, как береста, Их тянет и на скепсис, говорят... Но если знать, Что это все от роста. Понять нетрудно нынешних ребят».

Может, кто-то заспорит с поэтом, а я — нет; еще близко у сердца героизм сегодняшних солдат, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. Немало примеров подлинного мужества их ровесников из внутренних войск — и во время чернобыльской трагедии, и в повседневной боевой службе. Михаил Борисов знает это не понаслышке и потому уверенно заявляет:

Беречь покой в своем родном краю
И охранять — сложнее нет задачи!
Ее решая,

Так или иначе

Находишься безвыходно в бою.

Было бы несправедливо обойти название книги — «Цвет огня». В нем тоже проявилась новизна поэтического взгляда Михаила Борисова. В одноименной поэме он дает увидеть грозящий гибелью огонь изнутри — из солдатского окопа, заступившего путь мировому злу — фашизму:

— В огонь его! —

Ревело все вокруг

И смрадом раскаленным обжигало.

Впивались в руки щупальца огня,

В лицо,

В мои сержантские погоны...

Герой поэмы, в чьей судьбе легко угадывается авторская, выстоял, выдюжил, и помогло ему в этом, думается, то, что он со школьных, дофронтовых лет был «киным огнем душевно озарен». Это и «огонь заката, что на глазах меняет цвет», и чувство первой влюбленности — «ее зарница», и т. д. Мир человека представлен поэтом не только многомерным, но и многоцветным, и это расширяет представление о самих себе. И в этом тоже видится мне удача М. Борисова. Не сомневаюсь, новая книга стихов и поэм его придется по душе всем, кто прочтет ее.

Евгений ЕРХОВ,
член Союза писателей СССР.

Старший прапорщик
И. БОЛДИН

ВОЛЧАТА

РАССКАЗ

...А может, все это сон! Встряну сейчас головой и перестану быть подсудимым! И глаза мамы — она здесь, в зале, на передней скамье — не будут кричать: «Как же ты мог, сынок!...»

Я сам не знаю ответа на этот вопрос, мама. Полгода назад я клялся, что, уже познав сполна жестокость и наглость «дедов», никогда не стану таким, как, к примеру, старший сержант Родькин...

Вот он, Родькин, стоит перед нами в начищенных до зеркального блеска сапогах, холодно смотрит поверх строя и говорит небрежно, словно шелуху от семечек выплевывает:

— Я, старшина школы сержантского состава, обещаю, что сделаю из вас людей. Говорю специально для тех, кто уже приобрел дембельские календарики и дни там отмечать начал: зачеркивайте первые месяцы пребывания здесь черной краской...

Нас, молодых солдат, только что прибывших в школу с учебных сборов, сорок два человека. Мы стоим в две шеренги и пожираем глазами старшего сержанта, еще не пугаясь его слов. Думаем, что это он нас так, для порядка, страшит. Командир должен быть суровым, вот он суровость на себя и напускает.

— Отныне я для вас и бог, и мать, и отец. Если вздумаете жаловаться на командиров отделений, чего делать не советую, обращайтесь ко мне. А вздумаете на меня жаловаться — и ООН не поможет, устройте веселую жизнь, запомните это. А теперь напра-во! Ш-ш-ша-гом...

Кто-то из нас раньше команды сделал шаг, и Родькин ткнул пальцем в сторону виновника:

— Сегодня, салага, в туалете пахнуть будешь. Чтоб там все блестело и благоухало. Я там ночью кофий пить буду и не дай бог найду к чему придраться...

В строю кто-то засмеялся: вот, мол, как шутит командир. Родькин мгновенно победил лицом и сказал таким тоном, что нам стало не по себе:

Рисунок В. Лопаты.

— Катранов, из твоего отделения хохотунчик. Запомни его, вечером покажешь.

После отбоя виновники ушли в туалет и закончили там работу, как я позже узнал, только к утру. Стали в строй, не поспав ни минуты. Кроме того, подчиненному командиру отделения сержанта Катранова, тому самому, который нехотая рассмеялся, Родькин пообещал работу и на следующий день: «Будешь знать, над кем смеешься»...

Родькину нравилась роль Наполеона. Он и походил чем-то на него: маленький, лупоглазый. Наверное, на гражданке его постоянно притесняли и обижали, и вот теперь, дорвавшись до власти, он отыгрывался на нас, ему доставляло наслаждение унижать других, подчеркивая перед солдатами свое превосходство...

Я же это еще тогда понимал. Я же видел, как относились к нему и мы, и даже начальство, так почему же, почему же сам...

У командира нашего отделения сержанта Катранова любимое словцо — «Сгною!». Понятна строгость, сочетаемая со справедливостью, но в данном случае сочетаемостью и не пахнет. «В любом грехе у меня виноват тот, на кого пальцем ткну. Вот того и сгною, а вы уж сами разбирайтесь, кто прав, кто нет». Катранов — что в высоту, что в ширину: невысокий, толстенький. Глаза, как из амбразур, глядят из тоненьких злых щелей век. Катранова не любят и сержанты. Его речь — поток матерных слов, да и те почти не связаны логикой. «Виноваты» у него в основном грамотные, толковые ребята, такие, к примеру, как Саша Маросин, вчерашний студент-инязовец.

Мы выходим на стрельбище. Катранов строит отделение, тычет пальцем в грудь Маросину:

— Другие меня не волнуют, но если ты, умник, промажешь по мишеням, поползешь на животе от огневого рубежа до казармы. Впрочем, нет, все отделение ползти будет, а я — вас в зад подгонять.

Никто в строю не смеется, мы уже верим, что все может именно так и произойти. Мы почти месяц здесь, из сорока двух нас осталось тридцать шесть: шестеро сумели добиться отчисления. Один из них прислал нам письмо: попал в хорошую роту, никакого сержантского диктата, никакой «дедовщины». Живут же люди! А тут...

Маросин нервничает, сигарета подрагивает в его белых длинных пальцах.

— Я не за себя, я за вас переживаю, ребята. Вы-то почему страдать должны?

— А может, обойдется, Саша? — говорю я. — Может, пойдет стрельба?

— После такого инструктажа? — Маросин горько улыбается. — Я не привык к хамству, ребята. Позавчера он мне сам же эмблемы на шинели погнул, а потом за нарушение формы одежды наказал. Вчера ему не понравилось, как я шапку ношу, — в грязь ее кинул. А сегодня вот...

— У меня земляк здесь служит, из «стариков», — говорит рядовой Володя Кушлев. — Может, поговорить с ним? «Старики» на место кого угодно поставят, если захотят.

Мы одобрительно гудим, и Володя, воспользовавшись выпавшим перекурком, юркнул в стеклянный скворечник ЦПУ — там, на пульте управления, и находился земляк. Вернулся он быстро, виновато пожал плечами:

— Просит много — десять порций сливочного масла. Чтoб завтра, за завтраком, отдали. Я не согласился.

Теперь-то я знаю, что мало только понимать и видеть. Если б мы тогда хоть что-нибудь предприняли... Я не знаю что... Возмущались бы вслух на собрании, командиру батальона пожаловались бы, в журнал на-

писали бы... Но мы лишь сопели в две дырочки и делали для себя наивные выводы: вот станем сержантами и «стариками» — будем совсем другими, ни на кого не зарорем, никого не обидим. А сами молча терпели обиды и не замечали, как эрозия зла разъедает наши души.

Маросин все же промахнулся. И все мы стреляли в этот день безобразно. Пули в цель послал только Катранов. Вот он докладывает о результатах командиру роты капитану Небесному, и Небесный, высокий, стройный — ни пылинки на форме, ни былинки на сапогах — мягким бархатным голосом поучает сержанта:

— Работать, Катранов, с людьми надо, работать. Угрюмые они у вас какие-то. Жизнь у вас, наверное, невеселая. Так встряхните их.

Далеко за спиной Небесного стоит рядовой Захаров, из другого отделения, держит огромный букет поздних осенних цветов. Небесный недавно женился, не до нас ему сейчас. А может, и не в свадьбе дело. Может, такой стиль работы у капитана: как можно меньше с нами общаться, есть же, мол, замполит и взводные...

Мы возвращаемся в учебный городок по раскисшей лесной дороге. Катранов подозрительно молчалив и улыбочив. Значит, надо ждать от него сюрприза.

Впереди — огромная лужа, озеро целое. Сержант обходит ее по берегу, мы шлепаем по воде, она почти вровень с голенищами.

— Отделение, стой!
Вода, вода, кругом вода... Была такая песенка.

Катранов открывает полевую сумку, достаёт книжцу — не видим какую, — говорит:

— Сейчас проведем занятие по ЗОМП. Коротко напомню, — листает страницы, находит нужную: — Вот. Падать нужно ничком, прикрыв голову руками, в противоположную сторону от взрыва. Ясно? Молчание — знак согласия. А теперь внимание! «Вспышка справа!» Что стоите, бараны! Ложись! Ложись, Велеев, иначе я тебя сейчас силой уложу!

Марат Велеев, щуплый, с прозрачной кожей солдат, первым упал в воду. Мы — вслед за ним. Только поднялись — «Вспышка слева!», «Вспышка слева!»...

Ледяная вода обожгла спины...
К ужину мы опоздали. Родькин отреагировал на это спокойно: «Сытый солдат —

ленивый солдат». А капитан Небесный сделал замечание Катранову:

— Впредь больше о людях беспокоиться. Занятия занятиями, а в нужды-то вникать надо.

Сказал так—и опять ушел в канцелярию. А замполит повел нас в столовую пить холодный чай.

К утру у четырех солдат поднялась температура до сорока. Особенно плох был Велеев, его отвезли в госпиталь, остальных положили в санчасть. В роту пришел майор с медицинскими эмблемами, ни с кем не поговорил, но проверил форточки и сказал Небесному:

— Сквозняки. Дует из окон. Утепляться пора. И потом, почему солдаты сапоги сушат под батареями? Почему сушилка закрыта? Непорядок.

Родькин обещал сделать из нас людей. Он уже не выполнит свое обещание. Его убрали от нас за избивание Щеглова, солдата из нашего отделения. Щеглов был дневальным, наводил порядок в спальном помещении и не добрался веником до пыли за тумбочками. Старший сержант сначала обматерил его, а потом стукнул кулаком в грудь. Щеглов очень неудачно упал: ударился лицом о спинку кровати, рассек бровь, разбил губы. Как все это квалифицировало начальство — не знаю, но Родькин уехал тихо и незаметно. Взвод боится, что вместо него назначат Катранова. Скулим тихо и печально, как волчата. До нас никому нет дела. Вроде и командиров вокруг полно, и приезжее начальство казарму не обходит, а дела нет никому. Офицеры живут своей жизнью, мы — своей. Они смотрят сквозь нас, они разговаривают не с Маросиным или Велеевым, то есть не с личностью, а с представителем подчиненной им среды. «Не голоден! Не мерзнешь! Все остальное—ерунда!»

Нам некому излить души, а без душ мы действительно волчата, у которых холодом блестят глаза и становится дыбом шерсть на загривках.

Предвидится три дня спокойной жизни. Дело в том, что замполит призвал нас сегодня стать донорами и пообещал за это отдых на семьдесят два часа. «Добровольцы, шаг вперед!» Шагнули все.

Получили по бутылке яблочного сока и по шоколадке и прикончили все это прямо в приемной санчасти.

А когда вернулись в роту, взвод сразу же построил сержант Катранов—стал-таки вместо Родькина—и заорал:

— Сачковать решили, да? То, что вам замполит обещал, забудьте. Меня ротный отчитал за то, что наш взвод отстающий по физподготовке, а потому приготовьтесь после обеда к кроссу на шесть км, ясно? Я вам кровь быстро восстановлю!

Мы застываем и цепенеем от его слов. Нас уже заранее шатает от предчувствия

того, что ждет каждого на кроссе. Белеют прикушенные губы.

И вдруг в наступившей тишине—спокойный, нет, очень спокойный голос рядового Маросина:

— Катранов, а ведь ты старше нас всего на полгода. И скоро мы сами станем сержантами. И если останемся здесь же... Впрочем, если и будем уезжать, то найдем возможность встретиться с тобой. Ты не боишься этой встречи, Катранов?

— Кто... сказал? — хрипло спросил сержант, непонимающе глядя на Маросина.

И тут у волчат прорезались голоса. Наверное, никто из нас не сможет толком объяснить, почему это произошло, но — прорезались. И на вопрос сержанта мы в один голос подвыли:

— Я-а-а!

У него как-то сразу опали плечи. Он водил по строю глазами, чуть вздрагивал, будто впервые видел каждого, и мы вдруг прочли в его глазах—не злость, не ярость, нет —страх. Страх одного перед стаей. Мы без команды сломали строй, сели на прикроватные табуреты. Катранов резко развернулся и вышел из спального помещения.

С этого дня он нас больше не донимал. Но это как раз и выводило нас из себя. Мы почуствовали свою силу, и все чаще и громче говорили о мести, которая должна свершиться над Катрановым.

Но никакой мести не свершилось. В один из дней нам выдали сержантские погоньи, мы облепили зеркала в ротной бытовке, и Катранов ходил меж нами, хлопывая по плечам и называя нас по именам, и мы платили ему тем же и понимали, что перешли уже в иное качество, что стали тертыми и мудрыми, что кое-что умеем благодаря минувшей адской учебе...

Мама, мама, я не знаю, как это произошло, честное слово, не знаю. Ведь все же было нормально. Меня оставили здесь же учить молодое пополнение, я ведь ничего не замысливал плохого, когда гонял их и себя до седьмого пота, когда орал на них и требовал вытягиваться в струнку и даже когда совал им кулаком под ребра. У меня уже был выработан свой стереотип поведения, я знал, что можно, а что нельзя, и все же, вчерашнему волчонку, мне изменило чувство меры, меня подвела вера в свою безнаказанность. Распалив сам себя криками, я потерял контроль и ударил в лицо того, кто не смог подтянуться на перекладине, а потом, уже лежавшего, ногой—по ребрам...

И вот мне предоставляют последнее слово.

Не знаю, о чем говорить. О Родькине, Катранове, Небесном! О Велееве и Маросине! Так хочется оправдаться.

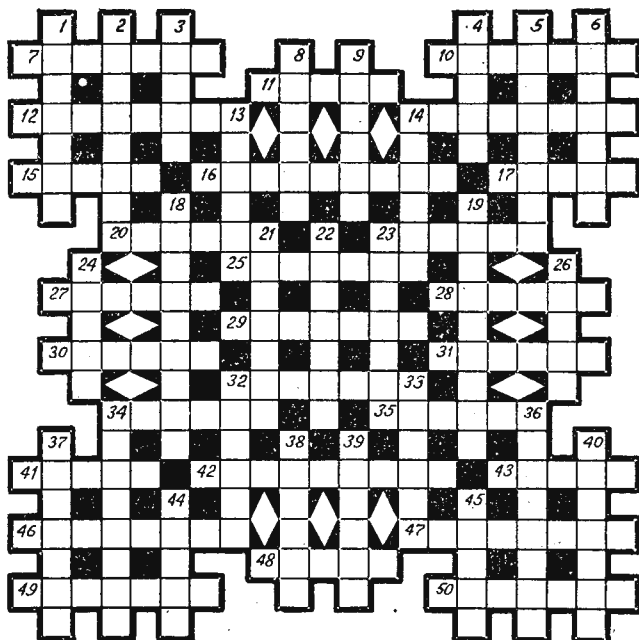
Но я ведь не глупый человек, я знаю, что винить надо только себя...

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

ЗАДАНИЕ № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Рулевое колесо, 10. Герой романа М. Шолохова «Они сражались за Родину», 11. Отравляющее вещество, 12. Один из первых образцов ручного огнестрельного оружия, 14. Один из разведчиков, водрузивших Красное знамя Победы над рейхстагом, 15. Особый вид дежурства на кораблях, 16. Отверстие в стене оборонительного сооружения для ведения огня, 17. Кремневое ружье, 20. Путь сообщения вдоль фронта, 23. Древнее рубящее холодное оружие, 25. Советский космонавт, бортинженер на космическом корабле «Союз-14» и орбитальной станции «Салют-3», 27. Трактористка, инициатор соревнования женских тракторных бригад в СССР в годы Великой Отечественной войны, Герой Социалистического Труда, 28. Советский архитектор, лауреат Ленинской премии, один из авторов мемориального комплекса Хатынь, 29. Роман О. Гончара, 30. Устройство в огнестрельном оружии, 31. Отсутствие выстрела вследствие неисправности оружия, 32. Русский изобретатель в области артиллерии и пиротехники, 34. Прибор для наводки оружия в цель, 35. Порт в Финском заливе, 41. Спортивное оружие, 42. Кодовое название плана Белорусской операции 1944 г. советских войск в Великой Отечественной войне, 43. Известный русский советский поэт, участвовавший в боях Великой Отечественной войны, 46. Личное огнестрельное оружие, 47. Предметы снаряжения, облегчающие военнослужащим ношение оружия, боеприпасов, личных вещей и продовольствия, 48. Советский разведчик, Герой Советского Союза, 49. Командарм 1 ранга, в 1919 — 1924 гг. главнокомандующий вооруженными силами Советской Республики, 50. Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Специалист по вождению судов и летательных аппаратов, 2. Предмет или элемент рельефа, используемый в войсках для определения своего местонахождения, управления

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ Е. БУРОВ

подразделением и огнем в бою, 3. Знак различия на форменной одежде, 4. Подразделение в казачьих войсках русской армии, 5. Известный советский пограничник, полковник, Герой Советского Союза, 6. Повесть Л. Сейфуллиной, 8. Доклад военнослужащего начальнику по служебным вопросам, 9. Часть патрона, 13. Большое соединение согласованно действующих кораблей, самолетов или танков, 14. Известный советский кинорежиссер-документалист, автор фильмов «Суд народов», «Великая Отечественная», 18. Участок водной поверхности в установленных границах района моря или порта, 19. Увеличивающий оптический прибор, 21. Военное учреждение для ремонта и хранения оружия и боеприпасов, 22. Один из руководителей подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», 23. Советский поэт, автор популярного в годы Великой Отечественной войны стихотворения «Жди меня», 24. Заграждение, 26. Фигура высшего пилотажа, 32. Войска, высаженные на территории противника в целях ведения боевых действий, 33. Форма рельефа, возвышающаяся над прилегающими участками местности, 34. Солдат Советской Армии, активный участник Движения Сопротивления в Италии, Герой Советского Союза, 36. Воинские части и учреждения, расположенные в определенном населенном пункте, 37. Воинское звание, 38. Основательница советской батальной живописи, 39. Бесстрашие, 40. Юный партизан-разведчик, Герой Советского Союза, 44. Советский военачальник, удостоенный до войны звания героя МНР, а во время войны дважды — Героя Советского Союза, 45. Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза.

лярного в годы Великой Отечественной войны стихотворения «Жди меня», 24. Заграждение, 26. Фигура высшего пилотажа, 32. Войска, высаженные на территории противника в целях ведения боевых действий, 33. Форма рельефа, возвышающаяся над прилегающими участками местности, 34. Солдат Советской Армии, активный участник Движения Сопротивления в Италии, Герой Советского Союза, 36. Воинские части и учреждения, расположенные в определенном населенном пункте, 37. Воинское звание, 38. Основательница советской батальной живописи, 39. Бесстрашие, 40. Юный партизан-разведчик, Герой Советского Союза, 44. Советский военачальник, удостоенный до войны звания героя МНР, а во время войны дважды — Героя Советского Союза, 45. Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза.

ТЕМ,

КТО УВОЛЬНЯЕТСЯ

В ЗАПАС

ПРИГЛАШАЕМ НА РАБОТУ

Приглашаем на строительство
Северной ТЭЦ в г. Мытищи:
монтажников стальных и
железобетонных конструкций,
арматурщиков,
электро- и газосварщиков,
газорезчиков,
плотников,
бетонщиков,
слесарей-сантехников,
маляров,
штукатуров.

Принятым на работу
предоставляется общежитие
в г. Москве и пригороде.

Постоянные квартиры будут
предоставляться в течение
4—5 лет.

Адрес:
141061, Московская область,
Мытищинский район,
п/о Челобитьево,
СУ Северных ТЭЦ.

Проезд:
от ст. метро «Медведково»
автобусами № 177, 314
до остановки «Школа»;
от ст. Мытищи
автобусом № 314
до остановки «Школа».

Телефоны:
478-65-62, 476-81-48.

ЧИТАЙТЕ

Не узбекский народ, а группы экстремистов и преступных элементов, преследуя прежде всего личные цели, пользуясь на первых порах безнаказанностью, терроризировали людей, поджигали дома, нападали на предприятия, здания партийных, советских и правоохранительных органов. В результате их преступных действий имеются человеческие жертвы.

Полковник П. СТУДЕНИКИН.
«Запах горя и гари».

В СЛЕДУЮЩЕМ

— Ну помогите же кто-нибудь! — раздался душераздирающий крик заложницы из-за двери.

Майор А. Романов тихо проговорил: «Вперед!», и группа прикрытия взяла на себя роль группы захвата.

Наш корреспондент побывал
на месте происшествия
в городе Семипалатинске.

НОМЕРЕ

Операции, которой по предложению комиссара секретно-оперативной части Петроградской ЧК Леонида Ярового было присвоено столь необычное название, как «Перстень Люцифера», предшествовали некие события в столице Швеции. Они произошли в первых числах сентября 1918 года, последнего года первой мировой войны...

Юрий КЛАРОВ.
«Перстень Люцифера»
(повесть).

Условия подписки на наш журнал читайте на 4 странице обложки.
Подписная цена на год — 6 руб. 60 коп.

**12 АВГУСТА —
ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА**

■ Командиры отделений младший сержант Юрий Мервинский и сержант Шухрат Хасанов любят «железную игру» — гиревой спорт.

■ И во взводе старшего лейтенанта В. Очкасова свободное время было отдано спорту — солдаты пробежали кросс, азартно сыграли в волейбол.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

КАЖДЫЙ НАШ ЧИТАТЕЛЬ НАЙДЕТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ИНТЕРЕСНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ ДЛЯ РАБОТЫ ПУБЛИКАЦИИ:

- статьи, рассказывающие о ходе перестройки в деятельности войск на современном этапе
- передовой опыт командиров, полторганов, штабов, партийных и комсомольских организаций, специалистов служб тыла
- очерки о лучших людях войск, мастерах боевой службы, активистах-общественниках, прославленных спортсменах-динамовцах
- письма читателей по самым разнообразным вопросам, консультации и справочный материал
- литературные произведения известных писателей В. Пикуля, М. Прудникова, О. Горчакова, А. Адамова, а также прозу и поэзию войсковых авторов.

ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ НЕОБХОДИМО

- Пересылку заказов и расчеты с редакцией производить через финансовые органы в порядке подчиненности.
- Бюджетную и индивидуальную подписку оформлять одним заказом.
- Заказ составлять на все войска по управлению (соединению, училищу) с приложением списка адресов частей, подразделений и указанием количества экземпляров журнала на год и полгода.
- В адресе для доставки журнала указывать почтовый индекс, номер почтового отделения, район, область, край, республику.
- При невозможности выслать заказ к установленному сроку необходимо предупредить об этом редакцию.

Заместителям командиров частей по политической части и общественным распространителям печати следует контролировать поступление журнала в войсковую часть, проверять, все ли подписчики его получили. В случае несвоевременной доставки номеров журнала обратиться к начальнику почтового отделения или начальнику городского агентства „Союзпечати“ и сообщить по адресу: 111250, Москва, редакция журнала „На боевом посту“.